

Святитель Василий Великий

Беседы на Шестоднев

Текст первых девяти бесед приводится по изданию: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч.1. — Москва, 1891. — С. 5–149.

Беседы 10 и 11 приводятся по «Журналу Московской Патриархии», 1972, № 1.

содержание

- Беседа 1. В начале сотворил Бог небо и землю (Быт. 1, 1)
- Беседа 2. О том, что земля была невидима и неустроена (Быт. 1, 2)
- Беседа 3. О тверди
- Беседа 4. О собрании вод
- Беседа 5. О прозябениях земли
- Беседа 6. О сотворении небесных светил
- Беседа 7. О пресмыкающихся
- Беседа 8. О птицах
- Беседа 9. О животных земных
- Аннотация к 10 и 11 беседам.
- Беседа 10. Святого Василия Кесарийского беседа первая о сотворении человека «по образу...».
- Беседа 11. Вторая беседа о человеке святого Василия Великого, архиепископа Кесарийского.

Беседа 1

В начале сотвори Бог небо и землю. (Быт. 1, 1).

Кто хочет повествовать о составе мира, для того приличное начало — сказать предварительно о начале устройства видимых вещей. Ибо он должен передать историю о творении неба и земли, которое не само собою произошло, как представляли себе некоторые, но имело причину в Боге.

Какой слух будет достоин великости повествуемого? С каким приуготовлением надобно приступать душе к слышанию таких предметов? Ей должно быть чистою от плотских страстей, не омраченною житейскими заботами, трудолюбивою, изыскательною, вникающею во все, из чего только можно занять понятие о Боге, достойное Бога.

Но прежде нежели исследуем точность речений и рассмотрим многозначительность сих немногих слов, представим себе, кто беседует с нами? Чрез

это, хотя бы, по немощи нашего разумения, и не проникли мы в глубину сердца повествователю, однако же, обратив внимание на достоверность говорящего, сами собою дойдем до необходимости согласиться на сказанное.

Итак, составивший сие повествование есть Моисей — тот Моисей, о котором засвидетельствовано, что *бе угоден Богови* (Деян. 7, 20), будучи еще грудным младенцем, которого усыновила дочь Фараонова, и воспитала по-царски, приставив к нему для обучения мудрых Египетских наставников. Который, возненавидев гордость преобладания и обратившись к униженному состоянию единоплеменников, *паче изволи страдати с людьми Божиими, нежели имети временную греха сладость* (Евр. 11, 25); который, получив от самой природы любовь к правде, еще прежде, нежели вверено ему начальствование над народом, по естественному отвращению от зла, оказывается даже до смерти готовым преследовать злых; который, будучи изгнан благодетельствованными, и с радостью оставив Египетские мятежи, удалившись же в Эфиопию, там, на совершенной свободе от других занятий, в продолжение целых сорока лет, упражнялся в умозрении о существующем; который, будучи уже семидесяти лет, видел Бога, как можно видеть человеку, лучше же сказать, как не видал ни один человек, по собственному Божию свидетельству: *аще будет в вас пророк Господень, в видении ему познаюся, и во сне возглаголю ему. Не тако якоже раб Мой Моисей, во всем дому Моем верен есть: усты ко устам возглаголю ему яве, и не гаданием* (Чис. 12, 6–8). Сей-то, наравне с Ангелами удостоившийся лицезрения Божия, повествует нам нечто из того, что слышал он от Бога. Послушаем же вещаний истины, которые изречены *не в препретельных человеческия премудрости, но в наученых Духа* (1 Кор. 2, 4; 2, 13), и имеют целью не похвалу слушающих, но спасение поучаемых.

В начале сотвори Бог небо и землю. Изумительность мысли связывает у меня слово. О чем говорить прежде? С чего начать толкование? Обличать ли суетность язычников? Или возвеличить истину нашего учения?

Еллинские мудрецы много рассуждали о природе, — и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым, потому что последующим учением всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему нам нет и нужды обличать их учения, их самих достаточно друг для друга к собственному низложению. Ибо не знавшие Бога не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины, а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем. Потому одни прибегали к вещественным началам, и причину всех вещей приписывали стихиям мира, другие же представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела, тяжесть и скважинность, потому что рождение и разрушение происходят, когда неделимые тела то взаимно сходятся, то разлучаются, а в телах, существующих долее других, причина продолжительного пребывания заключается в крепчайшем сцеплении атомов.

Подлинно ткнут паутинную ткань те, которые пишут это, и предполагают столько мелкие и слабые начала неба, земли и моря. Они не умели сказать: *в начале сотвори Бог небо и землю.* Потому вселившееся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто бы все пребывает без управления и устройства, и приводится в движение как бы случаем. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающий мироздание прямо, в первых словах, просветил наше разумение именем Божиим, сказав: *в начале сотвори Бог.*

Какой прекрасный порядок! Сперва упомянул о *начале*, чтобы иные не почли мир безначальным, а потом присовокупил: *сотвори* — в показание, что сотворенное есть самая малая часть Зиждителява могущества. Как горшечник, с одинаковым искусством

сделавший тысячи сосудов, не истощил тем ни искусства, ни силы, так и Создатель этой вселенной, имея творческую силу, не для одного только мира достаточную, но в бесконечное число крат превосходнейшую, все величие видимого привел в бытие одним мановением воли.

А если мир имеет начало и сотворен, то спросим себя: кто дал ему начало, и кто его Творец? Лучше же сказать, чтобы тебе, доискиваясь сего посредством человеческих умствований, не уклониться как-нибудь от истины, Моисей предварил своим учением, вместо печати и ограждения нашим душам, наложив досточтимое имя Божие, когда сказал: *в начале сотвори Бог*. Сие блаженное Естество, сия неоскудевающая Благодать, сия Доброта любезная и многовожденная для всякого одаренного разумом существа, сие Начало существ, сей Источник жизни, сей духовный Свет, сия неприступная Мудрость, — вот Кто *сотвори в начале небо и землю!*

Посему, человек, не представляй себе видимого безначальным, и из того, что движущиеся на небе тела описывают круги, а в круге чувство наше с первого взгляда не может приметить начала, не заключай, что природа круговращаемых тел безначальна. Да и этого круга, то есть начертания, на плоскости описанного одною чертою, не должны мы предполагать уже безначальным потому, что убегает от нашего чувства, и не можем мы найти, где он начался и где окончился. Напротив того, хотя сие и убегает от нашего чувства, однако же в действительности, кто описывал круг из средоточия и известным расстоянием, тот, без сомнения, начал его откуда-нибудь. Так и ты, видя, что тела, описывающие круги, возвращаются в прежнее свое положение, равномерностью и непрерывностью их движения не удерживай себя в той ложной мысли, будто бы мир безначален и нескончаем. *Преходит бо образ мира сего* (1 Кор. 7, 31), и: *небо и земля мимоидет* (Мф. 24, 35).

Предвозвещением же догматов о скончании и изменении мира служит и то, что предано нам ныне кратко в самых начатках богодухновенного учения *в начале сотвори Бог*. Начавшееся со временем по всей необходимости и окончится во времени. Если имеет начало временное, то не сомневайся о конце.

Но к какому концу приводят геометрия, арифметические способы, исследования о толщах и пресловутая астрономия — эта многопопечительная суета, если изучившие эти науки дошли до заключения, что видимый сей мир совечен Творцу всяческих Богу, и если то, что ограничено и имеет вещественное тело, возвели они в одну славу с естеством непостижимым и невидимым, не в состоянии будучи уразуметь и того, что где подлежат повреждениям и переиначиваниям части, там и целое необходимо потерпит некогда одинаковые видоизменения с собственными своими частями? Но они до того *осуешишася помышлении своими, и омрачися неразумное их сердце, и глаголющася быти мудри обьюродеша* (Рим. 1, 21–22), что одни утверждали, будто бы небо от вечности существует вместе с Богом, а другие говорили, что оно есть Бог безначальный и нескончаемый, причина благоустройства в частях вселенной. И без сомнения, излишество мирской мудрости принесет для них некогда приращение тяжкого осуждения за то, что, с такою осмотрительностью вникая в пустые предметы, произвольно слепотствовали в уразумении истины. Но они, вымерившие расстояние звезд, описавшие звезды, всегда видимые и северные, а также звезды находившиеся около южного полюса, и живущим там видимые, а нам неизвестные, разделившие на тысячи частей и северную широту и зодиакальный круг, с точностью наблюдавшие возвращение звезд, их стояния, склонения и общее движение к прежним местам, а также время, в какое каждая из планет совершает свой период, — они не нашли одного из всех способа, как уразуметь Бога, Творца вселенной и праведного Судию, воздающего каждому достойно по делам, и как вместить в уме

вытекающую из понятия о суде мысль о скончании, потому что миру необходимо измениться, если и состояние душ перейдет в другой род жизни. Ибо как настоящая жизнь имеет качества сродные сему миру, так и будущее существование наших душ получит жребий свойственный своему состоянию. Но они до того не расположены внимать сим истинам, что даже громким смехом встречают нас, которые возвещаем кончину сего мира и вечное пакибытие.

Поелику начало, естественным образом, предшествовало тому, что от начала, то повествующий о вещах, получивших бытие во времени, по необходимости всему предположил это выражение: *в начале сотвори*. Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира, но сие, хотя и постижимо для нашего разума, однако же не введено в повествование, как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира, было некоторое состояние приличное премирным силам, превысшее времени, вечное, присно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания — мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение умосозерцаемых тварей, превосходящих наше разумение, так что нельзя изобрести для них и наименования. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира, как научает нас Павел, говоря: *яко Тем создана быша всяческая, аще видимая, аще невидимая, аще престолы, аще господствия, аще начала, аще власти* (Кол. 1, 16), и ангельские воинства, и архангельские чиноначалия.

А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир — главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще место пребывание для всего подлежащего рождению и разрушению, тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям преемство времени, всегда поспешающее и протекающее, и нигде не прерывающее своего течения. Не таково ли время, что в нем прошедшее миновалось, будущее еще не наступило, настоящее же ускользает от чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающего в сем мире. Оно то непременно возрастает, то умалется, и явным образом не имеет ничего твердого и постоянного. Посему и телам животных и растений, которые необходимо соединены как бы с некоторым потоком, и увлекаются движением, ведущим к рождению или разрушению, прилично было заключиться в природе времени, которое получило свойства сродные вещам изменяемым. По сей-то причине премудро изъясняющий нам бытие мира, рассуждая о мире, весьма кстати присовокупил: *в начале сотвори*, то есть в сем начале, в начале временном. Ибо, конечно, не во свидетельство того, что мир по своей первобытности предшествует всему сотворенному, именует его происшедшим в начале, но говорит о начале происхождения сих видимых и чувством постигаемых вещей после невидимого и умосозерцаемого.

Началом называется и первое движение, например: *начало пути блага, еже творити праведная* (Притч. 16, 6), потому что прежде всего праведные дела движут нас к блаженной жизни. Но началом называется и то, с чего начинается какая-нибудь вещь, между тем как в ней есть и другое, например: в доме основание и в корабле подводная часть. В таком смысле сказано: *начало премудрости страх Господень* (Притч. 1, 7), потому что богобоязненность есть как бы основа и опора совершенства. Началом же искусственных произведений именуется искусство, например: мудрость Веселеила была началом украшения Скинии. А началом нравственных поступков бывает часто и полезный конец сделанного, например: началом милостыни — приобретение благоволения Божия, и началом всякого добродетельного действия — ожидающий нас по обетованиям конец.

Поелику же начало берется в стольких значениях, то смотри, нельзя ли к слову сему и в настоящем случае приложить всех знаменований. Ибо тебе можно узнать, с какого времени началось строение сего мира, если, от настоящего поступая назад, потрудишься найти первый день бытия мира. В таком случай найдешь, с чего во времени началось первое движение. Потом найдешь и то, что, как бы некоторыми основаниями и опорами, предварительно прочему, положены небо и земля, а потом, что есть какой-то художественный Ум, который распоряжался украшением видимых вещей, как показывает тебе самое слово: *начало*. Найдешь также, что не напрасно и не без цели, но для полезного некоторого конца, представляющего существам обширное употребление, измышлен сей мир, — если только действительно он есть училище разумных душ, в котором преподается им боговедение и чрез видимое и чувственное руководствует ум к созерцанию невидимого, как говорит Апостол, что *невидимая Его от создания мира творении помышляема видима суть* (Рим. 1, 20).

Или, может быть, поелику действие творения мгновенно и не подлежит времени, то и сказано: *в начале сотвори*, потому что начало есть нечто не состоящее из частей и непротяженное. Как начало пути еще не путь, и начало дома еще не дом, так и начало времени еще не время, а даже и не сама малейшая часть времени. Если же какой-либо любитель споров скажет, что начало времени есть время, то пусть знает, что сим разделить начало на части, а части сии суть: начало, середина и конец. Но придумывать начало для начала весьма смешно. И кто делит начало на двое, тот из одного сделает два начала, лучше же сказать, много и бесконечное число начал, потому что каждую отделенную часть должен будет непрестанно рассекать на новые части. Итак, чтобы мы уразумели вместе, что мир сотворен хотением Божиим не во времени, сказано: *в начале сотвори*. В означение сего древние толкователи [1], яснее выражая мысль, сказали: вкратце (ἐν κεφαλαίῳ) сотвори Бог, то есть вдруг и мгновенно.

Доселе, чтобы из многого сказать не многое, рассуждали мы о начале. Но из искусств одни называются творящими (ποιητικά), другие состоящими то в действовании (πρακτικά), то в умозрении (θεωρητικά). Концом искусств, состоящих в умозрении, служит самое действование ума, а концом искусств, состоящих в действовании, — самое движение тела, по прекращении которого ничего уже нет и не осталось для зрителей: так пляска или игра на свирели не дают ничего в произведении, но действие сие ограничивается только само собою. А в искусствах творящих, и по прекращении действия, дело на виду: таковы искусства домостроительства, плотничества, кузнечества, ткачества и сим подобные. Хотя художника и нет на лице, однако же искусства сии сами собою достаточно показывают художнический ум, и ты можешь удивляться домостроителю, кузнецу, ткачу, смотря на его произведение.

Посему и премудрый Моисей, желая показать, что мир есть художественное произведение, подлежащее созерцанию всякого, так что чрез него познается премудрость его Творца, не другое какое слово употребил о мире, но сказал: *в начале сотвори*. Не сделал, не произвел, но сотворил. И поелику многие из представлявших, что мир от вечности существует с Богом, соглашались не на то, что он сотворен Богом, но что сам собою осуществился, будучи как бы оттенком Божия могущества, и потому хотя признавали Бога причиною мира, но причиною произвольною, как тело бывает причиною тени, и сияющее — сияния, то пророк, поправляя сию ложную мысль, употребил слова с особенной точностью, сказав: *в начале сотвори Бог*. Бог был для мира не сим одним — не причиною только бытия, но сотворил как благий — полезное, как премудрый — прекраснейшее, как могущественный — величайшее. Пророк показал тебе в Боге едва не художника, который, приступив к сущности вселенной, приноровляет ее

части одну к другой, и производит само себе соответственное, согласное и гармоническое целое.

В начале сотвори Бог небо и землю. Двумя крайностями обозначил сущность вселенной, приписав небу старейшинство в бытии, а о земле сказав, что она занимает второе место по сущности. Без сомнения, ежели есть что-нибудь среднее между небом и землею, то оно сотворено вместе с сими пределами. Почему, хотя не сказано о стихиях: огне, воде и воздухе, но ты собственным своим разумением постигни, во-первых, что все находится во всем. И в земле найдешь и воду, и воздух, и огонь. Огонь выскакивает из камней, и из железа, которое само ведет начало от земли, при ударах обыкновенно блещет неистощимый огонь. И достойно удивления, каким образом существующий в телах огонь скрывается в них безвредно, но, будучи вызван наружу, делается истребительным для тел, хранивших его в себе прежде. А что в земле есть и водное естество, доказывают копатели колодцев. И о находящемся в нем воздушном естестве свидетельствуют пары, какие выходят из земли влажной и согретою солнцем. Во-вторых, если по природе своей небо занимает верхнее место, а земля составляет самый низ, почему легкое стремится к небу, а тяжелое обыкновенно клонится к земле, верх же и низ противоположны между собою, то упомянувший о небе и земле, которые по самой природе наиболее удалены друг от друга, конечно, обозначил тем совместительно и все, что наполняет средину между ними. А потому и не ищи повествования о каждой стихии, но в сказанном подразумевай и умолчанное.

В начале сотвори Бог небо и землю. Исследование о сущности каждого существа, или подпадающего нашему умозрению, или подлежащего нашим чувствам, введет в толкование самые длинные и многосложные рассуждения, и при рассмотрении этой задачи нужно будет потратить более слов, нежели сколько можно сказать о каждом из прочих вопросов. Сверх того ни мало не послужит к назиданию Церкви — останавливаться на таком предмете.

Но касательно сущности неба довольно для нас сказанного у Исаии, который в простых словах дал нам достаточное понятие о природе его, сказав: *Утвердивый небо яко дым* (Ис. 51, 6), то есть, для составления неба Осуществивший естество тонкое, не твердое, не грубое. И об очертании неба достаточно для нас сказано у того же пророка в славословии Богу: *Поставивый небо яко камару* (Ис. 49, 22).

То же самое правило предпишем себе и касательно земли, не любопытствовать об ее сущности, что она такое, не тратить времени на умствования, исследуя самое подлежащее, не доискиваться какого-то естества, которое лишено качеств, и само в себе взятое безкачественно, но твердо помнить, что все свойства, усматриваемые в земле, будучи восполнением сущности, входят в понятие бытия. Покусившись отвлечь разумом от земли каждое из находящихся в ней качеств, придешь ни к чему. Ибо если отнимешь черноту, холодность, тяжесть, густоту, качества земли, действующие на вкус, или и другие, какие в ней усматриваются, то подлежащим останется ничто.

Посему советую тебе, оставив все это, не доискиваться и того, на чем земля основана. Ибо при таком изыскании мысль придет в кружение оттого, что рассудок не найдет никакого несомненного предела. Если скажешь, что воздух подложен под широту земли, то придешь в затруднение, каким образом естество мягкое, заключающее в себе много пустоты, противоборствует такой тяжести, будучи ею сдавлено, а не расплывается во все стороны, убегая из-под гнета, и непрестанно переливаясь на верх гнетущего. Опять, если предположишь себе, что вода под землею, то и в таком случае должен будешь спросить, отчего тяжелое и густое не погружается в воду, но слабейшим естеством

поддерживается естество столько превосходящее его тяжестью? Сверх того надобно будет найти опору и самой воде, и опять с недоумением спрашивать: на чем твердом или упорном лежит нижний ее слой? Если же предположишь, что другое тело, которое тяжелее земли, препятствует ей идти книзу: то должен будешь рассудить, что и для него нужно какое-нибудь поддерживающее тело, не позволяющее ему падать вниз. Если же и для него можешь придумать какой-нибудь подкладень, то разум наш опять потребует подпоры и для сего подкладня. А таким образом пойдем в бесконечность, для находимых непрестанно оснований придумывая опять новые. И чем далее станем простираться разумом, тем большую принуждены будем вводить поддерживающую силу, которая бы могла противиться в совокупности всему на ней лежащему.

Посему положи пределы своей мысли, чтобы за любопытство, старающееся изведать непостижимое, и тебя не коснулось слово Иова, чтобы и к тебе не мог относиться его вопрос: *на чем столпы [2] ея утверждени суть* (Иов. 38, 6)? Но если слышишь иногда в псалмах: *Аз утвердих столпы ея* (Пс. 74, 4), то разумей, что столпами названа сила, поддерживающая землю. Ибо слова: *на морях основал ю есть* (Пс. 23, 2), что означают, как не то, что водное естество повсюду разлито вокруг земли? Как же вода, будучи текучею, и по скату обыкновенно падающая вниз, остается висящею и никуда не стекающею? А ты не рассуждаешь, что тоже, или еще и большее затруднение представляет разуму земля, сама на себе повешенная, между тем как она по естеству тяжелее. Но согласимся ли, что земля висит сама на себе, или скажем, что она держится на воде, — в обоих случаях необходимо не отступать от благочестивого разумения и признавать, что все в совокупности содержится силою Творца. А потому и себе самим, и спрашивающим нас: на чем опирается этот огромный и несдержимый груз земли? — надобно отвечать: *в руке Божией концы земли* (Пс. 94, 4). Эта мысль и для нас самая безопасная и для слушающих полезная.

Некоторые естествоиспытатели остроумно доказывают, что земля пребывает неподвижно уже и по следующим причинам: поелику она заняла среднее место в мире, и во все стороны имеет равное расстояние от краев, то, по недостатку причины уклониться куда-нибудь преимущественно, необходимо остается в своем положении, и окружающее ее отовсюду равенство делает совершенно невозможным движение ее к чему-нибудь. Среднее же место досталось земле не по жребию и не по случаю, но таково естественное и необходимое положение земли. Ибо, рассуждают они, как небесное тело удержало за собою крайнее местоверху, так все тяжести, какие предположим падающими сверху, должны отовсюду устремиться к середине. А куда стремятся части, туда, очевидно, соберется и целое. Если же камни, деревья и все земляные частицы стремятся к низу, то это самое положение будет свойственно и прилично целой земле. А если что легкое устремится прочь от середины, то, очевидно, движение его будет кверху. Посему стремление к низу есть стремление свойственное веществам тяжелым, словом же: низ, означается середина. Итак не дивись, что земля ни куда не падает, занимая естественное для нее место — середину. Ибо, по всей необходимости, ей должно пребывать на своем месте, или, приняв противоестественное движение, сойти с свойственного ей основания.

Но если в сказанном доселе кажется тебе что-нибудь правдоподобным, то обратись с удивлением к Божией премудрости, которая так сие устроила. Ибо изумление пред великими предметами не уменьшается, когда открыт способ, каким произошло что-нибудь необычайное. А если и не открыт, то простота веры да будет крепче доказательств от ума.

То же самое можем сказать и о небе, то есть, что мирские мудрецы предложили многословные рассуждения об естестве неба. Одни говорили, что оно сложено из четырех

стихий, как осязаемое, видимое и содержащее в себе — землю, потому что упорно, — огонь, потому что видимо, — прочая же стихии, потому что есть смесь. А другие отринув сие мнение как неправдоподобное, в состав неба ввели какое-то пятое телесное естество, выдумав его самовольно и сами от себя [3]. У них есть какое-то эфирное тело, которое, как говорят они, ни огонь, ни воздух, ни земля, ни вода, ни вообще какое либо из простых веществ, потому что простым веществам свойственно движение прямолинейное, так как легкие стремятся вверх, и тяжелые — вниз, а это тело ни вверх ни вниз не движется, но вращается кругообразно, движение же прямолинейное вообще весьма отлично от кругообразного вращения. Но в телах, у которых естественные движения различны, по необходимости, как рассуждают они, и сущности должны быть различны. Невозможно предположить нам и того, что небо сложено из простых тел иди, так называемых, стихий, потому что сложенное из различных тел не может иметь равномерного и свободного движения, так как каждое простое тело, заключающееся в сложном, имеет по природе свое собственное стремление. По сей причине сложные тела, во-первых, с трудом удерживаются в непрерывном движении, потому что одно движение не может быть соразмерно и дружно со всеми противными движениями. Напротив того, движение, свойственное легкому телу, враждебно движению, которое свойственно самому тяжелому телу. Ибо когда движемся вверх, обременяют нас земляные части, а когда несемся вниз, терпят в нас насилие огненные части, вопреки их природе увлекаемые книзу. Стремление же стихий в противные стороны бывает причиною распада. Принужденное и противоестественное, будучи удержано не надолго, и то насильственно и с трудом, вскоре разлагается на составные свои части, потому что каждая из частей, вошедших в состав, возвращается в собственное свое место. По сей-то, говорят, необходимости выведенных умозаключений, должны были отвергнуть прежние мнения и составить свое предположение те, которые, для происхождения неба и звезд небесных, предположили пятое телесное естество. А иной, изобретательный на тонкости, восстав против сих умозаключений, расстроит и опровергнет их, введет же собственное свое мнение. И если мы предпримем теперь говорить о таких предположениях, то сами впадем в такое же пустословие, как и их изобретатели.

Но мы, предоставив им низлагать друг друга, сами же, не касаясь рассуждений о сущности, и поверив Моисею, что *сотвори Бог небо и землю*, прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотою. Из величия сих чувственных и ограниченных тел сделаем наведение о Бесконечном, превышем всякого величия, и по множеству Своей силы превосходящем всякое разумение. Хотя и не знаем природы сотворенного, но и то одно, что в совокупности подлежит нашим чувствам, столько удивительно, что самый деятельный ум оказывается недостаточным для того, чтобы изъяснить, как следует, самомалейшую часть мира, и чтобы воздать должную похвалу Творцу, Которому слава, честь и держава во веки веков, аминь.

[1] Св. Василий, вероятно, разумел здесь перевод Аквилы, по которому читается: *Εν κεφαλῇ αὐτοῦ ὁ Θεὸς τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν*

[2] В подлиннике, как и у Семидесяти: *οἱ κρίκοι*, собственно — кольца; у Аквилы же и Феодотиона, *αἱ βάσεις*, основания, — что ближе к Еврейскому подлиннику.

[3] Предыдущее мнение принадлежит Платону, а последнее Аристотелю.

Беседа 2

О том, что земля *бе невидима и неустроена* (Быт. 1, 2).

На не многих словах остановившись утром, нашли мы в них такую сокровенную глубину мыслей, что приходим в совершенную безнадежность касательно последующих. Ибо если вход во Святая таков, и преддверие храма так досточестно и величественно, таким преизбытком красоты осиявает наши очи и умы, то каково же Святая-Святых? И кто достоин смело взойти во святилище? Или кто прострет взор на таинственное? И зрение сих тайн недоступно, и знаменование вмещаемого умом совершенно неизъяснимо.

Впрочем, поскольку у Праведного Судии назначены немаловажные награды и за одно преднамерение исполнить должное, то не обленимся заняться исследованием. Ибо, хотя не постигнем достоинства предметов, однако же, если при помощи Духа не уклонимся от намерения Писания, то и сами, конечно, не будем признаны ни к чему негодными, и при содействии благодати сделаем нечто к назиданию Церкви Божией.

Сказано: *земля же бе невидима и неустроена*. Почему, когда то и другое, и небо и земля, сотворены равночестно, небо доведено до совершенства, а земля еще несовершенна и не получила полного образования? Или вообще, что значит неустроенность земли? И по какой причине была она невидима?

Совершенное устройство земли означает обилие ее произведений, прозябение всякого рода растения, появление высоких деревьев, и плодовых и неплодовых, доброцветность и благовоние цветов, и все то, что в скором времени должно было, по Божию повелению произникнув на земли, украсить породившую все сие. А как ничего этого еще не было, то Писание справедливо наименовало землю неустроенною.

Но то же самое можем сказать и о небе. И оно не имело еще полного образования, не получило свойственного ему украшения, потому что не освещалось луною и солнцем, не венчалось сонмами звезд. Всего этого еще не было, а потому не погрешешь против истины, если и небо назовешь неустроенным.

Невидимою же названа земля по двум причинам, или потому что не было еще зрителя земли — человека, или потому что она погружалась в глубине, и от разливающейся на ее поверхности воды не могла быть видимою. Ибо воды не были еще совокуплены в свои *собрания*, которые совокупивший их Бог наименовал в последствии *морями*. Да и что бывает невидимо? Как то, чего нельзя видеть плотскими глазами, какова наша мысль, так и то, что по природе видимо, но скрывается по причине заграждения наложенным на него телом, как железо в глубине. В сем значении, как думаю, и теперь названа невидимою земля, покрытая водою. Сверх того, поелику не был еще сотворен свет, то не удивительно, что земля, по причине неосвещенного над нею воздуха, лежащая во тьме, и в этом отношении названа в Писании невидимою.

Но подделывающиеся под истину, не приучившие ума своего следовать Писанию, а напротив того, по собственному усмотрению, превращающие смысл написанного, говорят, что сими словами означает материя. Ибо материя, рассуждают они, по природе своей невидима и неустроена, потому что сама в себе взятая бескачественна, не имеет никакого вида и очертания. И ее-то взяв, Художник, по Своей премудрости, образовал и привел в порядок, а таким образом осуществил из нее видимое.

Итак если материя не сотворена, то, во-первых, она равночестна Богу, как удостоенная тех же преимуществ. Но что может быть сего нечестивее? Бескачественное, не имеющее вида, крайнее безобразие, не получившую никакого образования гнусность (употребляю собственные выражения сих учителей) удостоить одинакового предпочтения с премудрым, всемогущим и прекраснейшим Создателем и Творцом всяческих! Во-вторых, если материя так вместительна, что может принять в себя все ведомое Богу, то чрез это сущность материи уравнивают они некоторым образом с неисследимым Божиим могуществом, как скоро материя достаточна к тому, чтобы измерить собою весь разум Божий. А если материя мала для Божьего действования, то и в таком случае учение их обратится в нелепую хулу, потому что недостаточностью материи заставят они Бога остаться в бездействии и не довершить дел Своих.

Но их ввела в заблуждение скудость естества человеческого. Поскольку у нас каждое искусство трудится над одним каким-нибудь веществом отдельно, например: кузнечное над железом, плотничное над деревьями, поелику в сих искусствах иное есть материя, иное форма, а иное — производимое по форме, и вещество берется совне, форма же прилагивается искусством, а произведением бывает нечто сложенное из того и другого, из формы и из материи, то они рассуждают таким же образом и о Божием созидании, что форма дана миру премудростью Творца всяческих, а вещество имел Создатель совне, и произошел сложенный мир, который материю и сущность имеет от иного начала, а очертание и образ получил от Бога. В следствие сего они отрицают, чтобы великий Бог был полновластен при устройении всего сущего, представляют же Его как бы участвовавшим в складчине и малую только долю вложившим от Себя в бытие существ. Так они, по низости своих умствований, не могут досягать взором до высоты истины, потому что здесь искусства позднее веществ, будучи внесены в жизнь нашу по требованию необходимости. Прежде была шерсть, потом родилось ткацкое искусство, чтобы восполнить от себя недостаток природы. Было и дерево, строительное же искусство, взяв и обделывая сие вещество для каждой представлявшейся нужды, показало нам пользу дерев, доставляя мореходцам весло, земледельцам веяльную лопату, воинам древко для копья.

Но Бог, прежде нежели существовало что-нибудь из видимого ныне, положив в уме и подвигшись привести в бытие не сущее, вместе и помыслил, каким должен быть мир, и произвел материю соответственную форме мира. Для неба отделил Он естество приличное небу, и в форму земли вложил сущность, свойственную земле и для нее потребную. Огню же, воде, воздуху и формы дал, какие хотел, и в сущность их привел, как требовало уопределение каждой из творимых вещей. И целый мир, состоящий из разнородных частей, связал Он каким-то неразрывным союзом любви в единое общение и в одну гармонию, так что части, по положению своему весьма удаленные одна от другой, кажутся соединенными посредством симпатии. Посему да прекратят свои баснословные построения те, которые, при немощи собственных умствований, измеряют могущество непостижимое для разумения и вовсе неизреченное на человеческом языке!

Сотвори Бог небо и землю, не в половину каждое, но целое небо и целую землю, самую сущность, взятую вместе с формою, потому что Он не изобретатель только образов, но Зиждитель самого естества существ. Иначе, пусть отвечают нам, каким образом встретились между собою и деятельная сила Божия, и страдательная природа вещества, встретились между собою и вещество, доставляющее материю без образа, и Бог, имеющий знание образов без вещества, встретились так, что недостающее у одного дается другим, дается Зиждителю то, над чем показать искусство, а веществу то, чтобы отложить свое безобразие и неимение формы? Но о сем довольно. Возвратимся к сказанному в начале.

Земля же бе невидима и неустроена. Сказавший: *в начале сотвори Бог небо и землю*, умолчал о многом: о воде, о воздухе, об огне, и о видоизменениях, из них происшедших. Хотя все это, как служащее к восполнению мира, очевидно, существовало в целом, однако же история не коснулась сего, чтобы приучить ум наш к самостоятельности, и дать ему случай по немногим данным делать заключения и о прочем. Посему, когда не сказано о воде, что сотворил ее Бог, но сказано, что земля была невидима, рассуди сам в себе: какою же завесою она была покрыта и не являлась зрению? Огонь не мог ее закрывать, потому что огонь светоносен, и к чему присоединяется, тому сообщает скорее видимость, нежели темноту. Также и не воздух был тогда покровом земли, потому что естество воздуха тонко и прозрачно, принимает в себя все образы видимых вещей и передает их взорам видящих. Итак остается нам представить, что вода возвышалась на земной поверхности, пока еще влажная сущность не была отделена в особое место. А от сего земля была не только невидима, но и неустроена, потому что излишество влаги даже и ныне бывает препятствием плодородию земли. Итак одна причина и невидимости и неустроенности, если только под устройством земли разуместь свойственное ей и естественное украшение — жатвы, волнуемая в долинах, зеленеющие и испещренные различными цветами луга, цветущие холмы и осененные лесами вершины гор. Всего этого еще не было. Земля, по силе, вложенной в нее Создателем, хотя готова была породить все сие, однако же ожидала приличного времени, чтобы, по Божью повелению, произвести на свет свои порождения.

Но сказано: *и тма верху бездны*. Опять новый предлог к баснословию, новые основания к нечестивым построениям для тех, которые извращают слова по собственным догадкам! Ибо не объясняют по обыкновенному, что тма есть какой-нибудь не освященный воздух, или место затененное от преграждения света телом, или, вообще, место, лишенное света по какой ни есть причине, но толкуют, что тма есть злая сила, лучше же сказать, самое зло, само от себя имеющее начало, противоположное и противодействующее Божией благодати. Если *Бог свет есть* (1 Ин. 1, 5), то сила Ему противоборствующая, говорят они, в сообразность сей мысли, очевидно будет тма — тма, не от другого кого имеющая бытие, но самобытное зло, тма, нечто враждебное душам, нечто производящее смерть, противление добродетели. И в самых словах пророка, по ложному их разумению, показывается, что тма сия существовала, а не Богом сотворена. И на этом предположении каких не построено лукавых и безбожных учений! *Какие волцы тяжцы* (Деян. 20, 29), расточающие Божие стадо, устремлялись на души, ведя начало от сего краткого слова [1]! Не отсюда ли Маркионы? Не отсюда ли Валентины? Не отсюда ли мерзкая ересь Манихеев, которую, если назовет кто гниlostью в церквах, не погрешит в приличии наименования?

Для чего, человек, бежишь вдаль от истины, сам для себя вымышляя случаи к гибели? Просто и для всякого удобопонятно слово; сказано: *земля бе невидима*. Какая же тому причина? Та, что земля имела над собою распростертую бездну. Что же за понятие: бездна? Это — множество воды, в котором невозможно достать нижнего предела. Но знаем, что многие тела часто бывают видны сквозь тонкую и прозрачную воду. Почему же ни одна часть земли не показывалась в водах? Потому что разлитый над водою воздух был еще не светел, но темен. Ибо луч солнечный, проходящий чрез воды, показывает часто в глубине мелкие камни. Но в глубокую ночь никто никаким образом не увидит находящегося под водою. Посему словам: *земля бе невидима*, пояснением служит присовокупленное, что лежала на ней бездна, и бездна была темная.

Итак бездна — не множество сопротивных сил, как представляли себе некоторые, и тма — не первоначальная какая-нибудь и лукавая сила, противопоставляемая добру. Ибо две силы, по противоположности одна другой уравнивающиеся, непременно будут одна

для другой разрушительны, и состоя между собою в непрекращаемой брани, непрестанно будут иметь и доставлять друг другу случаи ко вражде. И если одна из противоположных сил превосходить другую могуществом, то делается совершенно истребительною для преодолеваемой силы. Посему, если говорят, что сопротивление зла добру равносильно, то вводят непрекращающуюся брань и непрестанное разрушение, поелику каждое отчасти одолевает и одолевается. А если добро превосходить силою, то по какой причине природа зла не истреблена совершенно? А если, чего и выговорить невозможно... дивлюсь, как не бегут они сами от себя, будучи увлекаемы в такие злочестивые хулы!

Но неблагочестиво сказать и то, будто бы зло имеет начало от Бога, потому что противное от противного не происходит. Жизнь не рождает смерти, тьма не начало свету, болезнь не содетельница здравия. Напротив того, хотя при перемене состояния бывают переходы из противоположного в противоположное, однако же в рождениях каждая рождающаяся вещь происходит не от противоположного, но от однородного. Итак спрашивают: если зло и не есть нечто несотворенное, и не Богом сотворено, то откуда же имеет свою природу? А что зло существует, сего не будет отрицать никто из причастных жизни.

Что же скажем на сие? То, что зло не живая и одушевленная сущность, но состояние души, противоположное добродетели и происходящее в беспечных чрез отпадение от добра. Посему не доискивайся зла вовне, не представляй себе, что есть какая-то первородная злая природа, но каждый да признает себя самого виновником собственного злонравия.

Все, что ни бывает, всегда приключается с нами частью по природе, например, старость и немощи, частью по случаю, например, неожиданные встречи чего-нибудь нередко скорбного или и радостного, происходящие от посторонних причин, как-то: роющему колодезь — обретение сокровища, или идущему на рынок — встреча бешеной собаки, частью же от нас зависит, например, взять верх над пожеланиями или не полагать меры удовольствиям, удержаться от гнева или наложить руки на раздражившего, сказать правду или солгать, иметь нрав кроткий и умеренный или гордый и заносчивый.

Посему не ищи вовне начал тому, над чем сам ты господин, но знай, что зло, в собственном смысле взятое, получило начало в произвольных падениях. А если бы оно было не произвольно, и не от нас зависело, то как законы не угрожали бы таким страхом обидчикам, так и наказания, налагаемые на преступников в судах по мере вины, были бы тогда неизбежны. Сие пусть будет сказано о зле, в собственном смысле взятом. А болезнь, бедность, бесславие, смерть и другие человеческие скорби не должно и включать в число зол, потому что противоположное им не причисляется нами к величайшим благам, и скорби сии частью бывают по природе, а частью оказываются для многих послужившими в пользу.

Итак в настоящем случае, заставив умолкнуть всякое переносное и догадочное толкование, изложим понятие тьмы просто, без тонкостей, следуя намерению Писания. Разум спрашивает: сотворена ли тьма вместе с миром, и первоначальнее ли она света, а поэтому точно ли худшее старше? — Ответствуем, что и сии тьма не что-либо самостоятельное, но видоизменение в воздухе, произведенное лишением света. Какого же света лишенным вдруг нашлось место в мире, так что поверх воды стала тьма?

Полагаем, что, если было что-нибудь до составления сего чувственного и тленного мира, то оно, очевидно, находилось во свете. Ибо ангельские чины, все небесные воинства, вообще, какие только есть именуемые и не именуемые умные природы и

служебные духи, жили не во тьме, но во свете и во всяком духовном веселии имели приличное для себя помещение. И против сего никто не будет спорить, тем паче тот, кто в числе обетованных благ ожидает пренебесного света, о котором говорит Соломон: *свет праведным всегда* (Притч. 13, 9), и Апостол: *благодаряще Бога и Отца, призвавшего нас в причастие наследия святых во свете* (Кол. 1, 12). Ибо если осужденные посылаются во тьму крошечную, то совершившие дела достойные благоволения, очевидно, имеют упокоение в премирном свете.

Посему, когда по Божию повелению, вдруг распростерто было небо вокруг того, что заключилось внутри собственной его поверхности, и стало оно непрерывным телом, достаточным к тому, чтобы отделить внутреннее от внешнего [2], тогда по необходимости само небо сделало неосвещенным объемлемое им место, пресекая лучи, идущие сверху. Ибо для тени нужно быть в одно время свету, телу и неосвященному месту. Таким образом тьма в мире произошла от тени небесного тела. Сказанное же мною поймешь из очевидного примера, если в ясный полдень поставишь над собою палатку из плотной и непроницаемой ткани, и сам себя заключишь в составившуюся мгновенно тьму. Такою же предположи и оную тьму, то есть, не чем-нибудь предварительно осуществленным, но следствием других вещей. О сей, конечно, тьме говорится, что она возвышалась над бездною, потому что с поверхностями тел обыкновенно соприкосновенны крайние пределы воздуха, но тогда над всеми телами разлита была вода, почему по необходимости сказано, что тьма верху бездны.

И Дух Божий, говорит Моисей, *ношавшая верху воды*. Или дух сей означает разлитие воздуха, и ты разумей, что Писатель перечисляет части мира, то есть, что Бог сотворил небо, землю, воду, воздух, и притом воздух уже разлитый и текущий. Или, что ближе к истине и одобрено прежде нас, духом Божиим назван Дух Святой, потому что Он, по замеченному, преимущественно и исключительно достоин такого упоминания в Писании, и никакой другой дух не именуется Божиим, кроме Святого, восполняющего Собою Божественную и блаженную Троицу. И ты, допустив такое разумение, извлечешь из него большую пользу. Как же Он *ношавшая верху воды*? Скажу тебе не свое мнение, но мнение одного Сириянина, который был столько же далек от мирской мудрости, сколько близок к ведению истинного. Итак он говорил, что Сирский язык выразительнее и, по сродству с Еврейским, несколько ближе подходит к смыслу Писания. Разумение же сего речения таково. Слово *ношавшая*, как говорит он, в переводе употреблено вместо слова *согревал* и *оживотворял* водное естество, по подобию птицы, насиживающей яйца и сообщающей нагреваемому какую-то живительную силу. Подобная сей мысль, говорят, означает сим словом и в настоящем месте. Дух носился, то есть приготавливал водное естество к рождению живых тварей. Таким образом из сего достаточно объясняется предлагаемый иными вопрос: без действия ли оставался Дух Святой в деле творения?

И рече Бог: да будет свет (Быт. 1, 3). Первое Божие слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние, обвеселило мир, всему дало вдруг привлекательный и приятный вид. Явилось небо, покрытое дотоле тьмою, открылась красота его в такой мере, в какой еще и ныне свидетельствуют о ней взоры. Озарился воздух, лучше же сказать, в целом своем объеме растворил все количество света, повсюду, до самых своих пределов распространяя быструю передачу лучей, ибо вверх простирался он до самого эфира и неба, а в широту все части мира, северные и южные, восточные и западные, освещал в быстрое мгновение времени. Такова природа воздуха, она тонка и прозрачна, и потому проходящий чрез него свет не имеет нужды ни в каком временном протяжении. Как не во времени переносит он зрение наше к видимым предметам, так и приливы света во все свои пределы приемлет мгновенно, в сравнении с чем нельзя и мысленно представить кратчайшего мига времени. И эфир стал приятнее при свете, воды сделались светлее, не

только принимая в себя лучи, но и испуская их от себя чрез отражение света, потому что вода во все стороны отбрасывала отблески. Божиим словом все изменено в приятнейший и честнейший вид. Как пускающие в глубину масло производят на том месте блеск, так и Творец всяческих, изрекши слово Свое, мгновенно вложил в мир благодать света. *Да будет свет*. И повеление стало делом, произошло естество, приятнее которого к наслаждению невозможно ничего и представить человеческим разумом.

Когда же приписываем Богу глас, речь и повеление, тогда под Божиим словом не разумею звука, издаваемого словесными органами, и воздуха, приводимого в сотрясение посредством языка, но, для большей ясности учащимся, хотим в виде повеления изобразить самое мановение в воле.

И виде Бог свет, яко добро (Быт. 1, 4). Можем ли мы сказать что-нибудь достаточное в похвалу света, когда он предварительно имеет о себе свидетельство Сотворившего: *яко добро*? И в наших делах разум предоставляет судить глазам, когда не может ничего сказать с такою же силою, с какою предварительно свидетельствует чувство. Но если красота тела состоит во взаимной соразмерности частей и в наружной доброцветности, то как понятие красоты удерживает место в свете, который по природе прост и однороден? Не потому ли, что свету приписывается соразмерность, не в отношении к собственным его частям, но в отношении к неболезненному и приятному действию на зрение? Так и золото прекрасно, хотя имеет привлекательность для взора и приятность не по соразмерности частей, но по одной доброцветности. И вечерняя звезда прекраснее всех звезд, не потому что соразмерны части, из которых она состоит, но потому что лучи ее падают на глаза, не производя никакого болезненного ощущения и с приятностью. Сверх того Бог произносит теперь суд о красоте, без сомнения не имея в виду приятности для зрения, но предусматривая пользу света в последствии, потому что глаза и не судили еще о красоте света.

И разлучи Бог между светом, и между тмою, то есть Бог соделал природу их несоединимую и совершенно противоположную, потому что удалил их друг от друга и отделил великою средою.

И нарече Бог свет день, а тму нарече ночь (Быт. 1, 5). Ныне, по сотворении уже солнца, день есть освещение воздуха солнцем, которое сияет в полушарии, лежащем над землею, а ночь — покрытие земли тенью, когда скрывается солнце. Но тогда не по солнечному движению, но потому что первобытный оный свет в определенной Богом мере то разливался, то опять сжимался, происходил день и следовала ночь.

И бысть вечер, и бысть утро, день един. Вечер есть общий предел дня и ночи, подобным образом и утро есть смежность ночи со днем. Посему, чтобы старейшинство бытия приписать дню, Моисей сперва наименовал конец дня, а потом конец ночи, так как ночь следует за днем. Ибо состояние в мире, предшествовавшее сотворению света, было не ночь, но тьма, а что стало отлично от дня, то названо ночью, сему и наименование дано после дня.

И так бысть вечер, и бысть утро. Пророк разумеет продолжение дня и ночи, но не наименовал дня и ночи, а дал наименование только превосходнейшему. Тот же обычай найдешь и во всем Писании, при измерении времени счисляются дни, а не вместе и ночи со днями. *Дние лет наших*, говорит псалмопевец (Пс. 69, 10). И Иаков также говорит: *дние жития моего малы и злы* (Быт. 47, 9). И еще сказано: *вся дни живота моего* (Пс. 22, 6). Таким образом преданное ныне в виде истории служит законом и для последующего.

И бысть вечер, и бысть утро, день един. Почему назван не первым, но единым? Хотя намеревающемуся говорить о втором, и третьем, и четвертом днях было бы приличнее наименовать первым тот день, с которого начинаются последующие, однако же он назвал единым. Или определяет сим миру дня и ночи, и совокупляет в одно суточное время, потому что двадцать четыре часа наполняют продолжение одного дня, если под днем подразумевать и ночь. Почему, хотя при поворотах солнца случается, что день и ночь друг друга превосходят, однако же продолжение дня и ночи всегда ограничивается одним определенным временем. И Моисей как бы так сказал: мера двадцати четырех часов есть продолжение одного дня, или возвращение неба от одного знака к тому же опять знаку совершается в один день. Почему всякий раз, как от солнечного обращения наступают в мире вечер и утро, период сей совершается не в большее время, но в продолжение одного дня. Или главное сему основание скрывается в таинственном знаменовании, именно, что Бог, устроив природу времени, мерою и знаменами оного положил продолжения дней, и измеряя время седмицею, повелевает, чтобы седмица, исчисляющая движение времени, всегда круговращалась сама на себя, а также и седмицу наполнял один день, семикратно сам на себя возвращающийся. А образ круга таков, что сам он с себя начинается, и сам в себе оканчивается. Конечно же и век имеет то отличительное свойство, что сам на себя возвращается и нигде не оканчивается. Потому Моисей главу времени назвал не первым, но единым днем, чтобы день сей по самому наименованию имел сродство с веком. И он, как обнаруживающий в себе признак одиночества (?одинаковости) и несообщимости с чем-либо другим, в собственном смысле и прилично наименован единым. Хотя Писание представляет нам многие веки, часто говоря: *век века* и *веки веков*, однако же в нем не перечисляются ни первый, ни второй, ни третий век, чтобы из этого были нам более видны различия состояний и разнообразных вещей, нежели ограничения, окончания и преемство веков. Ибо сказано: *день Господень велик и светел* (Иоил. 2, 11). И еще: *вскую вам искати дне Господня, сей бо есть тма, а не свет* (Ам. 5, 18), — тьма же, очевидно, для достойных тьмы. Ибо по нашему учению известен и тот невечерний, не имеющий преемства и нескончаемый день, который у псалмопевца наименован *осмым* (Пс. 6, 1), потому что он находится вне сего седмичного времени. Посему назовешь ли его днем, или веком, выразишь одно и то же понятие, скажешь ли, что это день, или что это состояние, всегда он один, а не многие, назовешь ли веком, он будет единственный, а не многократный. Посему и Моисей, чтобы вознести мысль к будущей жизни, наименовал единым сей образ века, сей начаток дней, сей современный свету, святой Господень день, прославленный воскресением Господа. Потому и говорит: *бысть вечер, и бысть утро, день един.*

Но рассуждения об одном вечере, застигнутые настоящим вечером, здесь полагают конец нашему слову. Отец истинного Света, украсивший день светом небесным, просветливший ночь блеском огня, предуготовивший упокоение будущего века в духовном и непрекращающемся свете, да просветит сердца ваши в познании истины, и да соблюдет жизнь вашу непреткновенною, даровав вам *яко во дни, благоразумно ходити* (Рим. 13, 13), чтобы воссиять подобно солнцу, во светлости святых, в мое похваление, в день Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] То есть слово: тьма.

[2] Дущей советует здесь читать: *внешнее от внутреннего*, согласно с Феодоритом, который в вопросе 6-м на книгу Бытия заимствует все сие место у Св. Василия.

Беседа 3

О тверди.

Дела первого дня, лучше же сказать (не будем отнимать у него естественного преимущества, какое получил он от Создателя, будучи произведен особенно и не включен в один разряд с другими днями), дела единого дня, именно то, что произведено в оный, изобразило слово вчера, и преподав толкование слушателям, составило для душ как утреннее пропитание, так и вечернее веселие, а теперь переходит к чудесам второго дня. Говорю же так, приписывая это не силе толкователя, но изяществу Писания, потому что оно естественным образом нравится, привлекательно и вожделенно для всякого сердца, предпочитающего истинное правдоподобному. Так псалмопевец, весьма выразительно изображая усладительность истины, говорит: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим* (Пс. 118, 103). Почему, увеселив вчера души ваши по мере возможности собеседованием о словесах Божиих, опять собрались мы ныне — на другой день, чтобы обозреть чудеса дел второго дня.

Но не сокрыто от меня и то, что среди нас стоят многие ремесленники, которые, занимаясь художествами рукодельными, с трудом добывают себе пропитание дневною работою, и они-то обсекают у меня слово, чтобы не надолго отвлекаться от работы. Что же скажу им? То, что часть времени, данная взаим Богу, не пропадает, но вознаграждается Им с великим прибытком. Ибо все те обстоятельства, которые способствуют к делу, благоустроит Господь предпочитающим духовное, подав в делах их и крепость тела, и усердие души, и удобство к сбыту работ, и благоуспешность в целой жизни. Но хотя бы в настоящей жизни плоды трудов наших и не соответствовали надеждам, по крайней мере для последующего века доброе сокровище — учение Духа. Посему отложи из сердца всякое житейское попечение, и весь соберись теперь сам в себя. Ибо мало пользы, если телом ты здесь, а сердце твое занято земным сокровищем.

И рече Бог: да будет твердь посреде воды: и да будет разлучающи посреде воды и воды (Быт. 1, 6). И вчера уже слышали мы слова Божии: *да будет свет*, и ныне слышим: *да будет твердь*. Но в настоящем случае они, по-видимому, заключают в себе нечто большее, потому что слово не ограничилось простым повелением, но определило и причину, по которой требуется устройство тверди. Сказано: *да разлучает посреде воды и воды*.

Остановившись на первом, спрашиваем: как говорит Бог? Так же ли, как и мы, то есть, сперва в мысли рождается образ предметов, потом по представлении их, избрав значения свойственные и соответственные каждому предмету, Он излагает, а потом, передав мыслимое на производство словесных органов, таким уже образом, чрез сотрясение воздуха, нужное к членораздельному движению голоса, делает ясной тайную Свою мысль? И не походит ли на басню утверждать, что Богу нужно столько околичностей для обнаружения Своей мысли? Или благочестивее будет сказать, что Божие хотение и первое устремление мысленного движения есть уже Божие слово? Писание же изображает Бога многословно, чтобы показать, что Он не только восхотел бытия твари, но и привел ее в бытие чрез некоего Содейственника. Как сказало оно в начале, так могло бы выразиться и обо всем, сказав: *в начале сотвори Бог небо и землю*, потом могло бы сказать: *сотвори свет*, а потом: *сотвори твердь*. Но теперь, представляя Бога повелевающим и разглагольствующим, самым умолчанием указывает на того, кому Бог повелевает и с кем разглагольствует, ни мало не скупясь в сообщении нам ведения, но распаляя в нас желание тем, что набрасывает некоторые следы и указания Неизреченного. Ибо приобретенное с трудом с радостью приемлется и тщательно соблюдается. А где

приобретение удобно, там и обладание не важно. Посему Писание как бы окольную дорогою и постепенно приближает нас к мысли об Единородном.

Но для естества бестелесного и в этом случае не было нужды в слове, произносимом посредством голоса, потому что Содействующему самые мысли могли быть переданы. Ибо какая нужда в слове тем, которые могут друг другу сообщать изволения свои мысленно? Голос для слуха, и слух по причине голоса. А где нет ни воздуха, ни языка, ни уха, ни извитого прохода, который бы переносил звуки к сочувствию в голове, там не нужны речения, но передаются самые, как сказал бы иной, сердечные помышления воли. Посему, как замечено, для того, чтобы возбудить ум наш к исследованиям о Лице, к Которому изречены слова, премудро и искусно употреблен этот образ разглагольствия.

Во вторых, должно исследовать, иное ли что отличное от неба, сотворенного в начале, эта твердь, которая и сама называется небом, и точно ли два неба? Любоумствовавшие о небе согласились бы лучше лишиться языка, нежели признать сие истинным. Ибо они предполагают, что небо одно, и что нет естества, из которого могло бы произойти второе, третье, и так далее, небо, потому что вся сущность небесного тела как они думают, издержана на составление одного неба. И круговращающееся тело, говорят они, одно и притом ограничено, если же оно употреблено на первое небо, то ничего не остается к происхождению второго и третьего неба. Так представляют себе те, которые, кроме Создателя, вводят несотворенное вещество, и сложив первую басню, увлекаются к последующей лжи.

Но мы просим Еллинских мудрецов не смеяться над нами, пока они не кончат между собою своих споров. Ибо есть между ними и такие, которые говорят, что небес и миров бесчисленное множество. Но когда изобличат они невероятность последнего мнения, употребив самые сильные доводы, и с геометрическою неизбежностью докажут, что по природе невозможно быть другому небу, кроме одного, тогда особенно посмеемся над их чертежной мудростью и ученым пустословием. Если только они, видя, что от одинаковой причины происходят и один пузырь, и многие пузыри, при всем том сомневаются касательно многих небес, достаточно ли зиждительной силы к приведению их в бытие. Ибо думаем, что крепость и величие небес не много превосходят эту влагу, в виде пустого шара надувшуюся в родниках, если обращено будет внимание на превосходство Божия могущества. Так смешно их понятие о невозможном! А мы столько далеки от мысли не верить второму небу, что взыскуем и третьего неба, видеть которое удостоен был блаженный Павел (2 Кор. 12, 2). Псалом же, наименоывая *небеса небес* (Пс. 148, 4), подал мне мысль и о большем числе небес.

И это ни мало не страннее тех семи кругов, по которым, как все почти согласно признают, вращаются семь звезд, и которые, как говорят, приноровлены друг к другу на подобие кадей, одна в другую вложенных, и двигаясь противоположно вселенной, по причине рассекаемого ими эфира, издают какой-то благозвучный и гармонический голос, который превосходит всякую приятность сладкопения. Потом, когда у говорящих это требуют чувственного удостоверения, что отвечают они? То, что мы по первоначальной привычке к сему звуку, и прислушавшись к нему с первого мгновения бытия, от долговременного упражнения в слушании потеряли ощущение, подобно людям, у которых уши постоянно бывают поражаемы стуком в кузницах. Обличать ухищренность и гнилость таких рассуждений, когда это ясно показывает каждому собственный его слух, не дело человека, который умеет беречь время и предполагает слушателей людьми разумными.

Но внешние учения оставляя внешним, возвратимся к учению церковному. Некоторыми прежде нас сказано, что это не творение второго неба, но полнейшее повествование о первом небе, потому что там описывается вообще творение неба и земли, а здесь Писание передает нам, как происходили и небо и земля окончательным образом. Но мы говорим, что, поелику передано нам и другое имя и особенное назначение второго неба, то оно отлично от сотворенного в начале, имеет естество более плотное и служит во вселенной для особенного употребления.

И рече Бог, да будет твердь посреде воды: и да будет разлучающи посреде воды и воды. И сотвори Бог твердь, и разлучи Бог между водою, яже бе под твердию, и между водою, яже бе над твердию (Быт. 1, 6, 7). Прежде нежели коснемся смысла написанного, попытаемся решить возражение, какое делают другие. Ибо спрашивают у нас: если *тело* тверди шарообразно, как показывает зрение, а вода текуча и скатывается с возвышенностей, то как было возможно утвердиться воде на кривой окружности тверди? Что будем отвечать на сие? — То особенно, что, ежели видим какую вещь с внутренней вогнутости кругообразною, нет еще необходимости заключать, что и внешняя ее поверхность сделана шаровидно, вся выточена на станке и гладко выведена. Иногда видим каменные потолки в банях и постройку пещеровидных зданий, которые, если смотреть изнутри, выведены полукружием, а сверху строения имеют часто ровную поверхность. Посему ради таких причин не должны и сами они затрудняться в деде, и нас затруднять, как будто не можем удержать воды вверх.

Теперь следует сказать, какое естество имеет твердь, и для чего повелено ей занимать средину между водою.

Наименование тверди (σρεωρια) в Писании обыкновенно дается тому, что имеет превосходную крепость, например, когда говорится: *Господь утверждение (σρεωρια) мое, и прибежище мое* (Пс. 17, 3), и: *Аз утвердих (εσρεωσα) столпы ея* (Пс. 14, 4), и: *хвалите Его во утверждети (εν σρεωριατι) силы*. Его (Пс. 150, 1). А Писатели внешние называют твердым (το σρεον) тело как бы плотное и наполненное, в отличие от тела геометрического. Геометрическое же тело есть то, которое состоит в одних измерениях, то есть в широте, глубине [1] и высоте, между тем как твердое тело сверх измерений имеет и упорство. Но в Писании обыкновенно, что имеет силу и неуступчиво, то называется твердью. Так, часто употребляется сие слово и о сгустившемся воздухе, например, когда говорится: *утверждаяй гром* (Ам. 4, 13). Ибо твердость и упорство духа, заключенного в полостях облаков и усиленным исторжением производящего громовый треск, Писание наименовало утверждением грома.

Посему думаем, что и теперь употреблено сие слово о каком-нибудь твердом естестве, достаточном к удержанию воды, которая удобно скатывается и разливается. Но на том основании, что по общепринятому мнению твердь представляется происшедшею из воды, не следует еще почитать ее подобною или отвердевшей воде или такому веществу, которое получает начало чрез процеживание влаги, как, например, камень кристалл, который, как сказывают, превращается из воды вследствие чрезвычайного ее отвердения, или слюда, образующаяся между металлами, а это такой прозрачный камень, имеющий преимущественно ему свойственный и самый ясный блеск, что если найден в чистом своем виде, не источен какой-нибудь гниlostью и не наполнен внутри трещинами, то прозрачностью подобен почти воздуху. Посему мы не уподобляем тверди ничему такому. Ибо, конечно, детскому и простому разуму свойственно иметь такие понятия о небесном. А также, хотя и все находится во всем, огонь в земле, воздух в воде, и прочие стихии одна в другой, так что из стихий, подпадающих чувствам, ни одна не бывает в чистом состоянии и не в сообщении с чем-нибудь или средним, иди противоположным,

однако же не осмеливаемся поэтому утверждать, что твердь состоит или из одного простого вещества, или из смешения простых веществ, ибо мы научены Писанием не давать себе свободы представлять умом что либо, кроме дозволенного.

Но не оставим без замечания и следующего. После того, как Бог повелел: *да будет твердь*, сказано не просто: *и бысть твердь*, но: *и сотвори Бог твердь*, и еще: *разлучи Бог*. Пусть глухие слышат, и слепые прозрят! И кто же глух, кроме не слышащего, когда столь громогласно вопиет Дух? И кто слеп, кроме не видящего столь ясных доказательств об Единородном? *Да будет твердь*, — это вещание первоначальной Вины! *Сотвори Бог твердь*, — это свидетельство о Силе творческой и зиждительной!

Но обратим слово к продолжению толкования. Сказано: *да будет разлучающи посреде воды и воды*. Разлитие вод было беспредельно, как вероятно, они со всех сторон омывали собою землю и возвышались над нею, так что, по-видимому, выходили из соразмерности с прочими стихиями. Посему-то выше было сказано, что бездна отовсюду облежала собою землю.

Причину такого множества воды покажем впоследствии. Между тем, конечно, никто из вас, хотя он много работал умом и хорошо проник во все, что касается до сего тленного и текущего естества, никто, говорю, не нападает на сию мысль, будто бы мы вопреки разуму предполагаем что-нибудь невозможное и вымышленное, и не потребует от нас изысканий о том, на чем было утверждено водное естество. На каком основании говорят, что земля, которая тяжелее воды, висит посредине и удалена от краев, на том же основании должны, без сомнения, согласиться, что и это необъятное количество воды, по естественному стремлению книзу, и по причине равного тяготения во все стороны, держалось около земли. Таким образом, водное естество в безмерном множестве было разлито вокруг земли, не в соразмерности с нею, но во много крат превосходя ее, ибо так из начала предусматривал будущее великий Художник, и в первых распоряжениях соображался с последующей потребностью.

Какая же была потребность в том, чтобы вода избыточествовала в такой чрезмерности? Во вселенной необходима огненная сущность, не только для благоустройства земных вещей, но и для восполнения вселенной. Целое было бы не полно, при недостатке самой важной и благопотребной из всех стихий. Но огонь и вода противоположны между собою и друг для друга разрушительны, именно: огонь для воды, когда преодолевает ее силою, и вода для огня, когда превосходит его множеством. А надобно было, чтобы и между ними не происходило мятежа, и совершенное оскудение того или другого из них не послужило к разрушению вселенной. Посему-то Домостроитель вселенной приуготовил влажное естество в такой мере, чтобы оно, постепенно истребляемое силою огня, пребывало во все то время, какое назначено стоять миру. А Расположивший все весом и мерою (ибо по слову Иова: *изочтены Ему суть капли дождевныя*. Иов. 36, 37) знал, сколько времени определить пребыванию мира, и сколько нужно приготовить пищи огню. Такова причина преизбытка воды во время творения!

А что касается до необходимости огня в мире, то нет человека, столько не знакомого с нуждами жизни, чтобы потребовал о сем учении разума. Не только огненного содействия требуют все искусства, служащие к поддержанию нашей жизни (разумею: ткацкое, кожевенное, строительное и. земледелие), но даже и произрастание деревьев, и созревание плодов, и рождение животных земных и водных, и также все служащее к их питанию, или в начале не состоялось бы, или со временем не могло бы продолжаться, если бы не было теплоты.

Посему, как необходимо было создание теплоты для образования и пребывания всего рождающегося, так необходимо было и обилие влаги, по причине непрестанного и неизбежного истребления ее огнем. Обозри все твари и увидишь, что сила теплоты владычествует во всем рождающемся и разрушающемся. Для сего и множество воды, которое разлито по земле, поднято выше видимого тобою, и также рассеяно во всех земных глубинах. От сего неоскудеваемость родников, скопление воды в колодцах, течения рек и не пересыхающих, и образующихся во время дождей, по причине соблюдаемой влажности во многих и различных хранилищах. С востока [2], от зимних поворотов течет река Инд, это, как повествуют описатели окружностей земли, самая большая водотечь из всех речных вод. С среднего же востока текут Бактр, Хоасп и Аракс, от которого отделившийся Танаис вливается в Меотийское озеро. Кроме сих, Фазис, вытекающий из Кавказских гор, и множество других рек от северных стран стремятся в Евксинский Понт. А от летнего запада из-под горы Пиринейской выходят Тартис и Истр, из которых первый впадает в море за Столпами, а Истр, протекая чрез Европу, вливается в Понт. И к чему перечислять другие реки, порождаемые Рифейскими горами, лежащими за внутреннейшею Скифией? В числе их находится Родан и множество других рек даже судоходных, которые все, омывши страны западных Галатов, Келтов и соседственных с ними варваров, вливаются в западное море. Другие реки текут с полудня из верхних стран чрез Эфиопию, и одни входят в наше море, а другие вливаются в море, неизвестное мореходцам. Таковы: Егон, Низис, так называемый Хреметис, и сверх того Нил, который не походит даже на реку, когда, подобно морю, наводняет Египет. Так, вся часть населяемой нами земли объемлется водою, окружаемая необъятными морями, и орошаемая тысячами не пересыхающих рек, по неизреченной премудрости Предустроившего, чтобы естество, противоборствующее огню, было неудобоистребимо. Но настанет время, когда все будет иссушено огнем, как говорит Исаия, обращая речь к Богу всяческих: *Глаголяй бездне: опустнеши, и реки твоя изсушу* (Ис. 44, 27). Посему, отринув обьюродевшую мудрость, вместе с нами прими учение истины, хотя и не ученое по слову, но непогрешительное в познании.

Посему *да будет твердь посреде воды, и да будет разлучающи посреде воды и воды*. Сказано, что значит в Писании наименование твердь, а именно: не естество упорное, твердое, имеющее тяжесть и сопротивление, называет оно твердью (в таком случае, в более собственном смысле принадлежало бы сие именованье земле), — напротив того, поелику все, лежащее выше, по природе своей тонко, редко и для чувства неуловимо, то в сравнении с сим тончайшим и неуловимым для чувства, она названа твердью. И ты представь себе какое-то место, в котором отделяются влаги, и тонкая, процеженная влага пропускается вверх, а грубая и землянистая отлагается вниз, чтобы, при постепенном истреблении влажностей, от начала до конца сохранялось то же благорастворение.

Но ты не веришь множеству воды, а не обращаешь внимания на множество теплоты, которая и в малом количестве имеет силу истреблять много влажности. Ибо она притягивает влагу, подверженную ее действию, как видно в рожке, всасывающем кровь, притянутую же влагу истребляет, подобно огню в светильнике, который всасываемое посредством светильни горючее вещество тотчас по изменении его сжигает. Кто же сомневается об эфире, что он не огнен, и не в раскаленном состоянии? Если бы Творец не сдерживал его необходимым законом, что воспрепятствовало бы ему, воспламеняя и сжигая все приближающееся, истребить вдруг всю влажность, какая есть в существах? Посему-то, чтобы не обхватил всего раскаляющий все эфир, есть воздушная вода, и она образуется чрез увлажнение горних мест поднимающимися парами, какие дают из себя реки, источники, болота, озера и все моря.

Видим, что и это солнце, летом, в самое короткое продолжение времени, страну часто влажную и болотистую делает сухой и совершенно безвлажной. Где же эта вода? Пусть покажут нам знатоки всего. Не всякому ли известно, что она поглощена, раздробленная теплотою солнечною? Но они говорят, что солнце не имеет даже теплоты. Так у них на все готово слово. И смотрите, на какой опираясь довод, доходят они до очевидности. Говорят: поелику солнце цветом бело, а не красно и не желто, то по сему самому, по природе своей, оно не огненное, теплота же его происходит от скорого обращения. Что же думают приобрести себе из этого? — Доказать, что солнце не истребляет влажности. А я, хотя сказанное и несправедливо, не отвергаю сего потому, что оно служить к подтверждению моего слова. Ибо сказано было, что множество вод нужно по причине истребления их теплотою. Но нет разности — быть ли теплым по природе своей, или стать раскаленным вследствие какого-либо видоизменения, для произведения тех же перемен в тех же веществах. Если дерева, приведенные во взаимное трение, возжигают огонь и дают пламень, или если они загораются от возженного пламени, — в обоих случаях конец бывает равный и сходный. Но мы видим, что великая премудрость Правителя вселенной переводит солнце из одного места в другое, чтобы оно, оставаясь всегда в одном месте, не расстраивало порядка избытком теплоты. Напротив того, во время зимнего поворота, уводит солнце в южную часть неба, потом перемещает в равноденственные знаки, и оттуда, во время летнего поворота, ведет на север, так что чрез постепенное переходение солнца соблюдается на земной окружности благорастворение. И пусть рассудят, не противоречат ли сами себе те, которые говорят, что море не прибывает от рек по причине убыли, производимой солнцем, и что сверх того оно остается соленым и горьким вследствие поглощения теплотою всего тонкого и годного к питью, что опять производится по большей части посредством отделения влаг солнцем, которое, похищая легкое, оставляет грубое и землянистое, как некоторую тину и отсед, отчего вода в море получает горький, соленый и жгучий вкус. И те же, которые утверждают сие о море, переменяв свое мнение, говорят, что никакого уменьшения во влаге не производится солнцем.

И нарече Бог твердь, небо (Быт. 1, 8). Хотя название сие собственно приличествует другому, но и твердь, по подобию, приемлет то же наименование. Примечаем же, что небом (οὐρανός) называется часто видимое (οραμενον) пространство, — по причине густоты и непрерывности воздуха, который ясно подлежит нашим взорам, и, как видимый, получает наименование неба, например, когда говорится: *птицы небесныя* (Пс. 8, 9), и еще: *летающыя по тверди небесней* (Быт. 1, 20). Подобно сему выражение: *восходят до небес* (Пс. 106, 26). И Моисей, благословляя колено Иосифово, дает благословения *от красот небесных и росы, от солнечных обращений и схождения месячных, и от верха гор и холмов вечных* (Втор. 33, 13–15), потому что, при благоустройстве всего этого, убожается окружность земли. Но и в проклятиях Израилю сказано: *будет небо над главою медяно* (Втор. 28, 23). Что сие означает? Совершенную сухость и оскудение воздушных вод, которыми земле сообщается плодородие. Посему, когда говорится, что роса или дождь приносится с неба, тогда представляем в уме те воды, которым назначено занимать горную страну. Ибо если испарения собрались в высоте, и сгнетаемый ветрами воздух сгустился, то как скоро парообразно и в тонких частицах рассеянные дотоле по облаку влаги между собою сблизятся, тотчас образуются капли, тяжестью соединившихся частиц влекомые книзу, и таково происхождение дождя. Когда же влага, раздробленная стремительностью ветров, обратится в пену, потом до крайности охлажденная в целом своем объеме, замерзнет, тогда по расторжении облака падает вниз снег. И вообще, таким же образом можешь ты рассмотреть все влажное естество, составившееся в воздухе над нашими головами.

Но простоту и неприуготовленность духовного учения никто да не сравнивает с пытливостью любомудрствовавших о небе. Сколько красота в женах целомудренных предпочтительнее красоты любодейной, столько же разности между нашими учениями и учениями внешних. Ибо внешние вводят в учение натянутое правдоподобие, а здесь предлагается истина, обнаженная от всяких измышлений ума. И нужно ли нам трудиться над обличением их лжи? Не довольно ли и того, чтобы, сличив между собою собственные их книги, в совершенном покое оставаться зрителями их борьбы? Ибо и числом не меньше, и достоинством не ниже, а по многословию гораздо еще преимущественнее, защитники противного сим учения, которые утверждают, что вселенная сторае и опять оживотворяется из семенных начал, какие остаются по перегорании. Отсюда производят они бесчисленное множество разрушений и обновлений. — Так, в ту и другую сторону уклоняясь от истины, и здесь и там находят себе новые стези к заблуждению!

Но нам о разделенных водах нужно сказать одно слово тем церковным толковникам, которые под видом применения и возвышенных размышлений прибегли к иносказаниям, утверждая, что под водами в переносном смысле разумеются духовные и бесплотные силы, и что вверху над твердью силы совершенные, а в визу, в местах надземных, наполненных грубейшим веществом, удержались силы лукавые [3]. Посему-то, рассуждают они, и воды, *яже превыше небес* (Пс. 148, 11), хвалят Бога, то есть добрые силы, по чистоте владычественного в них, достойны воздавать Творцу подобающую хвалу. А воды, которые ниже небес, суть духи лукавые, с естественной своей высоты ниспавшие во глубину повреждения, и они-то, как беспокойные и мятежные, волнуемые бурями страстей, именуются морем, по удобоизменяемости и непостоянству движений воли.

Отринув подобные сим учения, как толкование снов и басни старых женщин, мы под водою будем разумеать воду, и разделение, произведенное твердью, будем принимать сообразно с изложенною выше причиною. Хотя к славословие общего всех Владыки приобщаются иногда и воды, *яже превыше небес*, однако же на сем основании не признаем их разумною природою. Ибо *небеса* неодушевленны, когда *поведают славу Божию*, и *твердь* — не животное одаренное чувством, когда *возвещает творение руку Его* (Пс. 18, 1). Если кто скажет, что небо означает силы созерцательные, и твердь — силы деятельные, приводящие в исполнение, что прилично, то принимаем сие, как остроумное слово, но не согласимся вполне, чтобы оно было истинно. Иначе и *роса*, и *слана*, и *студь*, и *зной*, которым у Даниила (Дан. 3, 64–72) повелевается хвалить Зиждителя всяческих, будут природы умные и невидимые. Напротив того, и в сих творениях людьми, имеющими ум, созерцательно постигнутый закон служит восполнением к славословию Творца, ибо не только вода, которая выше небес, как удостоенная преимущественной чести по превосходству своих совершенств, приносит хвалу Богу, но сказано: *хвалите Его, и яже от земли: змиеве и вся бездны* (Пс. 148, 7). Посему и бездна, которую иносказательно толкующие причислили к худшей части, и она у псалмопевца не признана достойною отвержения, но включена в общее ликостояние твари, и она, по вложенным в нее законам, стройно возносит песнопение Творцу.

И виде Бог, яко добро (Быт. 1, 8). Созидаемое Богом не очам Божиим доставляет приятность, и одобрение красоты у Бога не таково, как у нас. Для Него прекрасно то, что совершенно по закону искусства и направлено к благопотребному концу. Посему-то Предположивший явственную цель созидаемого одобрял творимое по частям, сообразуясь с Своими художническими законами, поскольку оно служило к достижению конца. Когда рука лежит сама по себе, а глаз особо, и каждый член статуи положен отдельно, тогда не для всякого покажутся они прекрасными. А если все поставлено на своем месте, то красота соразмерности, часто и с первого взгляда, усматривается даже невеждою. По

художник и прежде сложения знает красоту каждой части, и хвалит ее отдельно, возводя мысль свою к концу. Подобным художником, одобряющим каждое свое произведение порознь, изображается теперь и Бог. Но Он воспишет приличную похвалу и целому миру вместе взятому, когда будет он совершен.

Сим да прекратится у нас слово о втором дне, чтобы трудолюбивым слушателям осталось времени исследовать слышанное и, что полезно, то удержать в памяти, и посредством тщательного размышления, как бы посредством некоторого переваривания, приуготовить к изнесению из себя служащего на пользу, и чтобы снискивающим пропитание трудами иметь досуг кончить свои попечения в остающееся свободным время и с душою чистою от забот прийти на вечерний пир слова.

Бог же, создавший великое и устроивший, чтобы сказано было сие маловажное, да даст вам во всем разумение истины Его, чтобы вы из видимого познавали невидимое, из величия и красоты тварей собирали подобающее понятие о Сотворшем нас. *Невидимая бо Его от создания мира творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20). Да даст нам и в земле, и в воздухе, и в небе, и в воде, и в ночи, и во дне, и во всем видимом собирать ясные напоминания о Благодетеле. Ибо не оставим никакого времени грехам, не уступим места врагу в сердцах своих, если чрез непрестанное памятование будем вселять в себе Бога, Которому всякая слава, и поклонение, ныне и всегда, и во веки веков, аминь.

[1] То есть длине.

[2] Следующие за сим сведены о реках взяты Св. Василием большею частью из Аристотеля (см. *Αριστοτέλης Μετεωρολογικά*, lib. 1, с. XIII).

[3] Иероним, в письме 61, приписывает сие мнение Оригену.

Беседа 4

О собрании вод.

Есть города, в которых жители, с глубокого утра до самого вечера, насыщают взоры всякого рода представлениями чудесников, и сколько ни слушают каких-нибудь нескромных и неблагочинных песен, от которых в душах необходимо зарождается много бесстыдства, однако не могут их наслушаться. Даже многие почитают таких людей счастливыми, потому что они, оставив торговлю на рынках или занятия искусствами необходимыми для жизни, в праздности и забавах проводят определенное им время жизни, не зная, что позорище, обильное нескромными зрелищами, для присутствующих на нем служит общим и народным училищем распутства, и что самые стройные звуки свирелей и блуднические песни, напечатлевшись в душах слушателей, не к иному чему побуждают всех, как только к бесчинству, к тому, чтобы подражать бряцаниям играющих на гусях или на свирели. А страстные охотники до конских ристалищ и во сне состязаются о конях, перепрягают колесницы, переменяют возничих, и вообще даже в сонных мечтаниях не покидают дневного безумия. Итак, мы ли, которых Господь, великий Чудотворец и Художник, создал теперь, чтобы явить нам дела Свои, мы ли отяготимся созерцанием или обленимся выслушать словеса Духа? Не обступим ли, напротив того, сию великую и полную разнообразия Художническую храмину Божия

созидания, и, востекши каждый своею мыслью ко временам давним, не будем ли рассматривать украшение вселенной? — Небо, по слову пророка, поставленное *яко камара* (Ис. 40, 22), землю, при безмерной ее величине и тяжести, утвержденную на себе самой, воздух, разлитый, мягкий и по природе влажный, тварям дышащим доставляющий сродную им и всегдашнюю пищу, по мягкости своей уступающий телам движущимся и легко ими рассекаемый (так что нет от него ни какого препятствия проторгающимся сквозь него, и он всегда удобно передвигается и переливается назад рассекших его тел), и естество воды и питательной, и на другие потребности приготовленной, также правильное ее собрание в определенные места, — все сие увидишь из прочтенного нам недавно.

И рече Бог: да соберется вода, яже под небесем, в собрание едино, и да явится суша: и бысть тако, и собрался вода, яже под небесем, в собрания своя, и явился суша. И нарече Бог сушу, землю: и собрания вод нарече моря (Быт. 1, 9, 10). Сколько представлял ты мне затруднений в предыдущих беседах, требуя причины, почему земля была невидима, когда во всяком теле естественно есть цвет, а всякий цвет ощутителен для зрения! И может быть, тебе показалось неудовлетворительным сказанное, что земля названа невидимою не по природе, но относительно к нам, по причине заграждения водою, которая покрывала тогда всю землю. Вот слушай теперь, как Писание объясняет само себя. *Да соберутся воды, и да явится суша*. Снимаются завесы, чтобы открылась земля, дотоле невидимая.

Но, может быть, иной сверх сего спросит еще и о следующем. Почему, во-первых, принадлежащее воде по природе, то есть силу стремиться вниз по скату, Писание приписывает повелению Зиждителя? Ибо вода, доколе стоит на ровном месте, неподвижна, потому что некуда ей течь, а как скоро встретит какую-либо покатость, по немедленном устремлении передней части, на место ее вступает непосредственно с нею соединенная, а на место сей последней — за нею следующая, и таким образом непрестанно предшествующая часть убегает, последующая же гонит ее. И стремление сие бывает тем быстрее, чем большую тяжесть имеет падающая вниз вода, и чем больше впадина, в которую сток. Если же таково свойство воды, напрасно дано ей повеление собраться *в собрание едино*. Ибо вода сама собою, по естественному стремлению вниз, неминуемо должна была стекать туда, где была наибольшая впадина, и не прежде остановиться, как по сравнении поверхности. Ибо ничто не бывает так плоско, как поверхность воды. А во-вторых, говорят: почему водам повелено собраться в собрание едино, когда видим многие моря, и притом отделенные одно от другого весьма большим пространством?

На первый из сих вопросов отвечаем, что тебе особенно известны стали движения воды после повеления Владыки. Теперь она везде растекается, непостоянна, по природе стремится в покатые и вогнутые места, но какую силу имела она прежде, нежели вследствие сего повеления, произошло в ней такое стремление к движению, сего сам ты не знаешь и не мог слышать от какого либо очевидца. Рассуди же, что глагол Божий творит самое естество, и повеление, данное тогда твари, определило порядок сотворенного и на последующее время. День и ночь созданы однажды, но с тех пор и до ныне не престают попеременно следовать друг за другом и делить время на равные части.

Да соберутся воды. Водному естеству повелено течь, и по сему поведению, непрестанно поспешая, оно никогда не утомляется. Говорю же сие, имея в виду текущую часть вод. Ибо иные воды сами собою текут, например родниковые и речные, а другие собраны в одно место и не проточны. Теперь же у меня слово о водах движущихся.

Да соберутся воды в собрание едино. Тебе, стоявшему при роднике, дающем обильную воду, не приходила ли когда-либо мысль спросить: кто гонит эту воду из недр земли? кто заставляет ее спешить вперед? Каковы хранилища, из которых она выходит? Что за место, куда она поспешает? Почему и хранилища не оскудевают, и место стоков не наполняется? — Все сие зависит от первого Божия глагола. Им дана воде сила течь. При всяком повествовании о водах помни этот первый глагол: *да соберутся воды*. Им надлежало течь, чтобы занять свойственное им место, а потом, достигнув определенных мест, оставаться в своем положении и далее не поступать. Посему-то, как говорит Екклесиаст, *все потоцы идут в море, и море несть насыщаемо* (Еккл. 1, 7). Ибо если воды текут, то сие по Божию повелению, и если море заключено внутри своих пределов, то сие есть следствие первого законоположения.

Да соберутся воды в собрание едино. Чтобы текучая вода, выливаясь из мест, принявших ее в себя, непрестанно переходя далее и далее и наполняя одно место за другим, не потопила постепенно всей твердой земли, повелено ей собраться в собрание едино. Посему-то море, не редко приводимое в ярость ветрами и на весьма большую высоту воздымающее волны, как скоро коснется берегов, отступает назад, истощив свою стремительность в одну пену. *Мене ли не убоитесь, рече Господь, Иже положих песок предел морю* (Иер. 5, 22)? Песком, который слабее всего, обуздывается невыносимое насилие моря. Ибо что воспрепятствовало бы Чермному морю наводнить собою весь Египет, который в сравнении с ним составляет впадину, и соединиться с морем, прилежащим к Египту, если бы оно не было связано повелением Создателя? А что Египет ниже Чермного моря, в этом самом деле уверили хотевшие соединить между собою сии моря — Египетское и Индийское, на котором и Чермное. По сей-то причине отказались от своего предприятия и Египтянин Сезострис, который первый начал дело, и Дарий Мид, который хотел его докончить [1]. Это сказано мною, чтобы уразуметь нам силу повеления: *да соберутся воды в собрание едино*: то есть, после сего собрания не должно быть другого, но в первом собрании будет оставаться собранное.

Потом Повелевший водам собраться *в собрание едино* показал тебе, что были многие воды, разделенные по многим местам. Ибо и впадины в горах, изрытые глубокими оврагами, имели в себе собрание вод. А также многие покатые равнины, не уступающие пространством самым великим морям, бесчисленное множество долин и лощины, образуются всякого рода впадины, которые все были тогда наполнены водами, вдруг опустили по Божественному повелению, как скоро вода устремилаь отовсюду в собрание едино. И никто не говори, что ежели вода была выше земли, то по необходимости и все впадины, которые теперь вместили в себя море, были уже наполнены водою. А следовательно, не куда было и собраться водам, по предварительном занятии водою сих впадин. На сие скажем, что в то же время, когда воде надлежало отделиться в один состав, приготовлены были и вместилища. Ибо не было еще моря за Гадесом, а также и того великого и страшного для пловцов, которое омывает Британский остров и западных Ибериян, но тогда по повелению Божию, устроилось обширное вместилище, и в него стекло множество вод.

А на возражение, будто бы учение о нашем миротворении противоречит опыту (ибо, по-видимому, не в одно собрание вод стеклась вся вода), можно сказать многое, и это само по себе известно всякому. Да едва ли и не смешно препираться с делающими подобные возражения. Неужели они укажут нам на болотные и от дождей собирающиеся воды, и будут думать, что сим опровергли наше учение? Но Творец наименовал собранием единым самое великое и полное собирище вод. Ибо и колодцы делаются рукотворенными собраниями вод, когда в углубление земли стекает рассеянная влага. Посему словом собрание означает не какое-либо стечение вод, но преимущественное и

наибольшее, в котором оказывается собранною целая стихия. Ибо как огонь и раздроблен на мелкие части для здешних потреб, и в совокупности разлит в эфире, и как воздух и разделен по малым долям, и совокупно занял все надземное пространство, так должно разуметь и о воде. Хотя есть отдельные небольшие собрания вод, но собрание, отделяющее целую стихию от прочих стихий, только одно. Ибо и озера, какие находятся в странах северных, на пределах Греции, в Македонии, Вифинии и Палестине, конечно, суть собрания, но теперь у нас слово о собрании из всех наибольшем и по величине равняющемся земле. Никто не спорит, что в сих озерах много воды, но никто, однако же, не назовет их в подлинном смысле морями, не смотря на то, что некоторые, подобно великому морю, содержат в себе множество соли и земляных частиц, как например, Асфальтовое озеро в Иудеи, и Сирбоново между Египтом и Палестиною, простирающееся в Аравийскую пустыню. Это озера, а море одно, как повествуют путешествовавшие вокруг земли. Хотя некоторые полагают, что моря Гирканское и Каспийское заключены в особых пределах, но если сколько-нибудь достойны внимания землеописания повествователей, то и сии моря имеют между собою сообщения, и все вместе впадают в великое море, как и о Чермном море говорят, что оно соединяется с морем, лежащим позади Гадеса [2].

Но скажут: почему же Бог собрания вод назвал морями? — Потому что, хотя воды стеклись в собрание едино, однако же и сборища вод, то есть заливы, которые имеют особенный вид свой, будучи заключены окружающею землею, Господь наименовал морями. Есть море Северное, море Южное, море Восточное, а также и Западное. Морям даются и собственные имена: Евксинский Понт, Пропонтида, Геллеспонт; моря: Эгейское, Ионическое, Сардийское, также Сицилийское и Тирренское. И имена морей бесчисленны, так что теперь перечислять их подробно было бы долго и неприлично. Посему-то Бог собрания вод назвал морями. Но хотя уже к этому привела нас связь речи, однако же возвратимся к началу.

И рече Бог: да соберется вода в собрание едино, и да явится суша. Не сказал: да явится земля, чтобы не показать ее еще неустроенною, грязною, смешанною с водою, не получившею свойственного ей образа и надлежащей силы, а вместе, чтобы причину осушения земли не приписали мы солнцу, Создатель произвел сухость земли до сотворения солнца. Вникни же в смысл написанного: не только излишек вод стек с земли, но даже вода, смешанная с землею во глубине, вышла из нее, повинаясь непреложному повелению Владыки.

И бысть тако. Сия прибавка достаточно показывает, что слово Создателя пришло в исполнение. Но во многих списках присовокупляется: *и собрался вода, яже под небесем, в собрания своя, и явися суша*, — каковых слов не передали прочие толковники, да, кажется, и у Евреев они не читаются. Ибо, действительно, по засвидетельствовании, что *бысть тако*, излишне повествование опять о том же. Почему в исправных списках слова сии отмечены чертами, а такая черта служит знаком исключения.

И нарече Бог сушу, землю; и собрания вод нарече моря. Почему, как выше сказано: *да соберется вода в собрание едино, и да явится суша*, а не написано: *и да явится земля*, так и здесь опять: *да явится суша, и нарече Бог сушу, землю?* — Потому что суша есть свойство, служащее как бы отличительным признаком природы предмета, а земля есть голое наименование сего предмета. Как разумность есть свойство человека, а слово человек, означает самое животное, в котором есть сие свойство, так сухость есть свойство земли, и свойство преимущественное. Итак в чем собственно есть сухость, то названо землею, подобно как то, чему собственно принадлежит способность ржать, названо конем.

И сие имеет место не в одной только земле, но и каждая из прочих стихий имеет свойственное себе и исключительное качество, по которому отличается от прочих стихий, и сама в себе познается, какова она. Вода собственным своим качеством имеет холодность, воздух — влажность, огонь — теплоту. Впрочем и земля, и вода, и воздух, и огонь, только как первые стихии сложных вещей, представляются разуму с поименованными качествами, а когда они сопоставлены в теле и подлежат чувствам, тогда имеют уже сопряженные качества, и ничто видимое и чувствам подлежащее не бывает в отрешенном смысле одиноко, или просто, или чисто. Напротив того, земля суха и холодна, вода влажна и холодна, воздух тепел и влажен, а огонь тепел и сух. Таким образом, вследствие сопряженного качества, происходит в стихиях возможность смешиваться каждой с каждою, ибо каждая стихия, в следствие общего качества, срастворяется с смежною к ней стихией, а вследствие общения в сродном, соединяется и с противоположною. Например, земля, будучи суха и холодна, соединяется с водою по сродству холодности, а чрез воду соединяется с воздухом, потому что вода, поставленная в середине между землею и воздухом, каждым из своих качеств, как бы наложением двух рук, соприкасается к той и другой из прилежащих к ней стихий, — холодностью к земле, а влажностью к воздуху. Опять, воздух чрез посредство свое делается примирителем враждебных природ воды и огня, вступая в единение посредством влажности — с водою, а посредством теплоты — с огнем. А огонь, будучи по природе тепел и сух, посредством теплоты соединяется с воздухом, а посредством сухости входит опять в общение с землею. И таким образом составляется круг и стройный лик, по причине взаимного согласия и соответствия всех стихий. Почему весьма прилично дано им и название стихий [3].

Это сказал я, чтобы представить причину, почему Бог землю назвал сушею, а не сушу нарек землею. Именно, сухость есть нечто не в последствии приданное земле, но с самого начала восполнявшее ее сущность. А что служит одинаковой причиной бытия, то по природе первоначальнее и предпочтительнее привзошедшего после. Посему справедливо измышлены признаки, заимствованные от предсуществовавшего и старейшего.

И виде Бог, яко добро. Писание показывает не то, что Богу открылся какой-то приятный вид моря. Ибо Творец не очами рассматривает красоту тварей, но с неизреченною премудростью созерцает происходящее. Усладительно, правда, зрелище — море белеющееся, когда царствует на нем постоянная тишина, усладительно также, когда хребет его, зыблемый тихими ветрами, представляется зрителям в пурпуровом или лазурном цвете, когда оно не ударяет сильно в смежную сушу, но как бы лобзает ее в мирных объятиях. Однако не должно думать, чтобы, по словам Писания, и Богу в таком же смысле казалось море прекрасным и приятным. Напротив того, в Писании красота определяется относительно к мирозданию.

Во-первых, морская вода служит источником всей земной влаги. Ибо она рассеяна по неприметным скважинам, как доказывают рыхлые места и пещеры в твердой земле, в которые проникает текучая морская вода. И когда бывает она заперта в кривых и не прямо идущих проходах, тогда гонимая движущим ее духом стремится наружу, проторгая поверхность, и делается годною к питью, чрез процеживание теряя горечь. Когда же во время переходения заимствует у металлов качество теплоты, тогда по такой же причине, заключающейся в движущем духе, делается она часто кипящею, даже огненною, что можно видеть на многих островах и во многих приморских странах. А если сравнивать малое с великим, иногда и в середине материка некоторые места, смежные с ручными водами, терпят почти то же самое. К чему же сказал я это? К тому, что вся земля имеет в

себе множество проходов, и чрез неприметные скважины из начал моря расходится по ней вода.

Итак море прекрасно пред Богом, потому что влага из него идет по земным глубинам. Оно прекрасно также и потому, что служит приемником рек, принимает в себя отовсюду потоки, и не выступает из своих пределов. Прекрасно и потому, что служит началом и источником воздушных вод, когда нагревается лучами солнечными, и отлагает от себя, посредством испарения, тонкия частицы воды, которые, будучи привлечены в горнее пространство и потом охлаждены, как возвысившиеся далее, нежели куда простираются лучи отражаемые земною поверхностью, при возрастающем холоде, также и от тени облаков, делаются дождем и утучняют землю. И в этом, конечно, никто не усомнится, если представить себе поставленные на огонь котлы, которые, будучи наполнены влагою, нередко делаются пустыми, потому что все варимое в них разрешилось в пары. Можно еще видеть, как мореплаватели варят самую морскую воду, и собирая пары губками, в случае нужды, удовлетворяют несколько своей потребности. Но море прекрасно пред Богом и в другом отношении, потому что ограничивает собою острова, и служит им вместе и украшением и ограждением, а еще и потому, что приводит собою в связь самые отдаленные друг от друга части твердой земли, доставляя беспрепятственное сообщение мореплавателям, чрез которых снабжает нас сведениями о неизвестном, обогащает купцов, удобно удовлетворяет нашим жизненным потребностям, доставляет возможность изобилующим сбывать излишнее, а нуждающимся вознаграждать свои недостатки.

Но каким образом могу во всей подробности рассмотреть красоту моря, в какой явилось оно очам Творца? Если море прекрасно и достойно похвалы пред Богом, то не гораздо ли прекраснее собрание такой Церкви, в которой, подобно волне ударяющейся в берег, совокупный глас мужей, жен и младенцев воссылается к Богу в наших к Нему молитвах? Глубокая тишина хранит ее незыблемою, потому что лукавые духи не возмogli возмутить ее еретическими учениями. Будьте же достойны благословения Господня, соблюв, сколько возможно, благолепнее сие благочиние, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Аристотель, в своей Метеорологии кн. 1, гл. 14, говорит, что Сезострис первый из древних предпринял соединить сии моря, но нашел, что море выше земли. Это же впоследствии заставило и Дария прекратить работы.

[2] Здесь разумеется соединение Индийского или Южного Океана с Океаном Атлантическим, которое во времена Св. Василия по неизвестности южных стран Африки не было еще ясно доказано, а подлежало догадкам.

[3] От *σειχω* чинно иду.

Беседа 5

О прозябениях земли.

И рече Бог: да прорастит земля былие травное, сеющее семя по роду, и древо плодовитое, творящее плод по роду, емуже семя его о нем (Быт. 1, 11). После того как земля, сложив с себя бремя воды, успокоилась, весьма прилично ей дано повеление

произращать сперва траву, потом дерева, что, как видим, совершается еще и ныне. Ибо тогдашний глагол и первое сие повеление сделались как бы естественным некоторым законом и остались в земле и на последующие времена, сообщая ей силу рождать и приносить плоды.

Да прорастит земля. В происхождении растений первое есть появление ростка, потом, когда ростки несколько поднимутся, является *былие* [1], а потом, увеличиваясь, оно делается травой, при постепенном развитии растения и приближении его к совершенству, то есть к осеменению. Ибо зеленение и созревание во всех одинаково.

Да прорастит земля былие травное. Земля сама собою должна произвести прозябение, не имея нужды ни в каком постороннем содействии. Поскольку некоторые думают, что причина произрастающего из земли в солнце, которое притяжением теплоты извлекает на поверхность земли таящуюся в глубине силу, то земля украшается прежде солнца, чтобы заблуждающие перестали поклоняться солнцу, и признавать, будто оно дает причину жизни. Посему, если убедятся, что вся земля украшена до сотворения солнца, то уменьшат безмерное к нему удивление, рассудив, что оно по бытию позднее травы и зелени.

Но когда заготовлена была пища скотам, неужели мы одни оказались недостойными какого-либо промысления? Напротив того, Заготовивший корм волам и коням наипаче приготавливает богатство и наслаждение для тебя. Ибо Питающий твой скот умножает тем твои жизненные запасы. Притом, самое произведение семян — что иное, как не запас для твоего продовольствия? Сверх того, многие травы и зелия сами по себе служат пищею людям.

Сказано: *да прорастит земля былие травное, сеющее семя по роду.* Посему, хотя иной род былий полезен другим, но их польза возвращается к нам, и нам предоставлено употребление семян. Почему смысл сказанного таков: *да прорастит земля былие травное, и семя сеющее по роду.* Ибо таким образом можно будет восстановить порядок речи, в которой теперь сочинение слов представляется нестройным. И тогда соблюдется необходимая последовательность в том, что производит природа. Ибо сначала росток, потом зелень, потом возрастание травы, потом совершение возвращенного чрез семя.

Скажут: как же Писание представляет, что все произрастающее из земли осеменено, когда ни тростник, ни полевица, ни мята, ни шафран, ни чеснок, ни бутум, ни другие бесчисленные роды растений, по-видимому, не производят семени? На сие ответим, что многие из земных произрастаний в нижней своей части и корне имеют силу семени. Например, тростник, по однолетнем росте, пускает от корня некоторый отпрыск, и он на будущее время заступает место семени. То же делают и другая бесчисленные растения которые, будучи рассеяны по земле, силу продолжать свой род содержать в корнях. Итак всего несомненное, что в каждом растении или есть семя, или скрывается некоторая семенная сила. И это значит слово: *по роду.* Ибо отпрыск тростника не производит маслины, а напротив того, от тростника бывает другой тростник, и из посеянных семян произрастает сродное им. И таким образом, что при первом сотворении изникло из земли, то соблюдается и до ныне, чрез сохранение рода последовательностью преемства.

Да прорастит земля. Представь себе, что по малому речению и по столь краткому повелению холодная и бесплодная земля вдруг приближается ко времени рождения, подвигнута к плодородию, и, как бы сбросив с себя печальную и горестную одежду,

облекается в светлую ризу, веселится своим убранством, и производит на свет тысячи родов растений.

Мне желательно тверже укоренить в тебе удивление к твари, чтобы ты, где ни находишься, и какой род растений ни встречаешь, всегда возобновлял в себе ясное воспоминание о Творце. Посему, во-первых, когда видишь на траве зелень и цвет, приведи себе на мысль человеческое естество, припоминая изображение мудрого Исаии: *всяка плоть яко сено, и всяка слава человека яко цвет травный* (Ис. 40, 6). Кратковременность жизни, непродолжительность радостей и веселий человеческого благоденствия нашли себе у Пророка самое приличное уподобление. Сегодня цветет телесно, утучнен от наслаждений, сообразно с цветущим возрастом имеет свежую доброцветность, бодр, развязен, неудержим в стремлении, а на утро он же самый жалок, или увянув от времени, или ослабев от болезни. Иной обращает на себя взоры изобилием богатства, вокруг его множество льстецов, сопровождение притворных друзей, уловляющих его благосклонность, множество сродников, которые носят на себе личину, многочисленный рой слуг, то заботящихся об его пище, то исполняющих другие его потребности, которых влачит он за собою, выходя из дому и возвращаясь домой, и тем возбуждает зависть встречающихся. Присовокупи к богатству какую-либо гражданскую власть или почести от царей, или управление народом, или начальство над войском, провозвестника, который громко вызывает перед ним, жезлоносцев, которые здесь и там вселяют в подначальных сильный ужас, побои, описание имущества, взятие под стражу, темницы, что все увеличивает в подчиненных нестерпимый страх. И что же после сего? Одна ночь, или горячка, или боль в боку, или воспаление легких, похитив сего человека из среды людей, сводят с позорища, и место его действия вдруг делается опустевшим, и эта слава оказывается ничем, как сновидение. Посему-то составилось у Пророка уподобление человеческой славы самому слабому цветку.

Да прорастит земля былые травное, сеющее семя по роду и по подобию. И теперь еще порядок растительности свидетельствует о первобытном постановлении. Ибо всякой зелени и траве предшествует появление ростка. Выходит ли что от корня из подземного отростка, как например, шафран и полевица, оно должно сперва дать росток и взойти наружу, вырастает ли что от семени, и в сем случае необходимо быть сперва ростку, потом зелени, потом зеленеющей траве, а потом плоду, ботеющему уже на сухом и дебелим стебле.

Да прорастит земля былые травное. Когда семя упадет в землю, которая имеет в себе соразмерную влажность и теплоту, тогда оно, разбухнув, сделавшись многоскважинным, и объемлемое близ лежащею землею, привлекает к себе, что ему свойственно и сродно. Самые же тонкие частицы земли, приставая к скважинам и входя в них, расширяют объем семени, отчего оно пускает вниз корни и идет вверх, давая из себя стебли по числу корней. А при постоянном согревании ростка привлекаемая корнями влага притяжением теплоты извлекает из земли сколько нужно питательного и разделяет это стеблю, коже, влагалищам зерен, самым зернам и колосьям. Таким образом, при постепенном возрастании, каждое растение приходит в свойственную ему меру, будет ли оно из рода хлебных, или бобовых, или овощных, или растущих кустарником.

Одна травка, или одна былинка достаточна занять всю мысль твою рассмотрением искусства, с каким она произведена, как например, стебель пшеницы опоясывается коленцами, чтобы они, подобно связкам, удобно поддерживали тяжесть колосьев, когда исполненные плодами клонятся к земле. Посему стебель у овса совершенно пуст, так как вершина его ничем не обременена, и стебель пшеницы природа защитила такими связками, зерно же заключила во влагалище, чтобы не могло быть похищено птицами, и

длинными остями, подобными иглам, предотвратила вред от мелких животных. Что мне сказать? И о чем умолчать? В богатых сокровищницах творенья трудно найти предпочтительное прочему, а если оставим что без внимания, урон будет несносен.

Да прорастит земля былые травное. Вместе с питательным произросло и вредное, вместе с пшеницею и болиголов, и вместе с другими питательными растениями — чемерица, борец, мандрогора и маковый сок. Итак что же? Ужели откажемся приносить благодарение за полезное, и станем обвинять Создателя за разрушительное для нашей жизни? А не рассудим того, что не все создано для нашего чрева? Напротив того, как назначенное нам в пищу у нас под руками и всякому известно. Так каждая сотворенная вещь в целом творении выполняет какой-нибудь свой особенный закон. Поскольку воловья кровь для тебя яд, то ужели по сему самому надлежало или не творить сего животного, или сотворить вола бескровным, хотя сила его для стольких потреб нужна нам в жизни? Но тебе довольно живущего в тебе разума, чтобы предохранить себя от вредного. Если овцы и козы умеют избегать зловредного для их жизни, посредством одного чувства различая вредное, то скажи мне, ужели трудно уклониться от ядовитого тебе, у которого есть и разум, и врачебная наука, указывающая полезное, и опыт предшественников, внушающий убегать вредного? Но и из сего ничто не сотворено напрасно и без пользы. Ибо оно или служит пищею какому-либо животному, или с помощью врачебной науки открывается годным для нас самих, служа к облегчению каких-нибудь недугов. Скворцы питаются болиголовом, и по устройству своего тела не терпят вреда от яда, имея в сердце тонкие скважины, они, кажется, переваривают поглощенное, прежде нежели производимое им охлаждение коснется главных членов. Чемерица служит пищею перепелам, и они по своему сложению остаются невредимыми. Но сии же самые растения и нам иногда бывают полезны. Мандрогорою врачи наводят сон, и опиумом успокаивают жестокие боли в теле. А некоторые болиголовом усмиряли ярость вожделений, чемерицею же искореняли многие застарелые болезни. Посему, за что думал ты обвинять Творца, то самое обратилось для тебя в побуждение к большей благодарности.

Да прорастит земля былые травное. Сколько разумеет под сим Писание снедей, которые сами собою готовы для нас то в корнях, то в зелени, то уже в плодах! Сколько еще снедей, которые присоединяются нашим трудом и земледелием! Бог повелел земле не вдруг произвести семя и плод, но сперва дать ростки и зелень, а потом уже закончить семенем, чтобы первое повеление служило природе уроком к соблюдению порядка на последующее время. Говорят: как же земля приносит семена по роду, а между тем часто, посеяв пшеницу, собираем черное пшеничное зерно [2]? Но это не изменение в другой род, а как бы недуг и болезнь семени. Здесь пшеница не перестала быть пшеницею, но почернела от обожжения, как можно видеть из самого названия. Загорев от чрезмерной стужи, она приняла другой цвет и вкус. Но сказывают, что она и опять, если будет иметь пригодную землю и благорастворенный воздух, обращается в первоначальный вид. Посему ничего не найдешь в растениях, что совершилось бы вопреки сему повелению. А так называемый куколь и все другие вносные семена, какие только примешиваются к употребляемым в пищу и в Писании обыкновенно называются плевелами, происходят не чрез изменение пшеницы, но имеют собственное свое начало, и составляют свой особенный род. Они изображают собою тех, которые искажают учение Господне, не изучили Писания как должно и повреждены учением лукавого, но присоединяются к здоровому телу Церкви, чтобы неприметно сообщить свое повреждение не зараженным. Но Господь и усовершенние уверовавших в Него уподобляет возрастанию семян, говоря: *яко (егда) человек вметает семя во землю, и спит, и встает ноцию и дню, и семя прозябает и растет, якоже не вестъ он. От себе бо земля плодит прежде траву, потом клас, также исполняет пшеницу в клас* (Мк. 4, 26–28).

Да прорастит земля былие. И земля, соблюдая законы Создателя, начав с ростка, в краткое мгновение времени прошла все виды возрастания, и тотчас довела прозябения до совершенства. Луга наполнились изобильною травой, плодоносные равнины, воздымаясь от жатв, в колебании колосьев сохранили подобие волнующегося моря. Всякая зелень и всякий род овощей, все, что растет кустарником, и что приносит стручковые плоды, во всем изобилии явились тогда на земле. Ибо ничто тогда не останавливало произрастания, неопытность земледельцев, неблагоприятность воздуха и какая-либо другая причина не делали вреда изникнувшему. Осуждение еще не препятствовало плодородию земли, все сие было прежде греха, за который осуждены мы в поте лица своего есть хлеб.

Но сказано: *и древо плодовитое, творящее плод, емуже семя его в нем по роду и по подобию на земли.* По сему глаголу сгустились кустарники, выбежали из земли все деревья, обыкновенно достигающие чрезвычайной высоты, — ели, кедры, кипарисы, певги. Все мелкие деревья сделались вдруг ветвистыми и густыми; явились употребляемые для венцов растения — розы, мирты и лавры. Ничего этого прежде не было на земле, и все в одно мгновение времени пришло в бытие, с принадлежащим каждому свойством, самыми явными разностями отличное от растений инородных, и узнаваемое по свойственному для каждого признаку. Но роза была тогда без шипов, впоследствии уже к красоте цвета присоединены терния, чтобы неподалеку от приятности наслаждения имели мы и готовую скорбь, вспоминая о грехе, за который земля осуждена возвращать нам *терния и волчцы* (Быт. 3, 18).

Но скажут: повелено земле произрастить *древу плодовитое, творящее плод на земли, емуже семя его в нем*; а между тем видим, что многие деревья не имеют ни плодов, ни семян. Что ответить на сие? То, что здесь упомянуты преимущественно растения предпочтительнейшие по природе, а сверх того, при тщательном рассмотрении окажется, что все растения имеют или семя, или нечто равносильное семени. Ибо осокори, ивы, ильмы, тополи и другие им подобные деревья, по-видимому, не приносят явно плода, по тщательный испытатель найдет, что каждое из них имеет семя. Ибо лежащее под листом зерно, которое умеющие давать всему свои имена, называют *μίσχος* [3], имеет силу семени. Деревя же, которые обыкновенно разводятся от ветвей, пускают от них во множестве корни. А может быть значение семени имеют и отростки корней, чрез отнятие которых садовники размножают род. Но во-первых, как сказано, удостоены упоминания те деревья, которые наипаче поддерживают жизнь нашу, и которые должны были, снабжая человека своими плодами, уготовлять ему обильную пищу. Таков виноград, производящий вино, которое должно *веселить сердце человека*. Такова олива, доставляющая плод, который может *умастити лице елеем* (Пс. 103, 15).

Сколько стекло вместе производимого природою с такою поспешностью! Корень виноградной лозы, зеленеющие и большие ветви, кругами раскидывающиеся по земле, зародыш, завивание лозы, зеленые ягоды, спелые гроздья! Достаточно для тебя одного взора, и разумный взгляд на виноградную лозу внушит тебе, о чем напоминает природа. Ибо помнишь, конечно, об уподоблении Господа, Который называет Себя *лозою*, а Отца *делателем*, каждого же из нас именует *розгою*, чрез веру насажденною в Церкви, и побуждает нас к многоплодию, чтобы не преданы мы были огню по осуждению за бесполезность (Ин. 15, 16). И Он не престаёт везде уподоблять человеческие души виноградным лозам. Ибо сказано: *виноград бысть возлюбленному в розе, на месте тучне. И: лозу насадих, и оградих ограждением* (Ис. 5, 1, 2). Очевидно, что под виноградом понимает человеческие души, для которых соградил ограждение — оплот заповедей и охранение от Ангелов. Ибо *ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его* (Пс. 33, 8). Потом как бы и окоп сделал около нас, *положив в Церкви первее Апостолов, второе пророков, третьих учителей* (1 Кор. 12, 28). Примерами же древних и блаженных мужей

возводя мысли наши на высоту, не оставил их поверженными долу и достойными попраiania. Он хочет также, чтобы мы, как бы некоторыми завивками, сплетались с ближними объятиями любви и упокоевались в них, и, всегда стремясь к горнему, как выющиеся виноградные ветви, старались уравниваться с вершинами самых высоких. Он требует еще, чтобы мы терпели, когда окапывают нас. А душа окапывается чрез отложение мирских забот, которые составляют бремя для наших сердец. Посему отложивший плотскую любовь и привязанность к богатству, и признавший презренным и смешным пристрастие к здешней бедственной славе, как бы окопался и обновился в силах, свергнув с себя напрасное бремя земного мудрования. Не должно же, по слову притчи, разрастаться в ветви [4], то есть жить на показ, и домогаться похвалы за внешность, но надобно быть благоплодным, предоставляя истинному Земледельцу показание дел. А ты будь и *яко маслина плодовая в доме Божиим* (Пс. 51, 10), никогда не совлекаясь упования, но имея в себе всегда цветущее спасение, приобретаемое чрез веру. Ибо таким образом будешь подражать всегдашней зелени сего растения, и соревновать его многоплодию, во всякое время подавая обильную милостыню.

Но возвратимся к рассмотрению Художнических распоряжений. Сколько произошло тогда родов растений плодовых, годных к созиданию кровов, к строению кораблей, к сожжению! И здесь опять в каждом дереве устройство частей его разнообразно, а также едва можно отыскать свойство каждого дерева, и усмотреть взаимные различия деревьев разнородных. Отчего одни из них пускают корень в глубь, а другие стелют по земной поверхности, одни растут прямо и имеют один ствол, другие низки и от самого корня разделены на многие отростки? Отчего у деревьев, имеющих ветви длинные и далеко раскинутые по воздуху, корни глубоки и простираются вокруг на большое пространство, как будто природа положила основания, соразмерные тяжести верхних частей? Сколько различий в древесной коре! У одних деревьев кора гладкая, у других морщиноватая, у одних однослойная, а у других многослойная. А что удивительно, и в растениях найдешь признаки похожие на человеческую юность и старость. Ибо на деревьях молодых и здоровых кора бывает вокруг плотно обтянута, а на состарившихся она морщится и твердеет. Одни деревья, будучи срезаны, прозябают вновь, другие, потерпев посечение, как бы это было для них смертью, остаются без преемства. А некоторые заметили даже, что срубленные и обожженные сосны превращались в дубы. Известно и то, что в некоторых деревьях естественный порок исправляется попечением земледельцев. Например, кислые гранаты и горькие миндали, когда ствол у корня будет провернуть и в самую середину сердцевины впущен тучный клин из певга, переменяют горький свой сок на приятный. Посему, да не отчаивается в себе никто из провождающих жизнь во грехе, зная, что как земледелие изменяет качество растений, так попечительность души о добродетели может одержать верх над всякими недугами.

В плодоношении же плодовых растений столько разности, что невозможно описать сего словом. Ибо не только на деревьях разнородных плоды различны, но много разностей бывает даже в одном и том же виде дерева. Иной отличительный признак плода бывает иногда на растении мужского пола, и иной на растении женского пола, как различают сие садовники, которые и финиковые деревья делят на два пола, мужеский и женский. И можешь видеть, что иногда растение, как называют они, женского пола, опускает ветви, как будто оно возбуждено вожделением, и желает мужеских объятий, ходящие же за растениями бросают на ветви нечто подобное мужеским семенам, что называется у них $\psi\eta\nu\epsilon\varsigma$ [5], и в таком случае деревья как бы чувствуют услаждение, снова выпрямляют свои ветви, и многолиственные вершины их приходят в прежний свой вид. То же самое рассказывают о смоковницах. Посему дитя смоковницы сажают вместе с садовыми, а другие врачуют бессилие садовых смоковниц, приносящих вкусные плоды,

тем, что привязывают к ним незрелые смоквы, и поддерживают сим плод, который уже начал истаивать и рассыпаться.

О чем же дает тебе разуметь эта загадка природы? О том, что мы часто и у людей чуждых веры должны заимствовать себе побуждение к показанию добрых дел. Если видишь, что живущий в язычестве, или отторгнутый от Церкви какою-либо превратною ересью, целомудрен по жизни и во всем прочем старается о нравственном благочинии, то тем паче ты напрягай свое старание уподобиться плодоносной смоковнице, которая собирает силы из приближенных к ней диких смоковниц, перестает истаивать, и тщательнее питает свой плод.

Столь многочисленны различия в образе рождения плодов, если из многого сказать только не многое! Но кто же опишет разнообразие самых плодов, их вид, цвет, свойства соков, и пользу каждого? Отчего некоторые созревают на солнце обнаженные, а другие приходят в полноту покрытые в оболочках? Отчего, у которых плод нежен, у тех листовая покров груб, — как на смоковнице, а у которых плоды закрыты, у тех листовая одежда легка, — как на орешнике? Потому что первые по своей слабости имеют нужду в большей помощи, а последним более плотная оболочка причинила бы вред тенью от листьев. Какие разрезы на виноградных листьях, чтобы гроздь была и защищена от вредных действий воздуха, и по причине редкости листьев в обилии принимала на себя солнечные лучи! Ничто не без причины, и ничто не случайно, везде видна какая-то неизглаголанная мудрость.

Какое же слово будет для сего достаточно? Как ум человеческий исследует все в подробности, чтобы и свойства усмотреть, и взаимные разности различить явственно, и без недостатка представить сокровенные причины? Одна и та же вода, притянутая корнем, иначе питает самый корень, иначе кору ствола, иначе древесину, и в ней опять иначе сердцевину. Одно и то же и листом делается, и разделяется по сучьям и ветвям, и доставляет рост плодам, от той же причины происходит и сок в растении, и вытекающая из него наружу влага. Какая же есть разность между всем этим, не объяснит никакое слово. Иная влага, вытекающая из мастичника, и иной сок бальзамического дерева, а некоторые нарды в Египте и Ливии источают другой род сока. Сказывают также, что и янтарь есть сок растений, отвердевший в камень. И такое мнение подтверждают примечаемые в янтаре травинки и мелкие животные, которые, будучи захвачены, когда сок был еще мягкий, остаются в нем. И вообще, кто не изведal опытом различия соков относительно к их качеству, тот не найдет и слова к объяснению их действий. Как опять из одной и той же влаги в винограде составляется вино, а в маслины — масло? И удивительно не одно то, каким образом влажность в винограде сделалась сладкою, а в маслине тучною, но и то, что в сладких плодах неисчислимо различие качеств. Ибо иная сладость в винограде, иная в яблоке, смоковнице и Финиковом дереве. И я желаю, чтобы ты еще подумал об этом вопросе: отчего одна и та же вода, то мягка для ощущения, когда, находясь в известных растениях, делается она сладкою, то жестка для вкуса, когда, пройдя чрез другие растения, окисляется; и опять обратившись в крайнюю горечь, нестерпима для ощущения, когда находится в полыни и в скаммоней [6]; а в желудях, или в плоде дерена превращается в острое и вяжущее качество; в терпентинных же растениях и в орехах изменяется в свойство нужное и маслянистое? И нужно ли говорить о чем-либо малоизвестном, когда в одной и той же смоковнице вода переходит в противоположные качества? Та же влага весьма горька в древесном соке, и весьма сладка в самом плоде и в винограде имеет самый вяжущий вкус — в сучьях, и самый приятный — в ягодах.

Но сколько различий в цветах! Можешь видеть на лугах, что одна и та же вода в одном цветке румяна, в другом багрова, в этом голуба, а в этом бела. И опять, еще больше

разности представляет она в запахах, нежели сколько имеет разнообразия в цветах. Но вижу, что слово мое, от ненасытного желания все обозреть, преступает меру, и если не наложу на него уз и не возведу к необходимому закону творения, то не достанет у меня дня на изображение пред вами великой мудрости, сокрытой в вещах самых маловажных.

Да прорастит земля древо плодовитое творящее плод на земли. И тотчас вершины гор осенились кудрями, устроились сады, и берега рек украсились тысячами родов растений, и одни уготовились украшать собою человеческую трапезу, а другие предложили в пищу скотам и листья и плоды. Но они доставляют нам и врачебные пользы в своих соках, влагах, прутьях, коре, плодах. И одним словом, что открыл нам долговременный опыт, из частных случаев собирая полезное, то привел в бытие вдруг все объемлющий Промысл Творца, предусмотрев из начала.

А ты, когда видишь растения садовые или дикие, прозябающие в воде или на суше, приносящие цветы или бесцветные, в малом познавая великое, усугубляй непрестанно свое удивление, и возрастай в любви к Творцу. Размысли, как Он иные растения сотворил всегда зеленеющими, а другие обнажающимися, и всегда зеленеющие — то меняющимися листья, то не теряющими листьев. Ибо меняют листья и олива, и сосна, хотя перемена сия происходит неприметно, так что, по-видимому, они никогда не обнажаются от зелени. Но финиковое дерево не теряет листьев, и до конца сохраняет те же листья, которые получило с первого прозябения. Потом прими во внимание и то, отчего мирика, *жс*) есть как бы водоземное растение, причисляется к растущим в воде и разводится в местах пустынных. Посему и Иеремия (Иер. 17, 6) справедливо уподобляет такому растению нравы лукавые и преклонные на доброе и худое.

Да прорастит земля. Краткое сие повеление тотчас стало великою природою и художественным словом, быстрее нашей мысли производя бесчисленные свойства растений. То же повеление, и донныне действуя в земле, побуждает ее, по истечении каждого года, обнаруживать силу свою, какую она имеет к производству трав, семян и деревьев. Как кубарь, по силе первого данного ему удара, совершает последующие обращения, когда описывает круги, соблюдая в себе средоточие неколеблемым, так и последовательный порядок природы, получив начало с первым повелением, простирается на все последующее время, пока не достигнет общего скончания вселенной. К нему будем поспешать и мы все, плодонося добрые дела и преисполняясь ими, *да насаждени в дому Господни, во дворех Бога нашего процветем* (Пс. 91, 14) о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Зелень.

[2] *Μέλανι πείρον*; это пшеница, родящаяся собственно в Сицилии, но также вырождающаяся и из обыкновенной пшеницы, в употреблении безвредная.

[3] У Гезехия читаем следующее объяснение сему слову: *Μίσχος*: так называют то, чем примыкается к растению или плод, или лист. *Μίσχος*, зерно на листе.

[4] Здесь Св. Василий, вероятно, имеет в виду место из Осии пророка (Ос. 10, 1), которое, по переводу Симмаха, читается: *αἰτελὸς ὑλμιανοῦσα Ἰσραήλ*, виноград многоветвистый Израиль.

[5] Плодотворная пыль на дереве мужского пола, которую некоторые древние естествослы представляли в виде червячков или мошек, к чему привело их, вероятно, наблюдение над смоковничными деревьями. Ибо насекомое, известное под именем орехотворки, гнездясь на сих деревьях и покрываясь пылью из тычинок, переносит сию пыль на женские цветки и оплодотворяет их.

[6] Из рода вьюнчиков (convolvulus): дает из корня сок острый и молочный, имеющий сильное слабительное свойство, подобно корню ялаппа.

Беседа 6

О сотворении небесных светил.

Кто смотрит на подвизающихся, тот и сам должен напрягать несколько свои силы. Это всякий может видеть из зрелищных уставов, которые требуют, чтобы заседающие на поприще сидели с открытою головою. А сие, мне кажется, для того, чтобы каждый не только был зрителем подвизающихся, но в некоторой мере и сам сделался подвижником. Подобным образом и ценителю великих и сверхъестественных зрелищ и слышателю подлинно высшей и неизреченной мудрости, приходя сюда, надобно иметь уже в себе некоторое стремление к созерцанию предлагаемого, и по мере сил участвовать со мною в подвиге, являясь не столько судиею, сколько сподвижником, чтобы не лишиться нам случая открыть истину, и чтобы моя ошибка не сделалась общим вредом для слушающих. К чему же говорю сие? К тому что, поелику нам предлежит исследовать состав мира и рассмотреть вселенную не по началам мирской мудрости, но как научил сему служителя Своего Бог, глаголавший с ним яве, *а не гаданием* (Чис. 12, 8), то совершенно необходимо, чтобы любители великих зрелищ имели ум не необученный к уразумению предлагаемого нам. Итак, если ты когда-нибудь, среди ясной ночи смотря на несказанную красоту звезд, составлял себе понятие о Художнике всяческих, Кто Сей испестривший небо сими цветами, и почему в видимом мире более необходимого, нежели приятного. И опять, если во время дня трезвенным разумом изучал ты дивные чудеса, то пришел ты сюда готовым слушателем, достойным того, чтобы восполнить собою сие честное и блаженное позорище.

Приступите же! Как в городах берут за руку и всюду водят людей, в них не бывавших, так и я введу вас в сокровенные чудеса сего великого града. А в этом граде, в котором древнее наше отечество, и из которого изгнал нас человекоубийца-демон, поработивший человека своими приманками, — в этом граде увидишь ты первое бытие человека и вскоре постигшую нас смерть, которую породил грех — этот первородный плод начальника зла — демона. Здесь познаешь и себя самого, земного по природе, но дело Божиих рук, много уступающего бессловесным в силе, но поставленного властелином над бессловесными и неодушевленными тварями, умаленного в том, чем снабдила природа, но по превосходству разума способного возноситься в самое небо. Если сие изучим, то познаем себя самих, уведаем Бога, поклонимся Творцу, поработаем Владыке, прославим Отца, возлюбим нашего Питателя, почтим Благодетеля, не престанем поклоняться Началовождю нашей, и настоящей и будущей, жизни, — Тому, Который дарованным уже богатством удостоверяет и в обетованных благах, и по изведании нами настоящего делает для нас несомненным ожидаемое. Ибо если временное таково, то каково же вечное? И если видимое так прекрасно, то каково невидимое? Если величие неба превосходит меру человеческого разума, то какой ум возможет исследовать природу Присносущего? Если сие подлежащее разрушению солнце так прекрасно, так велико, так быстро в своем движении и совершает чинные обращения, имеет величину соразмерную вселенной, и не выступает из своих отношений к целому, а по красоте своего естества составляет как бы светлое око, украшающее собою тварь, и если им не насыщается зрение, то каково по красоте Солнце правды? Если не видеть сего солнца — большая потеря для слепого, то какая утрата для грешника быть лишенным истинного Света?

И рече Бог: да будут светила на тверди небесней, освещати землю, и разлучати между днем, и между ночью (Быт. 1, 14). Всему предшествовали небо и земля, после них сотворен свет, различены ночь и день, потом опять твердь и явление суши, потом вода совокуплена в постоянное и определенное собрание, земля наполнилась собственными порождениями, произрастив бесчисленные роды трав и обогатившись растениями всякого рода. Но солнца и луны еще не было, дабы не ведущие Бога не именовали солнца начальником и отцом света, и не почитали его зиждителем земных произрастений. Посему настал четвертый день, и тогда *рече Бог: да будут светила на тверди небесней*.

Как скоро слышишь о Говорящем, присоединяй немедленно в мысли и Внемлющего: *Рече Бог: да будут светила. И сотвори Бог два светила* (Быт. 1, 16). Кто сказал, и Кто сотворил? Не проразумеаешь ли в сем двойственности Лиц? Везде с повествованием таинственно всеян и сей догмат Богословия.

Указывается и потребность, по которой сотворены светила. Сказано: *освещати землю*. Если сотворение света предшествовало, то почему говорится, что и солнце теперь сотворено также *освещати*? Во-первых, да не возбуждает в тебе ни малого смеха своеобразность речения, если мы не следуем вашей разборчивости в словах, и не стараемся о стройности их сочинения. У нас нет ваятелей слова, и везде предпочитается не благозвучие речений, но ясность именований. Итак смотри, не достаточно ли Моисей словом: *освещати*, выразил то, что хотел? Ибо он сказал: *освещати*, вместо: быть светлым. Но сие ни мало не противоречит сказанному уже о свете. Тогда произведено было самое естество света, а теперь готовится это солнечное тело, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свету. Иное есть огонь, а иное — светильник, один имеет силу издавать свет, а другой устроен светить, кому нужно. Так и оному чистейшему, ясному и невещественному свету устроится теперь колесница, то есть светила. Как Апостол говорит о некоторых *светилах мира* (Фил. 2, 15), но иное есть истинный Свет мира, чрез причастие Которого святые соделались светилами для душ, ими наставленных и освобожденных от тьмы неведения, так и Зиждитель всяческих возжег теперь в мире сие солнце, наполнив его этим светозарнейшим светом.

И никому да не кажется невероятным утверждаемое, что иное есть блистательность света, а иное — тело, в котором находится свет. Во-первых, видно сие из того, что все сложное делится у нас таким же образом на вмещающую сущность и на приданное ей качество. Посему как по природе иное есть белизна, а иное — тело выбеленное, так и теперь упоминаемые [1], будучи различны по природе, соединены силою Творца. И не говори, что нельзя отделить их друг от друга. Я и не утверждаю, чтобы для меня или для тебя было возможно отделение света от солнечного тела, но говорю только, что представляющееся нам раздельным в мыслях может быть и в самой действительности разделено Творцом их природы. Тебе не возможно отделить пополюющую силу огня от светозарности, но Бог, желая обратить внимание Своего служителя чудным видением, вложил в купину огонь, в котором действовала одна светозарность, а сила жечь пребывала в покое. Так и Псалмопевец свидетельствует, говоря: *глас Господа пресецающаго пламень огня* (Пс. 28, 7). От сего и о воздаянии за дела жизни нашей некоторое учение втайне преподает нам, что естество огня будет разделено, и свет предоставлен в наслаждение праведным, а мучительность жжения назначена наказываемым.

А потом удостоверение в исследуемом можно нам находить и в видоизменениях луны. Ибо когда она исходит и убывает, тогда не тело ее совершенно истребляется, но представляет она нам явления уменьшения и возрастания тем, что слагает с себя и опять восприимлет облекающий ее свет. А что самое тело луны при ее исходе не уничтожается, ясным тому свидетельством служит видимое. Ибо в чистом и свободном от всякого

тумана воздухе, даже когда луна имеет вид самого тонкого серпа, можно тебе, всмотревшись, увидеть несветлую и не освещенную ее часть, описанную такою же дугою, какая очерчивает целую луну во время полнолуния, так что ясно усматривается полный круг, если зрение сводит вместе с освещенною частью и ту, которая помрачена и темна. И не представляй мне, что свет луны заимствованный, потому что она ущербает, приближаясь к солнцу, и опять возрастает, удаляясь от него. Не сие подлежит нашему исследованию в настоящем случае, но то, что иное есть тело луны, а иное — освещающее. Подобное же нечто представляй и о солнце, кроме того, что оно, однажды прияв свет и имея его растворенным в себе, не отлагает света. Но луна, постоянно как бы совлекающаяся света и опять в него облекающаяся, удостоверяет собою и в сказанном о солнце. Сим светилам поведено *разлучати между днем и между ночью*. И выше *разлучи Бог между светом и между тмою*, но тогда природу их привел Он в противоположность, чтобы они не смешивались между собою, и у света не было ни какого общения со тьмою. Ибо что днем есть тень, то (надобно представлять себе) ночью составляет природу тьмы. Если всякая тень от тел, освещенных каким-нибудь лучом, падает со стороны противоположной свету, и утром простирается к западу, вечером склоняется к востоку, а в полдень бывает северною, то и ночь отступает в сторону противоположную лучам, будучи по природе своей не что иное, как земная тень. Как днем тень неразлучна с преграждающим луч, так и ночь обыкновенно происходит, когда воздух около земли затенен. И сие значит сказанное: *разлучи Бог между светом и между тмою*, ибо тьма убегает вторжений света, вследствие того естественного побуждения чуждаться друг друга, какое вложено в них при первом сотворении. А теперь Бог повелел солнцу измерять день, и луну, когда она бывает в полном своем круге, сделал предводительницею ночи. Ибо тогда светила бывают почти диаметрально противоположны друг другу, потому что во время полнолуний, как с восхождением солнца луна переходит в невидимую часть неба, так опять, при заходе солнца, она большею частью восходит на востоке. Если же при других видах луны свет ее не вместе с ночью появляется, то сие не относится сюда. По крайней мере луна, когда бывает полна, начинает собою ночь, светом своим превосходя звезды и освещая землю, и также наравне с солнцем определяет меры времени.

И да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета (Быт. 1, 14). Для человеческой жизни необходимы указания светил. И если кто не чрез меру многого ищет в их знамениях, то при долговременном наблюдении найдет полезные приметы. Многое можно узнавать об изобилии дождя, многое о засухе и о движении ветров, или местных или повсюдных, сильных или легких. Одно из указаний солнца предал нам и Господь, говоря: *зима будет, дряселует бо чермнуясь небо* (Мф. 16, 3). Когда солнце поднимается сквозь туман, тогда лучи его помрачаются, и оно кажется огненного и кровавого цвета, потому что густота воздуха производит в глазах такое представление. Но сгущенный и отстоявшийся воздух, которого не рассеяли и солнечные лучи, очевидно, не мог быть ими преодолен по причине избытка земных паров, и по множеству влаги произведет ненастье в тех странах, где он собирается. Подобным образом, когда луна кажется увлажненною, или когда солнце окружают так называемые венцы, сие служит признаком или множества воздушной воды, или движения сильных ветров. Или когда вместе с солнцем идут так называемые побочные солнца, они бывают знаком каких-нибудь воздушных перемен. А также столпы радужного цвета, являющиеся на облаках в прямом положении, показывают дожди или жестокие бури, или вообще большой переворот в воздухе. И в луне возрастающей или убывающей упражнявшиеся в этом заметили многие признаки, а именно, что вместе с ее видоизменениями необходимо изменяется и окружающий землю воздух. Если трехдневная луна тонка и чиста, то предвещает постоянную ясную погоду, а если она представляется с толстыми рогами и красноватою, то угрожает или обилием воды из облаков, или сильным южным ветром. Кто же не знает, сколько полезного

доставляется такими указаниями? Пловец, предусматривая опасности от ветров, может удержать ладью свою в пристани. Путешественник, по мрачности воздуха ожидающий перемены, заранее может уклониться от вреда. А земледельцы, занимающиеся посевами и хождением за растениями, отсюда заключают о благовременности всякого дела. Господь же предсказал, что в солнце, луне и звездах явятся даже знамения разрушения вселенной. Солнце обратится в кровь, и *луна не даст света своего* (Мф. 24, 29; Иоил. 2, 31). Таковы знамения скончания вселенной!

Но преступающие границы обращают слова Моисеевы в защищение науки о днях рождения, и говорят, что жизнь наша зависит от движения небесных тел, а на сем основании у Халдеев сделаны по звездам указания, чему должно с нами случиться. И это простое выражение Писания: *да будут в знамения*, по усмотрению своему, разумеют они не о состояниях воздуха, и не о переменах годовых времен, но о жребиях жизни. Ибо что говорят? Стечение известных движущихся звезд с звездами находящимися на зодиаке, когда они, сошедшись между собою, составляют известную фигуру, производит определенные рождения, а иное расположение звезд доставляет противоположный жребий жизни.

О сем не бесполезно, может быть, рассудить, начав, для ясности, несколько выше. Но скажу не что-либо собственное свое, а воспользуюсь к обличению их собственными их словами, чтобы зараженным таким недугом доставить некоторое врачевание и прочих предостеречь от падения в подобные заблуждения.

Изобретатели этой науки о днях рождения, приметив, что в продолжительные части времени ускользают от них многие фигуры, заключили меры времени в возможно тесные пределы, потому что в самое малое и краткое время, и как выражается Апостол, *вскоре, во мгновении ока* (1 Кор. 15, 52), бывает величайшая разность между рождением и рождением. И родившийся в сию точку времени будет обладателем городов, князем народов, станет изобиловать богатством и властвовать, а родившийся в другое мгновение времени будет попрошайкою и нищим, и ради насущного пропитания станет ходить от дверей к дверям. Посему, разделив на двенадцать частей, так называемый, зодиакальный круг, поелику солнце сию двенадцатую часть, так называемой, неподвижной сферы проходит в тридцать дней, каждую двенадцатую часть разделили они на тридцать частей. Потом, каждую таковую часть подразделив на шесть-десять частей, каждую из шестидесятих рассекли опять на шестьдесят.

Итак, предполагая, что для родившихся есть известные положения неба, посмотрим, возмогут ли они соблюсти такую точность в разделении времени. Как скоро родился младенец, бабка начинает рассматривать, мужского или женского пола родившийся, а потом дожидается крика, который бы служил признаком жизни в новорожденном. Сколько шестидесятих долей протечет в это время! Вот объявила она Халдею о новорожденном. Сколько надобно положить мельчайших частей на пересказ бабки, особливо, если случится, что замечающий час стоял вне женского отделения в доме? Ибо тому, кто хочет рассмотреть гороскоп, надобно с точностью описать час, будет ли это дневное, или ночное время. Какое же множество шестидесятих долей протечет еще в это время? Рассматривающему гороскоп надобно найти о звездах не только в какой они из двенадцатых частей, но и в какой доле двенадцатой части и в какой шестидесятой доле из тех, на которые, по сказанному, разделена каждая из первых долей, или, чтобы дойти до точности, в какой шестидесятой из тех, на которые подразделяются первые шестидесятые. И такое столько дробное и неуловимое вычисление времени, говорят они, надобно сделать для каждой из планет, чтобы найти, какое положение имели они в рассуждении неподвижных звезд и какую фигуру составляли из себя взятые в

совокупности звезды во мгновение рождения младенца. Посему если не возможно с точностью определить время, а замена одной кратчайшей доли другою делает погрешительным все, то смешны те, которые трудятся над этою несостоятельною наукою и с разверстым ртом углубляются в себя, как будто могут узнать, что с ними будет.

Каковы же и выводы? Говорят: этот будет кудряв волосом и с голубыми глазами, потому что родился в час Овна, и таково по виду сие животное. Но он будет и человек великого духа, потому что овен имеет в себе владычественное, а также щедр и промышлен, потому что животное сие без огорчения слагает с себя волну, и удобно облекается в новую, по действию природы. А родившийся в Тельце, говорят они, будет терпелив в трудах и раболепен, потому что телец носит ярмо. Родившийся в Скорпионе охотник до драк, по подобию с сим животным. Родившийся же в Весах правдив, по причине верности наших весов.

Что же может быть смешнее сего? Овен, от которого берешь ты время рождения человека, есть одна из двенадцатых частей неба, в которой находящееся солнце касается весенних знаков. А также Весы и Телец суть двенадцатые части, так называемого, зодиакального круга. Как же, говоря, что там находятся главные причины человеческой жизни, даешь человеческим нравам отличительные признаки взятые от скотов, родящихся у нас? Родившийся в Овне щедр, не потому что такой нрав производит та часть неба, но потому что таково свойство овцы. Для чего же страшась нас достоверностью звезд, и стараешься уверить блеяньем овец? Если небо имеет такие свойства нравов, заимствовав их у животных, то и оно само подлежит посторонним началам, как имеющее причины зависимые от скотов. Но если смешно говорить таким образом, то гораздо смешнее усилие придавать достоверность учению от вещей, между которыми ничего нет общего. Но такие их мудрования подобны паутинным тканям, в которых если увязает комар или муха, или что-нибудь столько же бессильное, то остается связанным, но если приближается к ним другое сильнейшее животное, то удобно освобождается, и слабую паутину разрывает и уничтожает.

Но они не останавливаются на сем одном, а приписывают небесным телам причину и того, в чем властно произволение каждого из нас, то есть причину расположений к добродетели или к пороку. С одной стороны смешно оспаривать их, а с другой, поелику многие заражены сим заблуждением, может быть, необходимость требует не оставлять сего и в молчании.

Итак прежде всего спросим у них: не каждый ли день тысячекратно изменяются фигуры из звезд? Ибо, так называемые, планеты непрестанно движутся, и одни скорее друг с другом сходятся, а другие совершают медлительнейшие обращения, часто бывают в один и тот же час и в виду одна у другой и скрыты друг от друга. А в минуту рождения, как они говорят, весьма великую имеет силу — быть в виду у благотворной или у злотворной звезды. И нередко, по незнанию одной самонаименьшей доли, не найдя времени, по которому звезда показывала себя благотворною, описывали ее, как состоящую в числе неблагополучных. Ибо я вынужден употреблять собственные их речения.

Но в словах сих конечно много неразумного, а гораздо больше нечестивого. Ибо злотворные звезды причину своей злотворности переносят на Творца своего. Если зло им естественно, то Создатель — творец зла. А если они делаются злыми по произволению, то, во-первых, они суть живые существа, одаренный произволом, предающиеся непринужденным и свободным стремлениям. Утверждать же сие о вещах неодушевленных есть верх безумия. Потом сколько несообразно с разумом, чтобы зло и добро уделялось каждому не по достоинству, но чтобы звезда была благотворною, потому

что находится в таком-то месте. и чтобы она же делалась злотворною, потому что усматривается под такою-то звездою, и опять тотчас забывала свою злокачественность, если несколько уклонилась от известной фигуры! И о сем довольно.

Если же в каждое мгновение времени взаимное положение звезд из одного вида превращается в другой, а при бесчисленности таковых перемен, не один раз в день составляются очертания, показывающие рождение царей, то почему не каждый день родятся цари? Или почему достается им царство по наследству от отцов? Ибо, конечно, не всякий царь тщательно соображает рождение своего сына с царственным очертанием звезд? Да и какой человек властен в этом? Как Озия родил Иоафама, Иоафам Ахаза, Ахаз Езекию? И ни одному из них не случилось родиться в час рабский?

Сверх того, если начала поступков порочных и добродетельных не от нас зависят, но необходимы вследствие рождения, то напрасно есть законодатели, определяющие, что нам делать, и чего убегать, напрасно есть и судии, награждающие добродетель и наказывающие порок. Ни вор, ни убийца не виновны в преступлении, ему, если бы и хотел, невозможно было удержать руки, потому что к сим поступкам неизбежно побуждала его необходимость. А всех (более обманываются трудящиеся над искусствами. Напротив того, земледelec соберет обильные плоды, и семян не бросая в землю, и не точа косы, а купец обогатится, хочет ли того, или нет, потому что судьба соберет ему кучи денег. Великие же надежды христиан обратятся в нас в ничто, потому что ни праведность не будет почтена, ни грех осужден, так как люди ничего не делают по собственному произволу. Ибо где господствуют необходимость и судьба, там не имеет ни какого места воздаяние по достоинству, что и составляет преимущество правосудия.

Довольно сказано держащимся сего заблуждения. Ибо вы не имеете нужды в большем числе доводов, будучи здравы сами по себе, а время не позволяет распространяться сверх меры и с ними. Возвратимся же к последующим словам Писания.

Сказано: *да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета.* О знамениях у нас говорено, а под временами, как полагаем, разумеются перемены годовых времен: зимы, весны, лета и осени, которые возвращаются у нас в неперменном порядке, вследствие установленного движения светил. Ибо зима бывает, когда солнце замедляет в южных частях, и в наших местах производит длинное ночное помрачение, отчего охлаждается окружающий землю воздух, и все влажные испарения, собравшиеся около нас, делаются причиною дождей, стужи и обильного снега. Когда же солнце, возвратившись опять из полуденных стран, достигает середины, так что делит время между ночью и днем поровну, тогда, чем более замедляет оно над каким-либо местом на земле, тем большее в каждом производит благорастворение. И наступает весна, виновница прозябения во всех растениях, доставляющая оживление большей части деревьев, и чрез преемство рождающихся поддерживающая роды всех животных, живущих на суше и воде. Отсюда уже солнце, переходя на самый север к летним поворотам, производит у нас самые долгие дни, а тем, что наибольшее время действует на воздух, как распяляет самый воздух, находящийся у нас над головою, так иссушает и землю, способствуя чрез то семенам созреть и побуждая древесные плоды приходить в спелость. Тогда и самое солнце наиболее опалает, и тени в полдень делает короткими, потому что осиявает наши страны с высоты. Ибо те дни бывают должайшие, в которые имеют место самые короткие тени, и опять, те дни кратчайшие, в которые имеем самые длинные тени. И сие бывает у нас, называемых *однотенными* и населяющих северную часть земли. Ибо из живущих на полдень есть такие, что у них по два дня в продолжение целого года совершенно не бывает тени. Солнце, сияя у них над головою, равно освещает со всех сторон, так что и в глубине колодцев вода освещается чрез узкие отверстия. От сего называют их и

безтенными. А живущие далее страны изобильной ароматами имеют тени попеременно в ту и другую сторону. Ибо они, одни в обитаемой нами вселенной, в полдень отбрасывают тень к югу, отчего некоторые называют их и *круготенными*. Все же сие бывает, когда солнце переходит уже в северную часть. А из сего можно заключать, какое разгорячение в воздухе бывает от солнечного луча, и какие производятся сим явления. Наступающее у нас за сим осеннее время года ослабляет излишний жар, и постепенно уменьшая теплоту посредственностью растворения, безвредно вводит нас за собою в зиму, между тем как солнце из северных стран переходит опять в южные. Сии-то круговращения годовых времен, следующие за движениями солнца, распоряжают и нашу жизнь.

Но *да будут*, сказано, *и во дни*, не для того, чтобы производить дни, но чтобы начальствовать над днями. Ибо день и ночь были до сотворения светил. Это показывает нам и Псалом, говоря: поставил *солнце во область дне, луну и звезды во область ночи* (Пс. 135, 8, 9). Как же солнце имеет власть над днем? Оно носит в себе свет, и как скоро восходит над нашим горизонтом, рассеив тьму, доставляет нам день. Посему не погрешит, кто даст такое определение дню: это есть воздух, освещенный солнцем, или: день есть мера времени, в которую солнце пребывает в полушарии над землею.

Но солнцу и луне повелено быть также *и в лета*. Луна, совершив двенадцатикратное свое течение, исполняет год, кроме случаев, в которых для точного совпадения годовых времен бывает нередко нужен дополнительный месяц. Так измеряли год в Ветхом Завете Евреи и древнейшие из Эллинов. Солнечный же год есть возвращение солнца, вследствие собственного его движения, из известного знака в тот же самый знак.

И сотвори Бог два светила великая (Быт. 1, 16). Слово *великий* имеет иногда отрешенный смысл, например, великое небо, великая земля, великое море, а во многих случаях употребляется сравнительно с другим. Например, великий конь и великий вол, ибо подобные сим вещи свидетельство о своей величине заимствуют не от чрезмерной громадности тела, но от сравнения с чем-либо подобным. Посему в каком смысле возьмем здесь великое? В таковом ли же, в каком муравья, или иное что по природе малое, называем великим, свидетельствуя о превосходстве по сличению с однородным? Или возьмем теперь великое так, что величина оказывается в собственном устройстве светил? Я полагаю последнее. Светила сии велики не потому, что они больше меньших звезд, но потому что имеют объем достаточный к тому, чтобы изливаемыми из них лучами осиявать небо и воздух, и вдруг распространяться по всей земле и морю. В какой части неба ни бывают они, восходят ли и заходят, или занимают средину неба, отовсюду представляются людям равными, а сие служит ясным доказательством чрезмерной их величины, пред которою широта земли ничего не значит и не может сделать, чтобы они показались большими или меньшими. Ибо предметы далеко отстоящие видим несколько меньшими, и чем более к ним приближаемся, тем большею находим величину их. Но в рассуждении солнца никто ни ближе, ни дальше, а напротив того, обитателям всех частей земли представляется оно в равном расстоянии. Доказательством же сему то, что и Инды и Британцы видят его равным. Ибо для живущих на востоке не убывает оно в величине по захождении, и живущим на западе не кажется меньшим при восхождении, и, находясь в средине неба, не переменил своего вида для тех или других.

Ты не обманывайся видимостью и из того, что солнце для смотрящих представляется величиною в локоть, не заключай, что такова действительная его величина. Ибо на больших расстояниях величина видимых предметов обыкновенно сокращается, потому что сила зрения оказывается недостаточною пробежать разделяющее пространство, но как бы поглощается средою, и только малою своею частью приражается к видимым предметам. Посему зрение наше, сделавшись малым, заставляет почитать

малыми и видимые предметы, перенося на них собственный свой недостаток. А если зрение обманывается, то и суд его неверен. Припомни о собственных своих ошибках, и сам в себе будешь иметь подтверждение сказанного. Если ты сматривал когда-нибудь с вершины высокой горы на обширную и низкую равнину; какими представлялись тебе пары запряженных волов? Каковы были сами земледельцы? Не казались ли они тебе в виде муравьев? И если с башни, обращенной к великому морю, простирал ты взоры вдоль морской поверхности, как великими почитал ты самые большие острова? И каким казался тебе один из грузных кораблей на белых парусах плывущий по лазоревому морю? Не представлялся ли он тебе по виду менее всякого голубя? Посему, как сказал я, поглощаемое воздухом зрение, сделавшись слабым, недостаточно к точному представлению видимых предметов. Так и величайшие из гор, прорезанных глубокими пропастями, зрение признает повсюду выпуклыми и гладкими, потому что приражается к одним выдавшимся местам, а в находящиеся между ними впадины по слабости своей проникать не может. Посему и очертания тел не сохраняет зрение таким, каково оно действительно, а напротив того четырехугольные башни почитает круглыми. Таким образом из всего видно, что зрение на весьма больших расстояниях получает представление о телах не совершенное, но слитное. А следственно небесное светило, согласно с свидетельством Писания, *велико*, и до бесконечности больше, нежели каким представляется.

Но ясным также признаком величины солнечной может служить для тебя и следующее. Хотя звезд на небе бесчисленное множество, однако же совокупного их света недостаточно к тому, чтобы рассеять сумрачность ночи. Но одно солнце, явившееся на горизонте или даже только еще ожидаемое, не успеет стать совершенно над землею, как уже и тьма исчезла, и звезды им помрачены, и воздух, дотоле сгущенный и сжатый около земли, разжижается и делается текучим. От сего бывают утренние ветры, и росы увлажняют землю в ясную погоду. Но при такой величине земли, как могло бы солнце в одно мгновение времени осветить всю ее, если бы не из великого круга посылало лучи свои? Из сего познай премудрость Художника, Который солнцу дал теплоту соразмерную такому расстоянию. Жар солнца таков, что не пожигает земли чрезмерностью и не оставляет ее по причине недостатка жара охлажденной и бесплодной.

И о луне представляй нечто подобное сказанному о солнце. И ее тело велико и после солнца самое светлое. Впрочем, величина ее не всегда пребывает видимою, а, напротив того, является то полною в виде круга, то не достигающею до полного круга и уменьшенною, показывающею остаток той или другой своей части. Ибо луна одною своего частью помрачается, когда возрастает, а другая ее часть закрывается во время ущерба. И премудрый Создатель имел какую-нибудь тайную причину сего разнообразного изменения видов луны.

Может быть, нам хотел Он дать явственный образец нашего естества, что ничто человеческое не постоянно, но иное из небытия приходит в совершенство, а другое, достигнув своей зрелости и возросши до наибольшей своей меры, чрез постепенные убавления истощается и утрачивается, и, уменьшаясь, истребляется. Посему, взирая на луну, можем познать самих себя и, составив себе понятие о скорой превратности всего человеческого, не думать высоко о благоденствии жизни, не восхищаться своим могуществом, не превозноситься неверным богатством, презирать плоть, которой свойственна изменяемость, иметь же попечение о душе, которой благо непоколебимо. Если тебя огорчает луна, при постепенных уменьшениях теряющая свет, то пусть еще более огорчает тебя душа, которая стяжала добродетель и по нерадению обращает в ничто свою доброту, никогда не остается в том же расположении, но по неосновательности

мыслей непрестанно обращается туда и сюда и изменяется. Ибо действительно, по сказанному, *безумный яко луна изменяется* (Сир. 27, 11).

Но думаю, что лунные перемены имеют не малое влияние на устройство животных и на прочие земные произведения. Ибо иное состояние тел, когда луна убывает, и иное, когда она возрастает. То с ущербом луны делаются они тонки и тощи, то при возрастании луны и приближении ее к полноте тела опять полнеют, потому что луна неприметным образом сообщает им какую-то влажность, растворенную с теплотою и проникающую во внутренность. Доказывают же сие те, которые спят на лунном свете, и у которых головные пустоты наполняются излишнею влагой, а также мяса недавно убитых животных, которые от падения на них лунных лучей скоро портятся, и еще мозги животных, влажность животных морских и сердцевины деревьев. Но всего этого луна не могла бы изменять вместе с своим изменением, если бы в ней, согласно с свидетельством Писания, не было чего-то особенного и превосходного по силе.

Но и видоизменения в воздухе бывают согласны с переменами луны, как свидетельствуют нередко после тихой и ясной погоды случающиеся у нас при новолунии бури от движения и взаимного столкновения облаков, также обратные течения еврипов, прилив и отлив в так называемом океане, по замечанию прибрежных жителей в точности следующий времени лунных кругообращений. Ибо еврипы при прочих видах луны текут в ту и другую сторону, а во время рождения ни на минуту не остаются в покое, но находятся в волнении и непрестанном колебании, пока луна, сделавшись опять видимою, не введет некоторой последовательности в обратных течениях. А западное море подвержено отливам и приливам, то убывая, то опять прибывая, как будто бы луна своими выдыханиями отвлекает его назад, и опять своими же выдыханиями гонит до свойственной ему высоты.

Сие сказано мною в доказательство величины светил и в подтверждение, что в богодухновенных словах нет ничего напрасно сказанного даже и до единого слова, хотя наше слово и не коснулось почти ничего главного. Ибо о величинах и расстояниях солнца и луны можно многое найти посредством умозаключений, если кто не поверхностно рассмотрит их действия и силы. И нам должно искренно признаться в своей немощи, чтобы кто не стал нашим словом измерять величайших созданий, а, напротив того, из немногого нами сказанного сам вывел заключение о том, сколь многое нами опущено, и как оно важно.

Посему измеряй луну не глазом, но рассудком, который при открытии истины гораздо вернее глаз. Повсюду распространились смешные какие-то басни — бред пьяных старух, будто бы луна, сдвинутая с своего основания какими-то чародействами, низводится на землю. Каким же образом наговоры чародеев подвигнут ту, которую основал Сам Вышний? Да и где поместится она сведенная с неба?

Хочешь ли из малых признаков заимствовать доказательство об ее величине? Города, наиболее отстоящие один от другого во вселенной, все равно принимают лунный свет на стогны свои, обращенные к востоку. Но если бы луна не была всем прямо противоположна, то она, без сомнения, освящала бы узкие улицы, на одной прямой с нею лежащие, а в улицы, выходящие из ее широты, бросала бы наклоненные лучи, идущие наискось. Это можно видеть на светильниках, зажигаемых в домах. Когда около светильника стоят многие, тень стоящего на одной с ним прямой лежит прямо, а прочие тени уклоняются в ту или другую сторону. Посему если бы лунное тело не было огромно и не имело превосходной величины, то не находилось бы одинаково против всех. Ибо когда луна восходит в местах равноденственных, одинаково видят ее живущие в

холодном поясе под кругом Медведицы и жители жаркого пояса, вдавшегося на полдень. Ко всем им обращена она прямо своею широтою, и тем дает самое ясное свидетельство о своей величине. Кто же будет еще спорить, что тело ее весьма велико, как равняющееся вдруг столь многим предметам и на таких больших расстояниях? И сего довольно о величине солнца и луны.

Но Даровавший нам разумение, чтобы и из малейших творений познавать великую мудрость Художника, да подаст силы из великих тварей приобрести еще большие понятия о Творце, хотя в сравнении с Создателем и солнце, и луна не более муравья и мошки. Ибо из них нельзя заимствовать такого умозрения, которое было бы достойно величия Бога всяческих, но могут они возводить нас только к малым некоторым и неясным представлениям, равно как и каждое из самых малых животных или былий. Удовольствуемся сказанным, и возблагодарим — я Даровавшего мне сие малое служение слова, а вы — Питающего духовными брашнами. Он и ныне наплатил вас малоценностью моей речи, как бы ячменным каким хлебом, и да питает всегда, по мере веры подавая вам *явление Духа* (1 Кор. 12, 7), о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Свет и светлое тело.

Беседа 7

О пресмыкающихся.

И рече Бог: да изведут воды гады душ живых по роду, и птицы летающая по тверди небесней, по роду (Быт. 1, 20). По сотворении светил наполняются и воды животными, чтобы и эта область была украшена. Земля получила уже украшение в свойственных ей произрастениях, и небо имело также цветы свои — звезды, и, как бы два ока, украшала его чета великих светил, оставалось и водам дать приличное украшение. Вышло повелите; и тотчас реки производят, и озера рожают свойственные себе и естественные породы, и море чревоболезнует всякого вида плавающими животными. Где только ни была вода, в болотах и тинистых местах, — она не остается бездейственной и не участвующей в размножении тварей. Ибо нет сомнения, что из воды воскипели жабы, мошки и комары. Видимое ныне служит доказательством и прошедшего. Так, всякая вода спешила исполнить повеление Зиждителя, деятельная и самодвижная жизнь тварей, которых породы даже неисчислимы, немедленно явлена великою и неизреченною Божией силой, потому что повелением Божиим сообщена водам способность живорождать.

Да изведут воды гады душ живых. Теперь в первый раз создается животное одушевленное и одаренное чувством. Ибо растения и деревья, хотя им приписывается жизнь, как имеющим питательную и растительную силу, еще не животные и не одушевленные твари. Для сего-то *да изведут воды гады*. Все плавающее, плавает ли по поверхности вод, или рассекает водные глубины, принадлежит к природе пресмыкающихся, потому что влачит тело по воде. Хотя некоторые из водяных животных имеют ноги и могут ходить (особенно таковы многие из водоземных, как-то: тюлени, крокодилы, бегемоты, жабы и раки), но им свойственнее плавать. Посему *да изведут воды гады*. Какая порода опущена в сих немногих словах? Что не включается в этом зиждительном повелении? Не включаются ли живородящие, каковы: тюлени, дельфины,

гньюси и подобные им так называемые хрящеватые рыбы? Не включаются ли мечущие икру, каковы почти все породы рыб твердочешуйных и мягкочешуйных, снабженных перьями и не снабженных ими? Глас повеления краток, или лучше сказать, это не глас, а только мановение и устремление воли, но мысль, заключающаяся в повелении, столько же многообъемлюща, сколько есть различий и сходств у рыб, которых всех описать подробно то же значит, что и счесть морские волны или попытаться ладонью вымерять воду в море.

Да изведут воды гады. В числе их находятся и морские, и прибрежные, и водящиеся в глубинах, и живущие на камнях, плавающие стадами и по одиночке, киты, огромный и мелкие рыбы. От той же силы, от одинакового повеления получает бытие и великое, и малое.

Да изведут воды. Сим показано тебе, что плавающие животные имеют естественное сродство с водою, почему рыбы, не надолго разлученные с водою, умирают, ибо не имеют дыхания, чтобы втягивать в себя этот воздух. Но что для земных животных — воздух, то для породы плавающих — вода. Причина сему очевидна. В нас есть легкое, наполненное пустотами и скважинами, и грудобрюшная, которая, чрез расширение груди принимая в себя воздух, проветривает и прохлаждает внутренний жар, а у них расширение и сжатие жабер, принимающих и выпускающих воду, заступает место дыхания. У рыб собственное свое назначение, собственная своя природа, отдельная пища, своеобразная жизнь. Поэтому ни одно из плавающих животных не может сделаться ручным и вообще терпеть прикосновения руки человеческой.

Да изведут воды гады души живых по роду. Теперь повелевает произойти начаткам каждой породы, и как бы некоторым семенам естества, а множество живых тварей сокрыто в последующем преемстве, когда нужно им будет расти и множиться. К иному роду принадлежат, так называемые, черепокожные, например: раковины, гребенки, морские улитки, веретенки, и тысячи разнообразных устриц. Иной опять кроме сего род составляют так именуемые мягко-черепные: крабы, раки и тому подобное. К иному сверх сего роду принадлежат, так названные, слизняки, имеющие плоть мягкую и губчатую: полипы, каракатицы, и им подобные. И между сими опять есть бесчисленные различия, ибо драконы, мурены, угри, которые водятся в илистых реках и озерах, по сходству природы своей, приближаются более к ядовитым пресмыкающимся, нежели к рыбам. Иной род мечущих икру, и иной — живородящих. Живых детей рожают выюны и мокрицы, и вообще животные, так называемые, хрящеватые. Живородящие суть: большая часть китов, дельфины и тюлени, о которых рассказывают, что они новорожденных детей своих, чем-нибудь испуганных, приняв опять в чрево, прячут там. *Да изведут воды по роду.* Иной род составляют киты, и иной — мелкие рыбы. И опять, между рыбами есть бесчисленные разности, различаемые по родам. У них и имена свои, и пища несходная, и наружность, и величина, и качества плоти — все разделено между собою, имеет весьма великие разности и относится к различным видам. Кто из наблюдавших свойства рыб в состоянии перечислить нам разности пород? Хотя они говорят о себе, что в великих стадах рыб могут определять даже число, однако же кто из состарившихся на взморьях и берегах может рассказать нам подробную историю всех рыб? Иные породы известны рыболовам Индийского моря, иные — рыбным промышленникам Египетского залива, иные — островитянам, иные — Маврузиям[1]. Но все, и малое и великое, одинаково произведено оным первым повелением, оною неизреченною силою. Много несходств в образе жизни, много разностей и в расположении каждой породы. Большая часть рыб не насиживают яиц, как птицы, не выют гнезд, не вскармливают с трудом детей своих, но вода, приняв выметанную икру, производить из нее животное. И у каждой породы способ размножения неизменен и бывает без смешения с другою природою. Невозможно такое же размножение рыб, как распложаются лошаки на суше, или невозможны такие же

совокупления, какие бывают у некоторых птиц, производящих от себя смешанные породы. Между рыбами нет вооруженных зубами в половину, как у нас вол и овца. Ибо ни одна из них не имеет жвания, исключая разве скара, о котором сие рассказывают. Но все рыбы снабжены весьма частыми и острыми зубами, чтобы пища при продолжительном жевании не растекалась, ибо, если бы не скоро была раздробляема и передаваема чреву, то во время самого измельчения могла бы уносима быть водою.

Пища же различным рыбам определена различная, по роду каждой. Одни питаются илом, другие поростами, иные довольствуются травами, растущими в воде, большая же часть пожирают друг друга, и меньшая из них служит пищею большей. Иногда случается, что овладевшая меньшею себя делается добычею другой, и обе переходят в одно чрево последней? Что же иное делаем и мы люди, угнетая низших? Чем различается от сей последней рыбы, кто по ненасытому богатолюбию во всепоглощающие недра своего лихоимства сокрывает бессильных? Он овладел достоянием нищего, а ты, уловив его самого, сделал частью своего стяжания. Ты оказался несправедливее несправедливых и любостязательнее любостязательного. Смотри, чтобы и тебя не постиг одинаковый конец с рыбами — уда, верша или сеть. Без сомнения же и мы, совершив много неправд, не избегнем последнего наказания.

Примечая уже и в слабом животном много хитрости и лукавства, желаю, чтобы ты избегал подражания делающим зло. Рак жаден до мяса устрицы, но ему трудно поймать эту добычу, у которой оболочкою череп. Ибо сама природа несокрушимым оплотом обезопасила нежную плоть устрицы, почему и называется она черепокожною. И поелику две вогнутые раковины, плотно прилаженные одна к другой, совершенно закрывают устрицу, то клещи рака по необходимости остаются недействительными. Что же он делает? Как скоро видит, что устрица в безветренном месте с наслаждением греется и открывает половинки своего черепа солнечным лучам, не приметно вбросив в них камень, препятствует закрыться и овладевает добычею, недостаток силы заменив выдумкою. Такая злоумышленность в животных не одаренных ни разумом, ни словом! А я хочу, чтобы ты, подражающий уменью и ловкости раков снискивать пищу, удерживался от вреда ближним. Таков тот, кто с коварством приходит к брату, содействует невзгодам ближнего, увеселяется чужими бедами. Бегай того, чтобы подражать людям предосудительным, довольствуйся собственным. Нищета при истинном самодовольстве для целомудренных предпочтительнее всякого наслаждения.

Не могу умолчать о лукавстве и вороватости полипа, который всякий раз принимает цвет камня, к которому легко пристаёт, почему многие рыбы, без опасения плавая, приближаются к полипу, точно как в камню, и делаются готовою добычею хитреца. Таковы нравом те, которые угождают всякой преобладающей власти, каждый раз сообразуются с обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намерения, удобно делаются то тем, то другим, с целомудренными уважают целомудрие, с невоздержными невоздержны, в удобность всякому переменяют расположения. От таких людей не легко уклониться и спастись от наносимого ими вреда, потому что задуманное ими лукавство глубоко закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь называет волками хищными, которые являются во одеждах овчих (Мф. 7, 15). Бегай на все изворотливого и многоличного нрава, помогайся истине, искренности и простоты. Змея пестровидна, за то и осуждена пресмыкаться. Праведник не лукав, как и Иаков (Быт. 25, 27). *Посему вселяет Господь единомысленныя в дом* (Пс. 67, 7).

Сие море великое и пространное: тамо гади, ихже несть числа, животная малая с великими (Пс. 103, 25). Однако же у них есть мудрый и благоустроенный порядок. Мы не осуждать только должны рыб, у них есть нечто и достойное подражания. Каким образом

каждая порода рыб, получив в удел удобную для себя страну, не делает нашествий на другие породы, но живет в собственных своих пределах? Ни один землемер не отводил им жилищ, они не ограждены стенами, не отделены рубежами, но бесспорно каждой породе уступлено полезное. Один залив прокармливает такие породы рыб, а другой — другие. Во множестве водящиеся здесь рыбы редки в других местах. Не разделяет гора, возносящая острые вершины, не пересекает перехода река, но есть какой-то закон природы, который равно и правдиво, сообразно с потребностями каждой породы, распределяет им места жительства. Но мы не таковы. Из чего сие видно? Из того, что *предлагаем пределы вечные, яже положиша отцы наши* (Прит. 26, 28). Перерезываем землю, *совокупляем дом к дому и село к селу, да ближнему отъемем что* (Ис. 5, 8). Киты знают определенное им природою местопребывание, они заняли море, лежащее вне обитаемых стран, не имеющее островов, за которым нет уже ни какой твердой земли, почему оно не кораблеходно, ни любопытство, ни какая-либо нужда не побуждают пловцов пускаться в него. Сие-то море заняв киты, величиною, как сказывают самовидцы, уподобляющиеся величайшим горам, пребывают в собственных своих пределах, не делая вреда ни островам, ни приморским городам. Так, каждая порода поселяется в назначенных ей частях моря, как бы в городах или селах, или древних родовых отчинах. А есть и переходные рыбы. Они, как бы по общему совещанию собравшись на переселение, все отправляются под одним знаменем, ибо, как скоро наступит определенное для них время чадородия, поднявшись из разных заливов, и побуждаемые общим законом природы, поспевают в северное море. Во время сего восхождения увидишь рыб, соединенных как бы в один поток, и текущих чрез Пропонтиду в Евксинский Понт. Кто же их движет? Какое царское повеление, какие указы, прибитые на площади, извещают о наступившем сроке? Кто у них проводники? Видишь, как Божие распоряжение все заменяет собою и доходит до самых малых тварей!

Рыба не прекословит Божью закону, а мы, человеки, не соблюдаем спасительных наставлений. Не презирай рыб потому, что они совершенно безгласны и неразумны, но бойся, чтобы не сделаться тебе неразумнее и рыб, чрез противление постановлению Творца. Выслушай, что едва не говорят тебе рыбы своими действиями: «мы для продолжения рода собираемся в это дальней странствование». У них нет своего разума, но есть естественный закон, крепко в них основанный, и показывающий, что им делать. «Пойдем, — говорят они, — в северное море». В нем вода слаще, нежели в прочих морях, потому что солнце стоит над ним не долго, и не извлекает из него лучами всего годного к питью. А сладости любят и обитатели морей, почему часто уплывают в реки и стремятся вдаль от моря. Поэтому Понт предпочитается ими прочим заливам, как благоприятный к рождению и воспитанию детей. Но как скоро достаточно выполнено желаемое, опять всю толпою возвращаются они домой. И какая тому причина? Выслушаем у безмолвных. «Северное море, — говорят оне, — не глубоко, и будучи открыто для сильных ветров, мало имеет берегов и убежищ, почему ветры удобно взволновывают его до самого дна, так что и глубокий песок мешают с волнами. К тому же оно зимней порою холодно, как наполняемое многими и большими реками». Посему рыбы, в известной мере насладившись им во время лета, к зиме опять поспевают в теплоту глубин и в страны лежащие под солнцем и, избегая бушевания северных ветров, укрываются в заливах менее обуреваемых. Видел я это, и дивился во всем Божией премудрости. Если неразумные твари догадливы и искусны в попечении о собственном своем спасении, и если рыба знает, что ей избрать, и чего ей бегать, что скажем мы, отличенные разумом, наставленные законом, побужденные обетованиями, умудренные Духом, и при всем том распоряжающиеся своими делами неразумнее рыб? Ибо они умеют промышлять несколько о будущем, а мы, отринув надежду на будущее, губим жизнь в скотском слагостолбии. Рыба меняет столько морей, чтобы найти какое-нибудь удобство, что же скажешь ты, провождающий жизнь в праздности? Праздность — начало злых дел. Никто

да не извиняется неведением. В нас вложен природный разум, который учит присваивать себе доброе, а удалять от себя вредное.

Но перестану представлять в пример морских обитателей, потому что они подлежат нашему рассмотрению. Слышал я от одного приморского жителя, что морской еж, животное, конечно, малое и презренное, часто дает знать пловцам о тишине и буре. Когда предчувствует он волнение от ветров, взойдя на какой-нибудь значительный камень, на нем, как на якоре, с твердостью выносит бурю, потому что тяжесть камня препятствует увлечь его волнам. И как скоро мореходцы усматривают этот признак, знают, что надобно ожидать сильного движения ветров. Ни какой звездочет, ни какой Халдей, предугадывающий по восхождению звезд волнения в воздухе, не учил сему ежа, но Господь моря и ветров и в малом животном положил ясные следы великой Своей премудрости. У Бога ничто не оставлено без промысления и попечения. Все назирает сие недремленное Око, всему Оно присуще, предустраивая спасение каждой твари. Ежели и ежа не исключил Бог из Своего надзора, то как не надзирать Ему за твоею жизнью?

Мужие, любите жены (Еф. 5, 25), хотя вы чужды были друг другу, когда вступали в брачное общение! Сей узел естества, сие иго, возложенное с благословением, да будут единением для вас, бывших далекими! Ехидна, самая лютая из пресмыкающихся, для брака сходится с морскою муреною и, свистом извещая о своем приближении, вызывает ее из глубин для супружеского объятия. И она слушается и вступает в соединение с ядовитою ехидной. К чему клонится сия речь? К тому, что если и суров, если и дик нравом сожитель, супруга должна переносить это и ни под каким предлогом не соглашаться на расторжение союза. Он буен? Но муж. Он пьяница? Но соединен по естеству. Он груб и своенравен? Но твой уже член и даже драгоценнейший из членов.

Да выслушает и муж приличное ему наставление! Ехидна, уважая брак, предварительно извергает свой яд, неужели же ты из уважения к союзу не отложишь жестокосердия и бесчеловечия? Но пример ехидны, может быть, и иначе послужит нам в пользу, потому что соединение ехидны с муреною есть некоторое прелюбодеяние в природе. Да вразумятся же те, которые посягают на чужое брачное ложе. Какому пресмыкающемуся уподобляются они? У меня одна цель — все обращать в назидание Церкви. Да укротятся страсти неводержанных — обуздываемые примерами взятыми с суши и моря!

Здесь принуждают меня положить конец слову и телесная немощь и вечернее время, хотя для любителей слушания и мог бы я присовокупить еще много достоудивительного о морских произведениях, о самом море: как вода отвердевает в соль, как многоценный камень коралл в море бывает травой, а когда вынесен на воздух, получает твердость камня, откуда природа в самое малоценное животное — устрицу вложила драгоценный бисер. Чего домогаются царские сокровищницы, то рассыпано на взморьях, при берегах, около диких камней и лежит в оболочках устриц. Из чего морские перья [2] возвращают златую волну, цвету которой доселе не умел подражать ни один красильщик? Из чего улитки дарят царям порфиры, который доброцветностью превзошли и полевые цветы?

Да изведут воды. И что ж из необходимого не произведено ими? Что из многоценного не даровано жизни? Одно сотворено на службу человекам, а другое для того, чтобы он созерцал чудеса творения, иное же для нас страшно, чтобы вразумлять нашу нерадивость.

Сотвори Бог киты великии (Быт. 1, 21). Великими названы они не потому, что больше нежели сквилла и мена[3], но потому что огромностью тел равняются с самыми великими горами, а иногда кажутся островами, если всплывают на поверхность воды. И они при такой величине не у берегов водятся и не на взморьях, но живут в так называемом Атлантическом море. Таковы животные созданные нам в страх и в ужас. Но если слышишь, что малейшая рыбка прилпуша останавливает величайшие корабли, при благополучном ветре несущиеся на полных парусах, и что она долгое время держит корабль неподвижным, как будто бы им среди самого моря пущены корни, то и в этой малой рыбке не имеешь ли такого же доказательства о могуществе Творца? Ибо не только Мечи, Пилы, Акулы, Валены и Молотки рыбы страшны, но не менее страшны — жало рыбы-пилохвоста, даже мертвой, и рыба-пиногорь, потому что они приносят скорую и неизбежную гибель. Таким образом Творец всем хочет приучить тебя к бдительности, чтобы ты в надежде на Бога избегал причиняемого ими вреда.

Но, спасшись из глубин, прибежем на твердую землю. Ибо чудеса мироздания, одно за другим подавляя нас собою, как бы подобно волнам, частыми и непрерывными притоками, держали слово ваше погруженным в водах. Хотя для меня и то будет удивительно, если мысль наша не встретит на твердой земле еще больших чудес и, по примеру Ионы, не побежит опять к морю. Но мне кажется, что слово мое, увлекшись тысячами чудес, забыло соразмерность, и подверглось одной участи с плавающими по морю, которые, не имея неперемennых знаков к измерению своего движения, часто не знают, далеко ли уплыли. То же, кажется мне, случилось и с нами, пока слово обтекало творение, мы и не почувствовали множества нами сказанного. Но хотя честное сие собрание и имеет охоту к слушанию, и для слуха рабов приятно повествование о чудесах Владычных, однако же, здесь введя слово в пристань, подождем дня, чтобы пересказать остальное. Восстанем же все, возблагодарим за сказанное и помолимся об исполнении оставшегося. Да будет у вас и во время принятия пищи предметом застольных бесед как то, чего коснулось слово утром, так и то, что излагало оно вечером; в мыслях о сем застигнутые сном и, почивая, да насладитесь дневным весельем, чтобы можно было сказать вам о себе: *из сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2), день и ночь поучаясь в законе Господа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Жителям Мавритании.

[2] Так называются раковины, в которых заключающиеся животные выпускают из себя шелк.

[3] Породы морских раков.

Беседа 8

О птицах.

И рече Бог: да изведет земля душу живу по роду четвероногая и гиды, и звери земли по роду: и бысть тако (Быт. 1, 24). Вышло повеление, следовавшее по порядку, и земля получила свойственное ей украшение. Там сказано: *да изведут воды гады души живых*, здесь: *да изведет земля душу живу*. Неужели земля одушевлена? и правы суемудрые Манихеи, которые и в землю влагают душу? Когда сказал: *да изведет*, не значит, что земля износит уже находившееся в ней, но, дав повеление, даровал земле и силу извести. Ибо когда земля слышала: *да прорастит былие травное и древо*

плодовитое, не сокрытую какую-нибудь в ней траву извела из себя, не таившиеся где-нибудь внизу в недрах ее пальмы, или дуб, или кипарис, пустила на свою поверхность, но Божие слово создает естество тварей. *Да прорастит земля*, да изринет не то, что имеет, но да приобретает то, чего не имеет, поскольку Бог дарует силу действовать. Так и теперь: *да изведет земля душу*, не ту, которая уже в ней, но ту, которая дана ей Богом чрез самое сие повеление. Притом, учение Манихеев само собою обращается против них. Ибо если земля извела душу, то себя оставила она уже лишенною души. Но мерзость их учения сама собою очевидна.

Почему, однако же, водам повелено извести *гады души живых*, а земле — *душу живу*? Потому, как рассуждаем, что естество плавающих причастно, по-видимому, жизни менее совершенной, по самому обитанию своему в грубой воде. И слух у них тяжел, и видят они тупо, потому что смотрят сквозь воду, у них нет ни памяти, ни представления, ни понятия о свычке. Посему слово как бы показывает, что в водных животных плотская жизнь управляет душевными движениями; а в животных, живущих на суше, так как жизнь в них совершеннее, все владычество вручено душе. У большей части четвероногих чувства больше уяснены, представления настоящего изошрены, памятование прошедшего подробно. Посему, как кажется, в водных сотворены одушевленные тела (ибо гады душ живых изведены из воды), в живущих же на суше повелено произойти душе управляющей телом, чтобы обитающие на земле несколько более причастны были жизненной силы. Ибо хотя и живущие на суше животные бессловесны, однако же каждое из них естественным своим голосом выражает многие их душевные состояния, ибо и радость, и скорбь, и знание привычного, и недостаток пищи, и разлуку с пасущимися вместе, и другие многие состояния оно обнаруживает звуком. Водные же животные не только безгласны, но не могут быть ни укрощаемы, ни обучаемы, и ко всякому общению в жизни с людьми неподручны. *Позна вол стяжавшаго, и осел ясли господина своего* (Ис. 1, 31), но рыба не может знать того, кто ее кормит. Осел знает привычный голос, знает дорогу, по которой много раз ходил, а иногда бывает путеуказателем и человеку сбившемуся с дороги, такой же остроты слуха, какая у сего животного, говорят, не имеет ни одно из живущих на суше животных. Какое из морских животных могло бы подражать памятозлобию верблюда, его гневливости и продолжительности гнева? Верблюд, если давно когда-нибудь ударен, долгое время таив гнев, как скоро улучает удобный случай, отмщает за обиду. Слышите жестокосердые, старающиеся укоренить в себе, как добродетель, памятозлобие. Кому вы подобны, когда огорчение на ближнего, как искру, сокрытую в пепле, храните в себе до тех пор, как получив предлог, подобно пламени, распаляете гнев?

Да изведет земля душу живу. Для чего земля изводит душу живу? Чтобы ты знал различие между душою скота и душою человека. Вскоре узнаешь, как сотворена душа человеческая, а теперь слушай о душе бессловесных. Поскольку, по Писанию, *душа всякаго животного кровь его есть* (Лев. 17, 11), а сгустившаяся кровь обыкновенно обращается в плоть, и истлевшая плоть разлагается в землю, то, по всей справедливости, душа скотов есть нечто земное. Итак *да изведет земля душу живу*. Рассмотрим связь души с кровью, крови с плотью, плоти с землею, и опять в обратном порядке переходы от земли к плоти, от плоти к крови, от крови к душе, и ты найдешь, что душа скотов есть земля. Не думай, что она старше телесного их состава, и что она пребывает по разрушении тела. Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою, и говорить о себе, что они были некогда и женами, и деревьями, и морскими рыбами. А я, хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, однако же со всем усилием готов утверждать, что, когда писали сие, были бессмысленнее рыб.

Да изведет земля душу живу. Для чего при обильном течении слова молчал я не малое время, удивляюся, может быть, многие. Но внимательнейшим из слушателей,

конечно, не безызвестна причина, по которой прервана речь. Из чего же сие видно? Из того, что они, взглядывая друг на друга и подавая друг другу знаки, обратили на себя мое внимание и привели мне на мысль опущенное мною. Ибо целый род тварей, и притом не маловажный, укрылся от нас, и слово наше едва не простерлось далее, оставив его вовсе неисследованным.

Да изведут воды гады души живых по роду, и птицы летающая по земли, по тверди небесней (Быт. 1, 20). Говорили мы о плавающих, сколько позволило вечернее время, а сегодня перешли к исследованию живущих на суше, но забыты нами птицы, занимающие средину между теми и другими. Посему, по примеру забывчивых путешественников, которые, не захватив чего-либо важного, хотя и много уже прошли пути, опять возвращаются тою же дорогой, и в этом путешествии несут достойное наказание за свою нерадивость, по сему, говорю, примеру и нам, кажется, необходимо идти назад прежним путем. Ибо опущенное нами не должно быть презрено, но составляет, как кажется, третью часть живых тварей, так как три рода животных: живущее на суше, летающее и водное.

Сказано: *да изведут воды гады души живых по роду, и птицы летающая по земли, по тверди небесней по роду*. Почему и птиц произвел из вод? Потому что у летающих с плавающими есть как бы некоторое сродство. Как рыбы рассекают воду, посредством движения перьев поступая вперед, а чрез обращение хвоста давая себе то поворотные, то прямые направления, так и в птицах можно видеть, что они подобным образом плавают по воздуху на крыльях. Посему, так как у тех и других одно свойство — плавать, то происхождением из вод сообщено им одно некоторое сродство, за исключением, что нет ни одной птицы без ног, потому что всем доставляет пропитание земля, и все они по необходимости имеют нужду в содействии ног. И хотя хищным птицам для лова даны острия когтей, однако же прочим и в добывании пищи и в других потребах жизни необходимую услугу доставляют ноги. У немногих птиц слабые ноги, и они неспособны ни ходить, ни ловить ногами добычу, таковы ласточки, которые не могут ни ходить, ни ловить ногами, и так называемые турки [1], которым определено в пищу носящееся в воздухе. Впрочем для ласточки летание близкое к земле служит вместо ног.

И у птиц есть бесчисленные разности пород. Если кто станет их описывать таким же образом, как отчасти коснулись мы рассмотрению рыб, то найдет, что, хотя все имеют одно имя — птица, однако же в них много разностей по величине, по виду, и цвету, и также в роде жизни, в занятиях и нравах столько разнообразия между ними, что нельзя и описать. Некоторые пытались уже составить свое именованье, чтобы, по неупотребительному дотолу и новому наименованию, как по клейму, можно было распознавать свойство каждой породы. И одних птиц называли резистоперыми, каковы орлы, других кожеперыми, каковы нетопыри, иных плевоперыми, каковы осы, других жесткоперыми, каковы жуки и все родящиеся в каких-то мешочках и оболочках, и по разорвании своих надкрылий начинающие летать свободно. Но для нас достаточный признак к различению свойства пород — общая польза и употребительное в Писании. разделены на чистых и нечистых. Итак иная порода птиц плотоядных и иное устройство их, приличное способу их пропитания — острия когтей, загнутость клюва, полет быстрый, чтобы удобно уловлялась добыча, и растерзанная служила пищею ловцу. Иное устройство птиц, питающихся семенами, и иное тех, которые едят все, что ни попалося. И между сими опять весьма много различий. Одни водятся стадами, исключая хищных птиц; у сих нет никакой общительности, кроме общения между супругами. Но тысячи других любят жизнь общественную, например, голуби, журавли, скворцы и галки. Опять и между сими у одних безначалие и как бы вольность, а другие не отказываются подчиняться вождю, как журавли. А еще есть у них и другое различие, по которому одни оседлы и туземны, другие

же привыкли улетать далеко и по большей части переселяться с приближением зимы. Многие из птиц, будучи вскормлены человеком, делаются ручными и смиренными, исключая слабосильных, которые, по причине чрезмерного страха и робости, не терпят, чтобы их часто беспокоили, прикасаясь рукою. А некоторые из птиц любят жить с людьми и в одних с нами жилищах, иные живут на горах и любят пустыни. Весьма большое различие составляет и свойство голоса в каждой птице. Одни из птиц говорливый болтливы, а другие молчаливы, одни приятно поют и на разные голоса, другие совсем не имеют музыкальности в голосе и не умеют петь. Одни переимчивы или от природы имея дар подражать, или приобретаю оный чрез упражнение, а другие издают однообразные и неизменные звуки. Петух горд, павлин любитель красоты, голуби и домашние куры похотливы и во всякое время предаются похоти, куропатка лукава и ревнива, хитро содействует ловцам к уловлению добычи.

Тысячи также, как сказали мы, различий в занятиях и роде жизни. Некоторые из бессловесных ведут жизнь гражданственную, поскольку гражданственности свойственно, чтобы действия всех клонились к одному общему концу, как это можно видеть у пчел. Ибо у них и жилище общее, и вылет общий, и занятие у всех одно; а, что всего важные, за всякое дело принимаются под распоряжением царя и чиновника, не прежде осмеливаются вылетать на поля, как увидев царя предначавшим полет. И царь у них не по большинству голосов избирается (ибо безрассудство народа часто поставляло начальником худшего), не по жребию получает власть (ибо неразумная случайность жребия нередко вручает могущество самому последнему), не по родовому преемству возводится на царство (ибо таковые от роскоши и ласкательства всего чаще бывают малосведущи и не приучены ни к какой добродетели), но от природы имеет первенство над всеми, и превосходит их величиною, видом и кротостью нрава. У царя сего есть и жало, но он не употребляет его на мщение. Таковы как бы неписанные законы природы, чтобы достигшие высочайшего могущества были медлительны в наказании. Впрочем, если некоторые из пчел не последуют примеру царя, они вскоре раскаиваются в своей безрассудности, потому что умирают поражаемые жалом. Да слышат сие христиане, которые имеют заповедь, *ни единому же зла за зло воздавать, но побеждать благим злое* (Рим. 12, 17, 21).

Подражай особенному свойству пчелы, которая, никому не делая вреда и не портя чужого плода, составляет соты. Ибо воск, очевидно, собирает она с цветов, и мед — эту в виде росы рассеянную в цветах влажность, высасывая ртом, впускает в полости сотовых чашечек. Почему мед сначала бывает жидок, потом, сгустившись от времени, достигает свойственной ему вязкости и сладости. Прекрасные и приличные похвалы восписаны пчеле в Притчах, где она названа мудрой и деятельной, ибо с таким трудолюбием собирает пищу (*еяже трудов*, говорит Притча (Прит. 6, 8), *царие и протии во здравие употребляют*), с такой мудростью устраивает влагалища для меда! Растянув воск в тонкую кожу, пчела строит из него частые и непрерывно сплоченные между собой углубления, так что непрерывность взаимной связи между самыми малейшими частями служит опорой всему. Каждый колодчик примыкает к другому, отделяясь от него, а вместе и соединяясь с ним, тонкою перегородкою. Потом пещерки сии надстраиваются одни над другими в два или три ряда, потому что пчела опасается сделать одну совершенно впадину, чтобы жидкость своею тяжестью не проторглась вон. Смотри же, как изобретенья геометрии приложены к делу у премудрой пчелы. Все сотовые пещерки шестиугольны и равносторонни, и не в прямой линии лежат одна над другою, чтобы доньшки, приходясь над пустотами, не могли проломиться, но углы нижних шестиугольников служат основанием и опорой для верхних, чтобы безопасно поднимали на себе тяжесть, и влажность заключалась в каждой пустоте отдельно.

Как же опишу тебе в подробности все свойства птиц касательно рода жизни? Как, например, журавли по очереди содержать ночную стражу, и одни спят, а другие, ходя вокруг, доставляют им во время сна совершенную безопасность. Потом, когда исполнится срок стражи, стерегущий, вскрикнув, обращается ко сну, а другой сменяет его, и отчасти вознаграждает за ту безопасность, какою сам пользовался. Такой же порядок усмотришь и в летании их. То один, то другой служит путеводителем, и определенное некоторое время летев впереди, перелетает назад, и право предводительства в пути передает другому, за ним следующему.

А дела буселей не далеки от разумного соведения. Все они в одно время прилетают в наши страны, и все как бы под одним знаменем улетают. Их окружают и сопровождают наши вороны, которые, как мне кажется, подают им некоторую помощь против неприязненных птиц. Доказательством же сему служит, во-первых, то, что около сего времени вовсе не видно ни одной вороны, а во-вторых и то, что вороны, возвращающиеся с ранами, носят на себе ясные знаки своего сподвижничества и ратоборства. Кто постановил у них законы странноприимства? Кто грозил им обвинением за оставление воинского строя, так что ни одна ворона не остается дома во время сопровождения? Да слышат сие негостеприимные, которые запирают двери, и даже зимой и ночью не хотят принять под кров свой пришельцев.

А заботливость буселей о состарившихся достаточна к тому, чтобы и наших детей, если только захотят внимать сему, сделать отцелюбивыми. Ибо, конечно, нет человека столь скудного благоразумием, чтобы не почел он себя за стыд быть в добродетели ниже бессловесных птиц. Бусели, обступив вокруг отца, у которого от старости вылиняли перья, согревают его своими крыльями, и обильно доставляя ему пищу, даже в летании оказывают сильную помощь, слегка поддерживая с обеих сторон своими крыльями. И это так известно всякому, что некоторые вместо: воздать за благодеяния, говорят: отбуселить.

Никто да не сетует на свою нищету, и хотя бы ничего не оставалось в доме у него, да не отчаивается в своей жизни, смотря на замысловатость ласточки. Когда вьет она гнездо, сучья носит во рту, но грязи не может захватить ногами, посему, омочив края перьев в воде и обмазав их тонкою пылью, чрез этот способ отвращает недостаток в грязи, и мало помалу, как клеем, слепив грязью сучья, в гнезде своем выкармливает птенцов. А если кто им выколет глаза, ласточка от природы имеет какое-то врачебное искусство, и посредством оного возвращает здоровье глазам детей. Научись из сего по причине нищеты не приниматься за худые дела и в самых тяжких злостраданиях не терять надежды и не сидеть в праздности и бездействии, но прибегать к Богу, Который, даруя столько ласточке, тем больше подаст тому, кто возопиет к Нему от всего сердца.

Есть морская птица — зимородок. Она имеет обычай вить гнездо у самых берегов, кладет яйца на песке и сидит в гнезде среди зимы, когда от частых и сильных ветров море выплескивается насушу. Но вдруг умолкают ветры, и морская волна не движется, пока в течение семи дней зимородок сидит на яйцах, ибо во столько дней выводит он своих птенцов. Поскольку же им нужна и пища, то великодаровитый Бог дал сему малейшему животному и другие семь дней на возвращение птенцов. Это знают все мореплаватели, почему и называют дни сии зимородковыми [2]. Все сие узаконено промыслием Божиим о бессловесных в научение тебе, чтобы ты просил у Него нужного ко спасению. Какие чудеса не совершатся для тебя, созданного по образу Божию, когда Бог для такой малой птицы удерживает великое и страшное море, повелев ему быть тихим среди самой зимы?

Рассказывают о горлице, что она, будучи разлучена с супругом, не терпит уже общения с другим, но проводит безбрачную жизнь, в память прежнего супруга отказываясь от нового союза. Слышите жены, как честно вдовство, и у бессловесных предпочитается неприличию многобрачия!

В воспитании детей всех несправедливее поступает орел. Выведя двух птенцов, одного из них, отталкивая ударами крыльев, сбрасывает он на землю, принимает же и усваивает себе только другого, по трудности пропитания отринув того, которого родил. Впрочем отринутому, как сказывают, не дает погибнуть орел костолом, но берет его и воспитывает вместе с своими птенцами. Таковы те из родителей, которые под предлогом нищеты подкидывают младенцев или не наблюдают равенства в разделе наследства детям. Ибо справедливость требует, чтобы они, как равно дали каждому бытие, так равно одинаковые доставили им способы к жизни.

Не подражай жестокости птиц, одаренных кривыми когтями, которые, как скоро видят, что птенцы их уже отваживаются летать, начинают бить и толкать их крыльями, выкидывают из гнезда и не имеют уже более ни какого о них попечения. Похвально чадолюбие вороны, которая следует и за летающими уже детьми, доставляет им пищу и кормит их весьма долгое время.

Многие породы птиц для зачатия не имеют нужды в сообщении с самцами, но у других неосемененные яйца бывают бесплодны. О коршунах [3] сказывают, что они большей частью рожают детей без взаимного сообщения и при всем том бывают весьма долговечны, ибо жизнь их часто продолжается даже до ста лет. И сей случай из истории птиц возьми себе на замечание, чтобы, когда увидишь посмеивающихся нашему таинству, будто бы невозможно и несовместно с природою родить Деве, сохранив неоскверненным свое девство, мог ты привести себе на мысль, что *Благоизволивый буйством проповеди спасти верующих* (1 Кор. 1, 21), к удостоверению нас в чудесах, предварительно указал нам множество случаев в самой природе.

Да изведут воды гады душ живых, и птицы летающая по земле, по тверди небесней. Птицам повелевается летать по земле, потому что земля доставляет всем пищу, но и по тверди небесной, потому что, как предварительно нами замечено, небом (*υρανος*), от слова *ορασθαι* (быть видимым), наименован здесь воздух. Но сей воздух, находящийся над нашею головою, назван также и твердью, потому что он, в сравнении с эфирным телом, несколько плотнее и более сгущен от поднимающихся паров.

Итак вот перед тобою небо украшенное, облеченная в убранство земля, море изобилующее свойственными ему порождениями, воздух наполненный летающими в нем птицами! Все, что Божиим повелением приведено из небытия в бытие, даже и то, чего не коснулось ныне слово, уклоняясь от должайшего замедления на сем предмете и не желая показаться преступившим меру, все сие, трудолюбец, сообразив в уме своем и во всем изучив премудрость Божию, не преставай никогда удивляться и во всякой твари славить Творца!

И во тьме ночной имеешь породы птиц, снискивающих пищу ночью, и во свете дневном другие породы, летающих днем. Ибо нетопыри, совы и филины принадлежат к числу птиц, питающихся ночью. Почему, если иногда нет у тебя сна, достаточно тебе остановиться на сих пернатых и исследовать находящиеся в них свойства, чтобы возбудить себя к славословию Творца. Как неусыпен соловей, когда сидит на яйцах, во всю ночь не прекращающий пения! Как нетопырь есть вместе и четвероногое животное, и птица; как он один из птиц имеет зубы и рождает живых детей подобно четвероногим, но

плавает по воздуху, поддерживаемый не крыльями, а какою-то кожаной перепонкою! Какая взаимная любовь в сих тварях от природы! Нетопыри на подобие цепи сплетаются между собою и держатся один на другом, что не легко произвести и между нами человеками, потому что отдельное и частное для многих из нас предпочтительнее общего и совокупного. Сколько уподобляются глазам совы упражняющиеся в суетной мудрости! И у совы зрение ночью остро, но помрачается, как скоро воссияет солнце, и у них весьма изощрено разумение для пустых умозрений, но омрачено к познанию истинного света.

А днем для тебя гораздо удобнее собирать отовсюду возбуждающее удивление к Создателю. Как домашняя птица будит тебя на работу, восклицая пронзительным голосом, еще издали возвещает о приближающемся солнце, рано встает с путешественниками, а земледельцев выводит на жатву! Как неусыпна порода гусей, как чутко слышат они неприметное другим! Гуси спасли никогда царственный город, дав знать о неприятелях, которые с помощью тайных подземных подкопов готовы уже были взять Римскую крепость. В какой породе птиц природа не открывает какого-либо особенного ей свойственного чуда? Кто предвещает коршунам смерть людей, когда они ополчаются друг против друга? Ибо увидишь, что бесчисленные стада коршунов следуют за войсками и по приготовлению оружия заключают о следствиях. А сие не далеко уже от человеческих умозаключений.

Как опишу тебе страшные полчища саранчи, которая, вдруг поднявшись под одним знаменем и расположившись станом на широте страны, не прежде касается до плодов, но когда дано ей будет повеление Божие? Как саранчу преследует селевкид [4], — это врачество от язвы, птица, одаренная не имеющею пределов способностью пожирать, потому что человеколюбивый Бог в благодеяние людям дал ей ненасытную природу?

Какой способ пения у кузнечиков? Как они в полдень поют громче обыкновенного, чрез производимое расширением груди привлечение воздуха, который издает звук? Но кажется, что слово мое, изображая все чудесное у птиц, отстаёт более, нежели сколько отстал бы я, покусившись на ногах своих следовать за их быстротою.

Когда видишь между птицами так называемых насекомых, например, пчел и ос (а насекомыми названы по причине каких-то на них повсюду видимых насечек), замечь, что у них нет дыхания и легкого, но всем телом принимают они в себя воздух. Почему, обмочившись в масле, они умирают от закрытия телесных скважин, но облитые вскоре уксусом опять оживают, потому что проходы для воздуха открываются. Бог наш ничего не создал как избыточествующего сверх потребности, так и недостатчествующего в чем-либо нужном.

Рассматривая опять животных любящих воду, найдешь в них другое устройство, ступни неразделенные, как у вороны, и не искривленные, как у плотоядных птиц, но широкие и перепончатые, чтобы удобно было плавать по воде и перепонками на ступнях, как веслами, раздвигать влагу. Когда заметишь, как лебедь, опуская шею в глубину, достает себе со дна пищу, и здесь откроешь премудрость Создателя, Который лебедю дал шею длиннее ног, чтобы он, запуская ее как уду, добывал себе пищу, сокрытую в глубине.

Слова Писания, читаемые просто, состоять из нескольких кратких слогов: *да изведут воды птицы летающая по земле, по тверди небесней*. Но исследуем и смысл, заключающийся в словах, и тогда откроется великое чудо премудрости Создателя. Сколько различий предусмотрел Он в птицах! Как отличил между собою одинаковых породю! Как снабдил каждую птицу отличительными свойствами! Неостанет мне дня, чтобы пересказать вам воздушные чудеса. Нас призывает суша и хочет показать нам

зверей, гадов и скотов, имея у себя в готовности столько же стоящее внимания, как и растения, и род плавающих, и все птицы. *Да изведет земля душу живу скотов и зверей и гадов по роду.*

Что скажете вы, которые не верите Павлу об изменении при воскресении, когда видите, что многие из воздушных животных переменяют свой вид? Так рассказывают и об Индийском черве рогоносце, который сначала превращается в куколку, потом со временем делается шелковичною бабочкой, но и в этом виде не остается, но окрыляется мягкими и широкими лепестками. Посему, когда сидите вы, женщины, и прядете произведение этих червей, то есть нити, какие доставляют вам сиры [5], для приготовления роскошных одежд, приводя себе на память превращение сего животного, составляйте ясное представление о воскресении и не сомневайтесь об изменении, которое всем возвещает Павел.

Но чувствую, что слово превосходит меру, когда посмотрю на множество мною сказанного, вижу, что сим я преступил меру. Но опять, когда обращаю внимание на разнообразие премудрости, явленной в тварях, мне кажется, что я еще и не начинал своей беседы. К тому же и держать вас долее не бесполезно. Ибо что стал бы иной из вас делать до вечернего времени? Вас не торопят учредители пиршеств, вас не ожидают угощения, а посему, если угодно, употребим телесный пост к увеселению душ. Часто служил ты плоти, доставляя ей наслаждения, теперь побудь в служении душе. *Насладися Господеви, и даст ти прощения сердца твоего* (Пс. 36, 4). Если ты богатлюбив, вот тебе богатство духовное: *судьбы Господни истинны, оправданы вкупе: возжеленны паче злата и камене честна многа* (Пс. 18, 10, 11). Если ты любитель наслаждений и удовольствий, вот тебе словеса Божии для человека здорового духовным чувством *слаждиша паче меда и сота* (Пс. 18, 11). Если позволю вам идти и распушу собрание, иные пойдут играть в зернь. Там клятвы, упорные споры и мучения корыстолюбия. Там стоит демон, посредством костей с точками воспаляет бешенства, одни и те же деньги переводит и на ту, и на другую сторону, то одного возносит победой, а другого погружает в уныние, то наоборот, последнего делает гордым, а первого покрывает стыдом. Что пользы поститься телом, когда душа наполнена тысячами зол? А кто, хотя не играет в зернь, однако же время проводить в праздности, тот чего не скажет пустого? Каких не услышит нелепостей? Праздность без страха Божия учит пороку не умеющих пользоваться временем. Итак, в сказанном мною найдется, может быть, нечто и полезное, а если нет, то по крайней мере та выгода, что, проводя время здесь, вы не грешите, а потому удерживать вас долее значит на большее время отводить вас от грехов.

Для признательного судии достаточно и сказанного, если обратить он внимание не на богатство творения, но на немощь наших сил и на то, что и сего довольно к увеселению собравшихся. Земля угощала нас своими произрастениями, море — рыбами, воздух — птицами. И суша готова предложить нам равноценное сему. Но здесь положим конец утреннему угощению, чтобы чрезмерное пресыщение не притупило в нас вкуса к вечернему наслаждению. Исполнивший же все Своею тварью и во всем оставивши нам явственные памятники чудес Своих да исполнит сердца ваши всяким веселием духовным о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] В подлиннике дрепань, которых Плиний пречисляет к безногим птицам, а по переводу Евстафия — мероисы.

[2] Или алционическими. Это 7 дней пред зимним солнцестоянием, и столько же дней после оногo.

[3] Св. Василий, вероятно, понимает здесь Египетского ворона, который в Египте был символом богини-Матери, и вообще женского начала Природы. О сей породе воронов Египтяне думали, что в ней нет мужеского пола. См. *Nota Apoll. Lib. I. cap. II. Amm. Marc. XVII. 4, 11.*

[4] О том, как седевкиды преследуют и истребляют саранчу, свидетельствует Гален, *de locis affectis lib. 6. cap. 3.* Евстафий переводит *margas* (нырок).

[5] Салмазий замечает, что название сиры (σῆρες) может принадлежать, как шелковичным червям, так и народу, от которого стал известен первоначально шелк, а именно: китайцам.

Беседа 9

О животных земных.

Какою вам показалась утренняя словесная трапеза? А мне пришло на мысль уподобить свою беседу усердию какого-нибудь бедного гостеприимца, который желает прослыть богатым угодителем, но не имеет дорогих яств и досаждаст гостям, щедронося на стоп свой бедный запас, так что его радушие обращается для него в укоризну незнания приличий. Подобно несколько и мое слово, если только вы не скажете о нем иначе. Впрочем, каково бы оно ни было, вы не должны презирать его. Ибо Елисея не обвиняли за худое угощение современники его, не смотря даже на то, что он предложил друзьям *зелия дивия* [1] (4 Цар. 4, 39).

Известны мне правила иносказаний, хотя не сам я изобрел их, но нашел в сочинениях других. По сим правилам, иные, принимая написанное не в общеупотребительном смысле, воду называют не водою, но каким-нибудь другим веществом, и растению, и рыбе дают значение по своему усмотрению, даже бытие гадов и зверей объясняют сообразно с своими понятиями, подобно как и снотолкователи виденному в сонных мечтаниях дают толкования согласные с собственным их намерением. А я, слыша о траве траву и разумею, также растение, рыбу, зверя и скот, все, чем оно названо, за то и принимаю. *Не стыжуся бо благовествованием* (Рим. 1, 16). И поскольку писавшие о мире много рассуждали о фигуре земли, что она такое, шар ли, или цилиндр, или походит на кружок, со всех сторон одинаково обточенный, или на лоток, имеющий в середине впадину (ибо ко всем сим предположениям прибегали писавшие о мире, и каждый из них опровергал предположение другого), то не соглашусь еще признать наше повествование о миротворении стоящим меньшего уважения потому единственно, что раб Божий Моисей не рассуждал о фигурах, не сказал, что окружность земли имеет сто восемьдесят тысяч стадий, не вымерил, на сколько простирается в воздухе земная тень, когда солнце идет под землею, и как тень сия, падая на луну, производит затмения. Если умолчал он о не касающемся до нас, как о бесполезном, то неужели за сие словеса Духа почту маловажнее объюродевшей мудрости? Не паче ли прославлю Того, Кто не затруднил ума нашего предметами пустыми, но устроил так, чтобы все было написано в назидание и усовершенствование душ. наших? Сего, кажется мне, не уразумели те, которые по собственному своему уразумению вознамерились придать некоторую важность Писанию какими-то наведениями и приношениями. Но это значит ставить себя премудрее словес Духа и под видом толкования вводить собственные свои мысли. Посему так и будем разуметь, как написано.

Да изведет земля душу живу, и скотов, и зверей, и гадов. Представь глагол Божий, протекающий всю тварь, некогда начавшийся, до ныне действенный и готовый действовать до конца, пока не скончается мир. Как шар, приведенный кем-нибудь в

движение и встретивший покатость и по своему устройству и по удобству места стремится к низу, и не прежде останавливается, разве когда примет его на себя и плоскость, так и природа существ, подвигнутая одним повелением, равномерно проходит и рождающуюся, и разрушающуюся тварь, сохраняя последовательность родов посредством уподобления, пока не достигнет самого конца; ибо коня делает она преемником коню, льва — льву, орла — орлу, и каждое животное, сохраняемое в следующих одно за другим преемствах, продолжает до скончания вселенной. Ни какое время не повреждает и не истребляет свойств в животных. Напротив того, природа их, как недавно созданная, протекает вместе со временем.

Да изведет земля душу живу. Повеление сие соблюлось в земле, и она не престаёт служить Создателю. Одно производится чрез преемство существовавшего прежде, другое даже и ныне является живородящимся из самой земли. Ибо не только она производит кузнечиков в дождливое время, и тысячи других пород пернатых, носящихся по воздуху, из которых большая часть, по малости своей, не имеют и имени, но из себя же даёт мышей и жаб. Около Египетских Фив, когда в жару идет много дождя, вся страна наполняется вдруг полевыми мышами. Видим, что угри не иначе образуются, как из тины. Они размножаются не из яйца и не другим каким-либо способом, но из земли получают свое происхождение.

Да изведет земля душу. Скоты суть животные земные и поникли к земле, но человек — насаждение небесное, отличен сколько видом телесного состава, столько и достоинством души. Какой вид у четвероногих? Голова их наклонена к земле, смотрит на чрево и всеми мерами ищет приятного чреву. Твоя голова поднята к небу, очи твои взирают горе. Потому, хотя ты иногда бесчестишь себя плотскими страстями, работая чреву и низшему чреву, *приложившись скотом несмысленным и уподобившись им* (Пс. 48, 13), однако же тебе прилично иное попечение — *вышних искати, идеже есть Христос* (Кол. 3, 1), мыслью своею быть выше земного. А какой дан тебе вид, так располагай и своею жизнью. *Житие свое имей на небесех* (Флп. 3, 20). Истинное отечество твое — горный Иерусалим; граждане и соотечественники твои — *первородные написанные на небесех* (Евр. 12, 22).

Да изведет земля душу живу. Итак не из земли явилась сокрытая в ней душа бессловесных, но произошла вместе с повелением. А душа бессловесных одна, потому что один отличительный признак — бессловесие. Но каждое животное отличается различными свойствами. Вол стоек, осел ленив, конь горяч в вожделении другого пола, волк не делается ручным, лисица лукава, олень боязлив, муравей трудолюбив, собака благодарна и памятлива в дружбе. Ибо в одно время и создано каждое животное, и придано ему особенное естественное свойство. Льву прирождены ярость, склонность к одинокой жизни и необщительность с зверьми подобного рода. Он, как царь бессловесных, по природному своему презорству не терпит себе равных. Он не допускает до себя с вечера приготовленной пищи, не возвращается к остаткам своей добычи. Природа дала ему такие органы голоса, что многие животные, превосходя его быстротою, нередко бывают уловлены одним его рыканием. Барс стремителен и быстр в своих нападениях. Ему дано способное к тому тело, при гибкости и легкости успевающее следовать за душевными движениями. У медведя природа неповоротлива, и нрав своеобразен, коварен, глубоко скрытен. Он облечен в такое же и тело, тяжелое, плотное, не имеющее составов, действительно приличное зверю холодному, живущему в берлоге. Если коснемся словом той заботливости, какую сии бессловесные имеют о своей жизни, не учившись и по природе, то или сами подвигнемся к хранению себя самих и к промыслению о спасении душ, или еще более осудим себя, когда найдем, что даже в подражании и бессловесным остаемся мы позади. Медведица, когда ей нанесены самые

глубокие раны, часто лечит сама себя, всеми способами затыкает язвы травой — коровьяк [2], которая имеет свойство сушить. Можешь увидеть, что и лисица лечит себя сосновою смолою. Черепаха, наевшись ехидниной плоти, избегает вреда от яда, употребив вместо противоядия душицу. И змея вылечивает больные глаза, наевшись волошского укропа.

А предузнавание воздушных перемен не помрачает ли собою даже разумного ведения? Овца пред наступлением зимы с жадностью нападает на корм, как бы наедаясь на время будущей скудости. Волы, долго запертые в продолжение зимы, с приближением весны, по естественному уже чувству узнав перемену, начинают смотреть туда, где выход из хлевов, и все как бы по данному знаку переменяют положение. Некоторые из трудолюбивых наблюдателей заметили, что живущий на суше еж в норе своей делает две отдушины, и если будет дуть северный ветер, закладывает отдушину с севера, и опять, когда начинает дуть южный ветер, переходит к северной отдушине.

Что же показывается чрез сие нам человекам? Не одно то, что попечительность Создавшего нас простерлась на все, но также, что и у бессловесных есть некоторое чувство будущего, почему и мы должны не к настоящей жизни прилепляться, но иметь всякое попечение о будущем веке. Не потрудишься ли сам о себе, человек? Еще в настоящем веке не заготовишь ли нужного к успокоению в будущем, взирая на пример муравья? Он летом собирает себе пищу на зиму, и не проводит времени в праздности потому что еще не наступили зимние скорби, а, напротив того, с каким-то неумолимым тщанием напрягает себя к работе, пока не вложит в свои сокровищницы достаточного количества пищи. И делает сие не с небрежением, но прилагает мудрую заботливость, чтобы пищи достало, сколько можно, на большее время. Он рассекает своими клещами каждое зерно пополам, чтобы оно не проросло и не сделалось негодным для употребления ему в пищу. Также просушивает зерна, когда приметит, что они отсырели, и не во всякое время рассыпает их, но когда предчувствует, что воздух будет долго находиться в ветряном состоянии. Верно не увидишь льющегося из облаков дождя во все то время, когда рассыпан запас у муравьев.

Какого слова достаточно будет на сие? Какой слух вместит это? Достанет ли времени описать и поведать все чудеса Художника? Скажем и мы с пророком: *яко возвеличишися дела Твоя, Господи: вся премудрости. сотворил еси* (Пс. 103, 24). Посему не довольно к нашему извинению того, что не учены мы полезному по книгам, когда и не по незаученному закону природы можем избирать, что служит к нашей пользы. Знаешь, какое добро должен ты сделать ближнему? То же, какого сам себе желаешь от другого. Знаешь, что такое зло? То, чего бы сам ты не согласился потерпеть от другого. Не какое-либо искусство резать корни, не опытное изведение трав открыло бессловесным познание полезного. Напротив того, каждое животное естественным образом отыскивает спасительное для него и имеет какое-то непостижимое сродство с тем, что сообразно его природе.

И в нас есть естественные добродетели, с которыми душа имеет сродство не по человеческому научению, но по самой природе. Ни какая наука не учит нас ненавидеть болезнь, но сами собою имеем отвращение ко всему, что причиняет нам скорбь, так и в душе есть какое-то не учением приобретенное уклонение от зла. Всякое же зло есть душевный недуг, а добродетель соответствует здравью. Хорошо некоторые определяли здоровье, что оно есть благоустройство естественных действий. Кто скажет то же и о благосостоянии души, тот не погрешит против приличия. Посему душа, и не учась, желает свойственного ей и сообразного с ее природою. По сей-то причине для всякого похвально

целомудрие, достойна одобрения справедливость, удивительно мужество, возжеленно благоразумие. Сии добродетели душе более свойственны, нежели телу здоровье.

Чада, любите отцов, родители, *не раздражайте чад* (ЕФ. 6, 4). Не то же ли говорит и природа? Не новое что советует Павел, но скрепляет узы естества. Если львица любит рожденных ею, и волк вступает в бой за своих волчат, что скажет человек, и заповедь престапующий, и природу искажающий, когда или сын не уважает старости отца, или отец, вступив во второй брак, забывает прежних детей? У бессловесных неодолима взаимная любовь между детьми и родителями, потому что создавший их Бог вознаградил в них недостаток разума избытком чувств. Почему ягненок, выскочив из хлева, среди тысячи овец знает самый цвет и голос матери, спешит к ней, ищет своих собственных источников молока? И хотя он встретит тощие матерние сосцы, довольствуется ими, пройдя мимо многих сосцев обремененных молоком. И мать в тысяче ягнят узнает своего. Один у всех голос, и цвет то же, и запах подобен, сколько представляется нашему обонянию, но у них есть какое-то чувство, которое гораздо острее нашего представления, и по которому для каждого легко распознать собственное свое.

У щенка нет еще зубов, однако же ртом защищается уже он от раздражившего. У тельца нет еще рогов, но он уже знает, где у него вырастет оружие. Все сие служит доказательством, что всяким животным природное ему не изучается, и что в существах ничего нет беспорядочного и неопределенного; а, напротив того, все носят на себе следы Творческой премудрости, и каждое показывает в себе, что оно снабжено нужным к охранению собственного благосостояния.

Пес не одарен разумом, но имеет чувство почти равносильное разуму. Что едва изобрели мирские мудрецы, просидев над сим большую часть жизни, — разумею хитросплетение умозаключений, — тому пес оказывается наученным от природы. Ибо, отыскивая звериный след, когда найдет, что он разделился на многие ветви, обегает уклонения ведущие туда и сюда, и тем, что делает, почти выговаривает следующее умозаключение: или сюда поворотил зверь, или сюда, или в эту сторону. Но как не пошел он ни туда, ни сюда, то остается бежать ему в эту сторону. И таким образом, чрез отрицание ложного, находит истинное. Более ли сего делают те, которые, чинно сидя над доскою и пища на пыли, из трех предложений отрицают два и в остальном находят истину?

А памятование милости в этом животном не пристыдит ли всякого неблагодарного к благодеяниям? Рассказывают, что многие псы, когда господа их были убиты в пустом месте, умирали над ними. А некоторые, вскоре по совершении убийства, служили путеводителями сыщикам убийц и достигали того, что злодеев предавали казни. Что же скажут те, которые не только не любят сотворившего и питающего их Господа, но и в числе друзей имеют глаголющих неправду на Бога, одной приобщаются с ними трапезы и при самом вкушении пищи терпят хулы на Питающего?

Но возвратимся к рассмотрению тварей. Животные, удобно уловляемые, бывают многоплоднее. Поэтому зайцы и дикие козы рожают детей помногу, а дикие овцы по двойне, чтобы не оскудел род, истребляемый плотоядными зверями. Напротив того, животные, пожирающие других, рожают детей понемногу. Посему львица едва бывает матерью и одного льва. Ибо львенок, как сказывают, сперва остриями когтей растерзывает матернюю утробу, а потом выходит на свет. И ехидны рождаются, прогрызая утробу рожающей, и тем воздавая ей приличную награду. Таким образом ни одно существо не оставлено без Промысла, и ни одно не лишено надлежащего попечения.

Если станешь рассматривать и самые члены животных, найдешь, что Творец не прибавил ни одного лишнего и не отнял необходимого. Плотоядным животным придал острые зубы, ибо в таких имели они нужду по роду пищи. А которых в половину вооружил зубами, тех снабдил многими и различными влагалищами для пищи. Поскольку они с первого раза не могут достаточно, разжевать пищу, дал им возможность отрыгнуть поглощенное, чтобы измельченное посредством жвачки усвоилось питаемому. Желудок, предутробие, сеточка и утроба не напрасно даны животным, у которых они есть, но каждое из сих орудий служит для необходимой потребности. У верблюда шея долга, чтобы она равнялась ногам и доставала до травы, которою кормится верблюд. Шея коротка и вдалась в плечи у медведя, льва, тигра и прочих того же рода животных, потому что они питаются не травой, и им, как плотоядным и довольствующимся ловлею животных, нет нужды наклоняться к земле.

К чему хобот у слона? Великому этому животному и даже величайшему из всех живущих на суше, как созданному на ужас всякому встречающемуся, надлежало быть рослым и иметь громадное тело. Если бы ему дана была большая и соразмерная с ногами шея, трудно было бы носить ее, потому что она, от чрезмерной тяжести, клонилась бы всегда к земле. А теперь голова соединена у слона с хребтом не многими шейными позвонками, но есть у него хобот, вознаграждающий недостаток шеи, им слон достает пищу и черпает питье. Да и ноги у него без составов и как соединенные столбы подпирают тяжесть тела. А если бы заменить их нежными и слабыми мышцами, то у слона часто случились бы вывихи в составах, которые были бы недостаточны к поддержанию тяжести, когда слон становится на колена или встает. Но теперь короткая надпяточная кость подставлена под ногу слону, а ни в подколенье, ни в колене нет у него составов, потому что шаткость составов не выдержала бы чрезмерно громадного и зыблущегося тела, каким слон обложен. Посему нужен был этот нос, опускающийся до ног. Не видишь ли на сражениях, как слоны, подобно каким-то одушевленным башням, идут перед рядами, или, подобно плотным холмам, в неудержимом стремлении прорывают сплоченные щиты неприятелей? А если бы нижние части у слонов не были соразмерны, не долго бы держалось это животное. Теперь же, как некоторые повествуют, слон живет триста и более лет. Посему-то ноги у него цельные и без составов. А пищу, как сказали мы, с земли вверх поднимает хобот, который по природе гибок, сжимается и разжимается, на подобие змеи. Так верно слово, что в сотворенном нельзя найти ничего ни излишнего, ни недостаточного. Однако и сие столь огромное по величине животное Бог сотворил покорным человеку. Когда учим его, оно понимает, и когда бьем, терпит. А сим Бог ясно научает нас, что Он все подчинил нам, потому что мы сотворены по образу Создателя.

Но не в одних только великих животных можно усматривать неисследимую премудрость. Напротив того, и в самых малых легко собрать не меньшее число чудес. Как высоким вершинам гор, которые по близости к облакам чрез непрестанное дуновение ветров сохраняют постоянную стужу, удивляюсь не более, сколько и низменным долинам, которые не только спасаются от жестокости горных ветров, но и всегда удерживают в себе теплый воздух, так и в устройстве животных не более дивлюсь слону за его величину, чем мыши, потому что она страшна и для слона, или самому тонкому жалю скорпиона, которое Художник сделал пустым, как свирель, чтобы чрез него вливался яд в уязвленных.

И никто не ставь в вину Творцу, что Он произвел животных ядовитых, разрушительных и враждебных нашей жизни. Иначе станет кто-нибудь винить и пестуна, что он удобоподвижность юности приводит в порядок ударами и бичами уцеломудривает продерзость. Звери делаются и доказательством веры. Веришь ли Господу сказавшему: *на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия.* (Пс. 90, 13)? И по вере имеешь ты

власть попирает змей и скорпионов. Разве не знаешь, что ехидна прикоснувшись к Павлу, когда он собирал хворост, не сделала ему никакого вреда, потому что святой нашелся исполненным веры (Деян. 28, 3–6)? А если не имеешь веры, то бойся не зверя, а своего паче неверия, чрез которое сделал ты себя от всего удоборазрушаемым.

Но давно чувствую, что спрашиваете меня о сотворении человека, и кажется, почти слышу вопиющих слушателей: мы трудимся над изучением природы принадлежащего нам, а не знаем самих себя. Итак необходимо сказать о сем, отразив от себя удерживавшую нас доселе медленность. Ибо в самом деле, всего кажется труднее познать самого себя. Не только глаз, рассматривающий внешнее не может быть употреблен к рассмотрению самого себя, но и самый ум наш, проницательно усматривающий чужую погрешность, медлителен в познании собственных своих недостатков. Посему и теперь слово наше, с такою проницательностью описывавшее чуждое, слабо и медлительно к исследованию собственного, хотя к познанию Бога не столько ведет небо и земля, сколько собственное наше устройство, если кто благоразумно испытает сам себя, как говорит пророк: *удивися разум Твой от мене* (Пс. 138, 6), то есть, рассмотрев самого себя, познал я превосходство Твоей премудрости.

И рече Бог, сотворим человека (Быт. 1, 26). Где иудей, который, когда и выше, как бы чрез некоторые окна, просиявал свет Богословия, и второе Лице, хотя показывалось таинственно, но не являлось ясно, восставал против истины и утверждал, что Бог Сам с Собою беседует? Он говорит: Бог Сам сказал, Сам и сотворил. *Да будет свет, и бысть свет*. И тогда в словах иудея легко было открыть несообразность. Ибо какой кузнец, или плотник, или сапожник, сидя один с орудиями своего ремесла, когда никто не разделяет с ним труда, скажет сам себе: сделаем нож, или сколотим плуг, или сошьем башмак? Напротив того, не молча ли он окончит требуемую от него работу? Подлинно странное пустословие — утверждать, что кто-нибудь сидит и сам себе приказывает, сам над собою надзирает, сам себя понуждает властительно и настоятельно. Но не убоявшиеся клеветать на самого Господа, чего не могут сказать, имея язык обученный во лжи? Однако же настоящее речение совершенно заграждает им уста. *И рече Бог: сотворим человека*. Скажи мне: неужели и теперь одно Лице? Не написано: да будет человек, но — сотворим человека. Пока не являлся еще ученик, проповедь Богословия скрыта была в глубине. Но, когда уже ожидаемо стало сотворение человека, обнажается вера, и очевиднее открывается догмат истины. *Сотворим человека*. Слышишь, христородец, речь обращена к Участвующему в мироздании, к Тому, *Имже и веки сотвори, Имже носит всяческая глаголом силы Своя* (Евр. 1, 23)!

Но иудей не в безмолвии принимает слово благочестия. А как самые человеконенавидящие звери, когда заключены в клетки, грызут колки, и хотя выказывают тем лютость и неукротимость своей природы, однако же не могут привести в исполнение своей ярости, так и враждующий против истины род — иудеи, будучи стеснены, говорят: много лиц, в котором было Божие слово. Ибо Ангелам, предстоящим Ему, говорит: *сотворим человека*. Иудейский вымысел, иудейскому только легкомыслию свойственное баснотворство! Чтобы не принять одного, вводят тысячи, и отвергая Сына, достоинство советодательства приписывают служителям, подобных нам рабов делают властелинами нашего сотворения. Усовершенствовавшийся человек возводится в достоинство ангельское. Но какое создание может быть равно Создателю?

Рассмотри и последующие слова: *по образу Нашему*. Что скажешь на сие? Не один ли образ у Бога и ангелов? У Сына и у Отца, по всей необходимости, тот же образ, если только разуметь образ боголепно, то есть состоящим не в телесном очертании, но в Божественном свойстве. Слушай и ты, который принадлежишь к новому обрезанию, и в

христианстве берешься защищать иудейство. Кому говорит: *по образу Нашему?* Кому иному, как не *Сиянию славы и Образу ипостаси Его* (Евр. 1, 3), *Иже есть образ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15)? И так, говорит собственному Своему Образу, Образу живому, вещающему: *Аз и Отец едино есма* (Ин. 10, 30), и: *видевый Мене, виде Отца* (Ин. 14, 9). Ему говорит: *сотворим человека по образу Нашему*. А где образ один, там может ли быть неподобие?

И сотвори Бог человека (Быт. 1, 27). Не — сотворили. Здесь Моисей избежал множественности лиц. Первым вразумляя иудея, а последним исключая язычество, он безопасно возвратился к единству, чтобы ты вместе с Отцем разумел и Сына и избег опасности многобожия.

Во образе Божии сотвори его. Опять вводит лице Содейственника. Ибо не сказал: во образе Своем, но во образе Божиим. В чем же человек имеет образ Божий и как участвует в подобии, о сем, если даст Бог, будет сказано в следующих беседах. Теперь же скажем только: если образ один, откуда пришла тебе мысль так нестерпимо нечестновать и говорить, что Сын не подобен Отцу? Какая неблагодарность! Сам ты сделался причастником подобия и сего-то подобия не приписываешь Благодетелю! Данное тебе по милости почитаешь собственно себе и навсегда принадлежащим, а Сыну не позволяешь иметь естественно Ему принадлежащего подобия с Родившим!

Однако вечер, давно уже приведший солнце на запад, предписывает нам молчание! Посему и мы упокоим здесь слово, удовольствовавшись сказанным. Ибо ныне коснулись мы слова, сколько сие нужно было к возбуждению вашей ревности, и совершеннейшее исследование сего предмета, при содействии Духа, предложим в следующих беседах.

Идите же с радостью вы, христолюбивая церковь, и вместо дорогих припасов, вместо разнообразных приправ, украсьте честные свои трапезы припоминанием сказанного! Да постыдится аномей, да посрамится иудей, да увеселяется догматами истины благочестивый; да славится Господь! Ему слава и держава во веки веков. Аминь!

[1] *Λαχανα αγρια*. Сими словами переводит Св. Василий оставленное без перевода у Семидесяти Еврейское слово *Αριοθ*.

[2] Так называется однолетняя трава, известная также под именем: *царский скипетр*.

Святой Василий Кесарийский о сотворении человека

(X и XI беседы на Шестоднев)

Аннотация к беседам, публикуемым на русском языке

Две проповеди-беседы святого Василия Великого, епископа Кесарийского, «О сотворении человека» публикуются на русском языке впервые. Однако они не представляют собой совершенно нового открытия. Патриотическая традиция знала и бережно передавала их из века в век в многочисленных рукописях. Уверенности же

относительно авторства этих бесед не было: одни издатели приписывали их Василию Великому, другие — его брату, святому Григорию Нисскому. В конечном счете, авторство стали приписывать последнему на основании замечания святого Григория Нисского, который в предисловии к своему сочинению «Об устройении человека» говорит, что в «Шестодневе» его брата Василия «недостает рассуждения о человеке», и при этом дает понять, что он сам намерен восполнить этот пробел. В самом деле, девятую беседу своего Шестоднева, которая до сих пор считалась последней, святой Василий Великий заканчивает словами: «В чем же состоит факт подобия человека Богу? Вот о чем, если Бог поможет мы будем говорить в следующих беседах». Вскоре после этого он умер (1 января 379 г.), а его Шестоднев в составе девяти проповедей, продолжал распространяться в том же объеме. На этом основании, да еще благодаря замечанию Григория Нисского, у части позднейших издателей сложилось убеждение, что великому поборнику православного вероучения так и не удалось исполнить своего обещания.

Установлением авторства этих произведений в течение нескольких лет занимались французские ученые — патрологи Алексис Сметс и Мишель ван Эсбрёк. Они всесторонне исследовали сохранившиеся тридцать три наиболее древние рукописи (X–XIV вв.), отыскиали следы этих произведений в патристической литературной традиции и неопровержимо доказали, что их подлинным автором является святой Василий Великий, епископ Кесарийский.

Авторы исследования А. Сметс и М. ван Эсбрёк считают причиной раздельного существования первых девяти бесед под названием «Шестоднев» и двух последующих «О сотворении человека» болезнь автора, на которую святой Василий ссылается в начале 10-й беседы: «Я приступаю к тому, чтобы сполна уплатить старый долг; возврат его я задержал не по злему умыслу, а из-за телесной немощи». Естественно предположить, утверждают исследователи, что, когда появились последние две беседы, первые уже были изданы отдельным сборником.

Знал ли святой Григорий Нисский о существовании этих двух проповедей своего брата? Исследователи отвечают на этот вопрос утвердительно. Так почему же он замалчивал их? Французские патрологи видят причину этого в исторической ситуации 70-х — 80-х годов IV века, в острой идейной борьбе между защитниками Православия во главе с Василием Великим, а после его смерти — Григорием Нисским и поборниками арианской ереси, предводительствуемыми арианским ритором Евномием. По тактическим соображениям в ходе этих событий святой Григорий Нисский счел нужным выступить с собственным трактатом на ту же тему.

Однако эти два произведения святого Василия Великого не погибли. Сохранились и несомненные доказательства его авторства: в целом ряде манускриптов, причем наиболее древних и наименее подверженных произвольным стилистическим и доктринальным ретушировкам, эти две проповеди воспроизводятся с указанием авторства святого Василия Великого и обычно следуют под номерами 10 и 11 сразу же за «Шестодневом», либо выступают как самостоятельное произведение. В пользу его же авторства свидетельствуют упоминания об этих произведениях в разной форме у Прокопия из Газы (VI в.), в *Loci communes* (авторство спорное; Максим Исповедник, ум. 662 г.; Иоанн Дамаскин, ум. ок. 749 г.; Антоний Мелисса, XI век), у патриарха Константинопольского Никифора (ум. 829 г.). Полностью воспроизведены эти сочинения под именем святого Василия, хотя и с соответствующими доктринальными подчистками, в Антологии иконоборческого Собора 815 года.

В ряде древних рукописей, после заголовка к этим двум произведениям, помещен краткий комментарий по поводу отношения издателя к вопросу об авторстве. Вот один из них: «Необходимо знать, что эти две беседы некоторыми ставятся под сомнение: принадлежат ли они Василию Великому? Если верить покойному Феодору Студиту и его доказательствам, то следует признать, что они действительно принадлежат этому знаменитому Отцу. Как бы то ни было, их надо сохранять и почитать, потому что благодать Святого Духа действует во всех святых». Принадлежность девяти бесед «Шестоднева» двух проповедей перу одного автора убедительно доказывается также единством стиля, Композиции этих произведений, приемов обращения к аудитории и т. д., что мастерски анализируется в исследовании А. Сметса и М. ван Эбброэка.

Патрологическое исследование А. Сметса и ван Эбброэка, опубликованное в серии «Христианские источники» (№ 160, Париж, 1970) устранило всякие сомнения относительно их принадлежности святому Василию Великому.

В издании взятом для настоящего перевода («ЖМП», № 1, с. 29–30, и №3. с. 33), каждой беседе предшествует план, написанный на греческом языке, и подзаголовки издателей к главам каждой беседы — на французском языке. Приводим их русский перевод:

ПЛАН ПЕРВОЙ БЕСЕДЫ

Вступление.

О необходимости познания самого себя (1). Чудо тела (2).

Сотворим человека (Быт. 1, 26). «Сотворим»: божественное размышление (3). «Сотворим»: выражение тринитарного богословия (4).

По образу Нашему (Быт. 1, 26).

Не должно быть грубых представлений о Боге (5). По образу человек благодаря разуму (6–7).

Да властвуют (Быт. 1, 26). Дарование власти (8). Превосходство над животными (9–10).

И сотворил Бог человека (Быт. 1, 27). И благословил их Бог, и сказал им Бог: растите и размножайтесь (Быт. 1, 28).

Человек; его возрастание и размножение (11–14).

По образу Божию сотворил его (Быт. 1, 27). Образ и подобие (15–16). Подобие через христианство (17).

Мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 27). Женщина также по образу Божию (18).

И да властвуют (Быт. 1, 26). Нравственные выводы (19).

ГЛАВЫ ПЕРВОЙ БЕСЕДЫ

1. В предыдущих беседах святой отец пообещал преподать нам, что значит «человек по образу» и как он участвует в подобии. После некоторого перерыва он припоминает свое обещание и говорит: «Я приступаю к тому, чтобы сполна уплатить старый долг».

2. В предыдущей беседе он показал, что Отец сказал Сыну: «Сотворим человека по образу Нашему».

3. Об Отце, Сыне и Святом Духе, — слава которых едина.

4. Что значит «по образу Божию»?

5. Бог познается не по внешней форме, но по силе.

6. Не от формы тела зависит наше бытие «по образу», но тленное обязано своей формой нетленному.

7. Сравнение, в отношении тела, человека с верблюдом и дикими животными.

8. Нам была дана власть господства.

9. Владычество над морскими животными дано было нам в первую очередь.

10. Дельфины и их покорность.

11. Человеческая изобретательность.

12. Лев и его ловец.

13. Пантеры, которыми забавляется человек.

14. Птицы.

15. Орел.

16. Пресмыкающиеся.

17. Подобно возрастанию прочих животных, человек начинает с малого и достигает полноты роста.

18. Пределы роста.

19. Деление земли на три части: одна — для жительства, другая — для сельского хозяйства, третья — под пастбища четвероногим.

20. Бытие по образу и подобию. Первым обладаем мы в силу творения, второе приобретаем усилием воли.

21. Как мы становимся по подобию.

22. Женщина: она тоже обладает бытием по образу, как и мужчина.

23. Как мы уподобляемся Богу.

24. Опровержение тех, кто утверждает, что в нас нет диких зверей.

25. Как властвовать над страстями и дикими зверями, которые в нас.

ПЛАН ВТОРОЙ БЕСЕДЫ

Вступление.

Ничтожество и величие человека.

И создал Господь Бог человека из праха земного (Быт. 2, 7) .

Сотворение и лепка (3–4).

И благословил их Господь: плодитесь и размножайтесь (Быт. 1, 28).

Возрастание и размножение (5).

Вот Я дал вам всякое дерево, приносящее плод (Быт. 1, 29).

Растительный рай (6–7).

И почил Господь в день седьмый (Быт. 2, 2). Отказ от языческих теорий о седмице (8). Седмица в Писании (9). Седмица и отпущение грехов (10). Седьмой день и последнее пришествие (11).

И взял Господь от праха земли (Быт. 2, 7).

Земная сущность человека (12–13).

И создал Господь Бог человека (Быт. 2, 7).

Божественная лепка не сходна с работой скульптора (14). Строение человеческого тела (15). Чудо глаза (16).

Заключение.

ГЛАВЫ ВТОРОЙ БЕСЕДЫ

1. Сравнение между происхождением человека и происхождением света..
2. Для неразумных существ слово «возрастайте» было сказано в смысле телесного совершенствования, для нас же — в отношении человека внутреннего.
3. Даже плотоядные питались некогда плодами земными.
4. Коршуны обычно питаются трупами.
5. Врачи, лечащие больных сообразуясь с райским режимом, запрещают обильную пищу и излечивают болезнь при помощи плодов и зерна.
6. О математике и тех, кто предается наукам подобного рода.
7. Седьмой день, то есть суббота.
8. Восьмой день — день Господа или день Суда.
9. День будущего века и что в сей день совершится.
10. Дела земные будут оставлены в тот день.
11. Памятование, что мы рождены от праха, сковывает гнев.
12. О гордых и тщеславных.
13. Строение неразумных существ и строение человека.
14. Глаз и его внутренние оболочки.
15. Веки и защитники (глаза).
16. Брови и их роль.
17. Ограда бровей, сравнение с виноградником.

Беседа 10

Святого Василия Кесарийского беседа первая о сотворении человека «по образу...»

[1]

1. Я приступаю к тому, чтобы сполна уплатить старый долг, возврат его я задержал не по злему умыслу, а из-за телесной немощи. Долг же этот в высшей степени необходим

и важен для вашего просвещения. Было бы несправедливо, получив сведения о животных, о тех, кто плавает, пасется, летает, о небе и о том, что к нему относится, о земле и о том, что на ней, в то же время не быть просвещенным — через Богодухновенное Писание — в вопросе о нашем происхождении. Подобно тому, как паши глаза смотрят во внешний мир и не видят самих себя, если не встречаются чего-либо гладкого и твердого, когда отраженный там взор, будто при отливе, позволяет видеть то, что находится на дне, так и наш разум не может созерцать себя, если не обратится к Писанию. Отраженный там свет побуждает каждого из нас к самопознанию. Если наш разум неразвит, если мы не вдумываемся в строение своего существа, то мы не знаем, кто мы и почему существуем. Мы относимся к самим себе с величайшим пренебрежением, не имея представления о том, что доступно познанию, не зная того, самого малого, что заключено в нас.

2. Многие труды с превеликим усердием написаны о нашем теле, теле человеческом.

Если ты интересуешься медициной, то обнаружишь, как много говорит она о действии того, что (заключено) в нас; сколько скрытых путей в нашем организме она обнаружила при анатомических опытах! Она выявила невидимые протоки, согласованность органов тела в процессе дыхания, дыхательные пути, кровеносные сосуды, протяженность вдоха, очаг тепла у сердца, непрерывное дыхательное движение в околосердечной области. Тысячи исследований в этой области привели к науке, в которой никто из нас не сведущ, так как этой сфере не уделялось никакого внимания, и никто не знает, что он, человек, сам собой представляет. Мы склонны изучать небо тщательнее, чем себя самих. Не пренебрегай же чудом, заключенным в тебе. Ты убежден в своей незначительности, но дальнейшее рассуждение раскроет твоё величие. Вот; почему мудрый Давид, прекрасно умеющий познавать самого себя, сказало «Дивно познание Тебя через меня» (Пс. 138, 6). Чудесным образом я пришел к познанию Тебя. Каким же образом через меня? Дивно познание Тебя через меня. Познавая всю свою сложность и то, с какой мудростью устроено мое тело, а через это крохотное создание постиг великого Творца.

3. «Сотворим человека по образу Нашему и то подобию» (Быт. 1, 26). Ранее, между прочим, было указано, и притом вполне основательно, что это за слова и к кому они обращены. Церковь дает им объяснение, более того, она имеет веру, которая сильнее объяснения. «Создадим человека». Именно с этого момента и начинай познавать себя. Такие слова не были обращены ни к одному из созданий. Появился свет, а повеление было простым, Бог сказал: «Да будет свет!» Возникло небо, но без волеизъявления. Стали существовать светила, но не было предписания в отношении их. Моря и бескрайние океаны были вызваны к бытию приказом. По приказу же появились разного вида рыбы. То же и с животными, дикими и приученными, плавающими и летающими: сказал — и они родились. Но тогда не было ни человека, ни волеизъявления о человеке. Он не сказал, как об остальных: «Да будет человек!» Осознай же своё достоинство. Он не провозгласил твоё появление приказом, но выразил размышление Бога о том, как предстоит появиться в жизни достойному существу. «Сотворим!» Мудрый размышляет, Творец обдумывает. Разве Он оставляет без внимания искусство? Не стремится ли Он со всей заботливостью сделать Свое любимое творение совершенным, законченным и прекрасным? Не хочет ли Он показать тебе, что ты совершенен в глазах Бога?

4. Ты узнал, что есть два лица: Говорящий и Тот, к Кому обращено слово. Почему Он не сказал: «Сотворю», но «Сотворим человека»? Чтобы ты познал высшую власть; чтобы, признавая Отца, ты не отверг Сына; дабы ты ведал, что Отец сотворил через Сына, а Сын создал по велению Отца; чтобы ты прославил Отца в Сыне и Сына — в Святом Духе. Таким образом, ты родился как общее творение, чтобы стать общим почитателем

Того и Другого, не проводя разделения в почитании, но относясь к Божеству как к единому. Обращай внимание на внешний ход истории и на глубокий внутренний смысл Богословия. «И создал Бог человека. — Создадим!» И не сказано: «И создали», чтобы у тебя не было основания впасть в многобожие. Если бы лицо было по своему составу множественным, то у людей было бы основание сделать себе множество богов. Теперь же выражение «создадим» употреблено, чтобы ты познал Отца и Сына и Святаго Духа.

«Бог создал человека», чтобы ты признавал (уразумел) единство Божества, не единство Ипостасей, а единство в силе, чтобы ты прославлял Бога единого, не делая различия в поклонении и не впадая в многобожие. Ведь не сказано «сотворили боги человека», но «сотворил Бог». Особая Ипостась Отца, особая — Сына, особая — Духа Святаго. Почему же не три Бога? Потому что Божество одно. Какое Божество я созерцаю в Отце, такое же — в Сыне, и какое в Духе Святом, такое же — в Сыне. Поэтому образ (μορφή) в Обоих один, и власть, исходящая от Отца, остается той же в Сыне. Вследствие этого наше поклонение, а также и прославление одинаковы. Предвестие нашего создания — это истинное Богословие.

5. «Сотворим человека по образу и по подобию Нашему». По образу Бога мы созданы. Как же именно по образу Бога? Очистим свое грубое сердце, невоспитанное восприятие, отбросим невежественные представления о Боге. Если мы сотворены по образу Бога, как об этом сказано, то и строение (συνστροφος) у нас то же самое. У Бога есть глаза и уши, голова, руки, седалищная часть, — ведь и говорится в Писании, что Бог восседает, — также ноги, на которых Он ходит. Разве Бог не таков? Но устрани из сердца непотребные выдумки (представления). Отбрось от себя мысли, не соответствующие величию Бога. Бог не имеет очертаний (ασχηματιστος), Он прост (απλους). Не фантазируй насчет Его строения; не преуменьшай на иудейский манер Того, Кто велик; не замыкай Бога в свои телесные представления; не ограничивай Его мерой своего ума. Он неограничен в Своем могуществе. Подумай о чем-нибудь великом, прибавь к этому большее по сравнению с тем, о чем ты подумал, а к этому — еще более великое и убедись, что в своих рассуждениях (мудрствованиях) ты никогда не достигнешь того, что бесконечно. Не пытайся представить Его внешние очертания (αχημα) — Бог познается в могуществе, природа Его проста, величие неизмеримо. Он присутствует везде и над всем избыточествует; Он неосязаем, невидим. Он — то, что ускользает от восприятия твоего разума; Он не ограничен величиной, не имеет (досл.: не охвачен) внешних очертаний, не соразмерен никакой силе, не связан временем, не заключен ни в какие границы. К Богу не приложимо то, что приложимо к нам.

6. В каком же все-таки смысле Писание гласит, что мы созданы по образу Бога?

Давайте исследуем то, что относится к Богу, и мы познаем то, что касается нас, а именно, что мы не имеем образа Божиего, если понимать его в телесном смысле. Внешние очертания бывают (лишь) у тела, подверженного гибели. Не может в смертном заключаться бессмертное, и смертное не может быть образом бессмертного. Тело увеличивается, уменьшается, стареет, изменяется; оно одно в молодости, другое в старости; одно в добром здоровье, другое в болезнях; одно в страхе, другое в радости; одно в довольстве, другое в нужде; одно в мире, другое в битве. Разный цвет лица у бодрствующего и у спящего: у первого появляется яркий румянец из-за прилива теплоты к поверхности, у второго теплота уходит внутрь, именно поэтому цвет тела у спящих бледноватый.

Как же может изменяющееся быть подобным неизменному? То, что всегда остается одним и тем же, уподобится ли тому, что никогда не является устойчивым? Телесное

убегает от нас, как нечто текучее, — прежде чем его увидишь, оно ускользает; вместо одного оно оказывается Другим. «По образу Нашему». Неподвижной природы текущий образ? Оформившийся образ бесформенного? Как нам узнать, что значит «по образу»? Из того, что сказал Сам Господь. Если я говорю что-либо от себя, не принимайте; если же я говорю как посланец Господа, примите.

«Сотворим человека по образу Нашему и по подобию, и да владычествует он над рыбами». Телом или разумом? В чем основа власти: в душе или в плоти? Плоть у нас слабее, чем у многих животных. Какое может быть сравнение по плоти между человеком и верблюдом, человеком и быком, человеком и каким-либо диким зверем? Человеческая плоть легче ранима по сравнению с плотью животного.

Однако в чем же основа власти? В превосходстве разума. Насколько (человек) уступает в телесной силе, настолько превосходит устройством разума. При помощи чего человек перемещает огромные тяжести? При помощи разума или физической силы?

7. «Сотворим человека по образу Нашему». О внутреннем человеке сказано: «Сотворим человека». Однако ты скажешь: «Почему Он не говорит нам о разуме?» Он сказал, что человек (создан) по образу Божию. Разум — это человек. Послушай, что говорит апостол: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний *со*, дня на день обновляется». Каким же образом? Я различаю двух людей: одного, кто появляется, и другого, кто скрывается под появившимся, т. е. невидимого; это человек внутренний. Итак, в нас есть внутренний человек, и мы в некотором смысле двойные и, сказать по правде, мы есть бытие внутреннее. «Я» — говорится о человеке внутреннем. То, что находится вне (меня), — это не лично «я», но это «мое». Рука — это не «я», но «я» — это разумное начало души. Рука же — часть человека. Поэтому тело — это (как бы) орудие человека, орудие души; словом «человек» обозначается душа как таковая.

«Создадим человека по образу Нашему», т. е. дадим ему превосходство в разуме.

8. «И пусть владычествует». Не сказано: «Создадим человека по образу Нашему, и пусть они (люди) проявляют свою страсть, желание, скорбь». Не страсти заключены в образе Божиим, а разум, владыка страстей. «И да владычествуют они над рыбами». Едва ты был сотворен; как уже сотворен быть владыкой. «И да владычествуют...» Получив от императора власть на один год, как человек от человека, смертный от смертного, приняв (ее) от неимущего, какую власть души приобретает человек? Ты же получил от Бога (власть), которая не записана на дощечках или листах, обреченных на съедение червям, но (сама) природа несет в себе Божественное слово: «Да владычествуют», — и в этом все, касающееся человеческой власти.

«Пусть владычествуют над рыбами, зверями земными, птицами небесными, скотом, гадами, ползающими по земле». Он не сказал: «Создадим человека по образу и по подобию Нашему, и пусть едят они (люди) от всякого плодового дерева, имеющего на себе плоды». На второе место нужно ставить относящееся к телу, на первое — относящееся к душе.

Главное, что тебе предназначено, — это сила власти. Ты человек, существо, которое властвует. Почему же ты поработаешься страстями? Почему пренебрегаешь своим достоинством и становишься рабом греха? Почему превращаешь себя в достояние диавола? Ты призван быть владыкой твари, но отбрасываешь благородство своей природы.

«Рабом ли ты призван?» (1 Кор 7, 21) Почему тебя огорчает рабство тела? Почему ты не ценишь данной тебе от Бога власти, того, что у тебя есть разум, владыка страстей? Когда ты видишь, что твой владыка (разум) является рабом наслаждения, а ты сам раб своего тела, то знай, что ты раб только по названию, а он (разум) обладают (тогда) чисто номинальной властью, на самом же деле находится в сугубом рабстве. Ты видишь, как он влачит свое существование с блудницей; разве ты не господин страсти, а — не раб отвергнутых тобою наслаждений?

Поэтому «Сотворим человека, и пусть они владычествуют» (означают): где сила власти, там и образ Божий.

9. «Да владычествуют они над рыбами». Прежде всего нам дана власть над живущими в иной сфере. Он не сказал: «Да владычествуют они над домашними животными», но «над рыбами»: ведь вода — их стихия. Власть над рыбами дана нам прежде всего.

И как же мы властвуем над рыбами?

Вероятно, ты замечал, появляясь около пруда, как твоя тень приводила все в замешательство. Не так ли и глава семейства, когда в доме беспорядок, своим внезапным появлением водворяет спокойствие, и одно лишь присутствие властителя все приводит в порядок? А как морская тварь при появлении одного человека изменяет свое поведение (то *σχημα*)? Она уже не предается беспечной игре, не осмеливается выплыть на поверхность моря или пруда.

Когда дельфин видит где-нибудь поблизости человека, то, будучи самым царственным из морских животных, испытывает страх. Вот каким образом дана человеку власть над плавающими существами. Разве ты не видишь, что твой разум все постигает и все одолевает; так почему же тебе не властвовать над морскими существами?

Я наблюдал человеческую изобретательность; видел, как делают устройство из крючков, насаживают на них приманку, соответствующую размерам тех существ, которые будут ее заглатывать. Затем к верхним концам веревок, к другим концам которых подвешены крючки, привязывают надутые воздухом бурдюки и оставляют их плавать на поверхности моря. Морские чудовища набрасываются на приманку и заглатывают скрытые в ней крючки, а затем увлекают бурдюки в пучину. Поскольку по своей природе бурдюки стремятся подняться, они (чудовища) снова всплывают на поверхность. Будучи пронзенными своей собственной пищей, они прыгают вверх и вниз в неистовстве; таким образом они бороздят пучину, проплывая бесконечные воды, напрасно предпринимая великий труд: в конце концов, они становятся жертвой упомянутого крючка. Укрошенные болью, изнуренные голодом и, наконец, издохшие, они тащатся за бурдюками и делаются добычей рыбаков. Маленькому достается великое, бессильному — огромное.

Почему?

Потому, что человек благодаря превосходству разума получил возможность владычествовать: точно беглых рабов он приводит непокорных к повиновению. Тех, кого нельзя привлечь кротостью, он подчиняет принуждением. Таким образом, человек повсюду может осуществлять свою власть, данную ему Самим Богом. Поэтому меч-рыба, молот-рыба, кит, пила-рыба, морская корова и все морские чудовища, носящие страшные имена, оказались под властью человека.

10. «Пусть они владычествуют над рыбами морскими и зверями земными». Не видел ли ты свирепого и рычащего льва, даже имя которого невыносимо, чей рев приводит землю в трепет? У кого найдется столько выносливости, чтобы выдержать его натиск? Никакое животное не полагается на свое превосходство в силе, чтобы противостоять нападению льва, однако ты видишь, как его заключили в тесную клетку.

Кто заключил его? Кто изобрел маленькую тюрьму для большого зверя? Кто расчетливо оставил узкое расстояние между деревянными прутьями, как отдушину, чтобы животное не задохнулось от собственного дыхания, имело свободный приток воздуха и чтобы одновременно была обеспечена безопасность? Кто, как не человек? Из самых опасных зверей он делает забаву. Не забавляется ли человек с пантерами, выставя картонный манекен, изображающий человека, и когда пантера терзает картон, не смеется ли спрятавшийся под ним человек над глупостью зверя? Не надо всем ли властвует человек благодаря своему превосходству? А что сказать тебе о тех, кто летает? Конечно, человек не поднимается на воздух, но он (как бы) летает наравне с пернатыми благодаря силе разума. Ничто не ограничивает его разум, он исследует то, что в глубине морской, охотится за тем, что на земле, уловляет то, что в небе.

А не видел ли ты когда-нибудь, чтобы птица, сидя на кончике ветки, насмехалась над людьми, полагаясь на быстроту своих крыльев? Равным образом можно наблюдать, как забавляется ребенок: он насаживает один тростник на другой, смазывает кончик смолой, скрывает все это в листе и ветках, а сам устремляет свой взор вверх; едва коснувшись тростника, птица оказывается в его руках. И вот такого воздухоплателя, существо, которое летает, несомое эфиром, он уносит, поймав при помощи небольшого количества смолы. Человек внизу, рука его тоже внизу, но мысль устремляется ввысь, и благодаря искусству все доступно человеку.

Он расставляет сети пернатому племени; он берет лук и стреляет в то, что летает; с помощью приманок он захватывает свирепых животных. Разве ты никогда не видел, как орел стремительно бросается на свою добычу, а затем запутывается в сетях на земле? Вот так житель высот спускается на землю, будучи привлечен приманкой, изобретенной человеком. Бог все подчинил человеческой руке; завершая Свое творение, Он не лишил человека права господства. Не говори: «Насколько превосходят меня те, кто летает по воздуху!» Благодаря твоему разуму и они подчинены твоей власти.

«И да владычествуют они над гадами, пресмыкающимися по земле». Видишь, что значит быть созданным по образу Божию?

11. «И сотворил Бог человека». Так что же такое человек? Сделаем заключение на основании того, что узнали и услышали. У нас нет нужды заимствовать чуждые определения и к рассуждению об истине примешивать нечто суетное.

Человек есть разумное творение Бога, созданное по образу его Творца. Если что в этом рассуждении упущено, то те, кто потратил (силы) на постижение преходящей мудрости, пусть займется исследованием. Человек создан по образу Бога.

12. И благословил Бог человека, и сказал: «Растите, размножайтесь и наполняйте землю». Таким же было и благословение рыбам: «И сказал Бог: Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую, и стало так». А затем Бог сказал: «Растите, размножайтесь и заполните землю». Так что же больше? Безусловно, благословение это охватывает то, что у тебя общее (с тварями), и то, что остается как твое собственное. Ты ведь растешь, как остальные живые существа, и, будучи сначала маленьким, постепенно

прибавляя в росте, достигаешь его полноты. То же (происходит) с лошадьми, собаками, орлами, лебедями и со всеми, кого бы ты ни назвал: будучи крохотными в начале беременности, они, постепенно прибавляя в росте, достигают его предела; затем рост идет на спад и они становятся меньше. Именно в этом (у нас с ними) природная общность, которой (Бог) нас одарил.

13. «Растите», т. е. набирайте рост (τρεφεσθε). Родившись маленькими, делайтесь большими и достигайте предельного роста. Ведь если мы возрастаем в первом семилетии, растем и во втором, то это вовсе не значит, что мы должны одинаковым образом изменяться каждое семилетие на протяжении всей нашей жизни.

Первое семилетие охватывает детский возраст. Граница детского возраста ясна: это — смена зубов. Одни выпали, другие выросли взамен. Подростковый возраст — это второе семилетие, тянущееся до исполнения 14 лет: сначала ребенок, потом подросток. Далее, отсчитывая от 14 лет, юноша, затем муж. Таковы границы роста. Итак, «растите». Ты можешь достигнуть ста лет, но рост не будет продолжаться с первого года до сотого. Однако это мудро сказанное слово содержит промысл о нашем устроении. «Растите!» Но до каких пор? Нет меры роста. Одновременно с образованием плода в утробе матери, в нем оказываются заложенными и принципы возрастания. Каждый возраст после того уже не несет в себе чего-то нового. В материнском чреве зародыши получают все необходимые для возрастания элементы. Выпали зубы — и мы узнали, что рост достиг известного предела. Отец измеряет своего трехлетнего ребенка, зная, что рост его к концу этого периода удвоится. Ведь он будет вдвое выше по сравнению с тем, каким был в 3 года. Завершится этот период возрастания, снова удвоится его рост. Таково измерение человеческой природы до конца ее развития, до перехода от первого семилетия ко второму. В это время (телесное) тепло увеличивается, фигура делается стройнее, размягченность исчезает, члены становятся сильнее. Люди находятся в начале сильной юности, но еще не достигли ее полноты. Тело их еще не совсем окрепло и не приспособлено к тяжелому труду. В это время человек обладает легкостью и подвижностью. В третьем семилетии оно достигает предельного роста; тело еще вытягивается в длину.

После третьего семилетия, когда природа, устав от роста вверх, приходит в себя, начинается увеличение (тела) вширь, и то, что вытянулось вверх, как бы получает поддержку с боков, утолщается, и все части тела делаются сильными. Так поступает природа согласно своему расположению (ακολουθία). Произошло же это с самого начала по воле Господней, и то, что было некогда положено в основание, пронизывает все творение до самого конца.

14. «Растите и размножайтесь». «Растите», чтобы творение не было ограничено каким-либо одним состоянием. «Размножайтесь», — поскольку творение направлено не на одного человека, а на многих людей. «И наполните землю». «Наполните» не значит просто «населите», ибо мы жили бы в тесноте, раз земля, составляющая пределы нашего обитания, имеет такие (ограниченные) размеры; но (имеется в виду) наполните своим могуществом, которое Он даровал нам для господства над землею.

«Наполните землю»; конечно, не землю выжженную, необработанную, замерзшую, непроходимую. Разумеется, не такую землю люди вынуждены наполнять, но Он сделал так, что мы наполняем ее как повелители и наполняем ее по (определенному) замыслу. Но, изучая пространства выжженной и ненаселенной земли, протяжность северной страны, которая из-за чрезмерного холода не поддается обработке и бесполезна, разве мы тем самым не наполняем землю? Выбрав себе то, что полезно, не отбрасываем ли мы то,

что людям в жизни бесполезно? Поэтому (выражение) наполните землю» сделало нас повелителями. И дело совсем не обстоит так, что, раз мы не извлекаем пользы со всей (земли), то, значит, и не властвуем над всей (землей). Купив хлеб, не являешься ли ты владельцем всего этого хлеба, даже если часть его съедобна, а часть в пищу не годится? Не выбрасываешь ли ты камни, так как от них нет пользы? И если к пище примешается еще что-нибудь негодное, то не отвеешь ли ты мякину, не удалишь ли плевелы, не отберешь ли то, что по своему качеству годится для поддержания жизни? Так же и с землей: одна, лучшая, считается благоприятной для заселения, другая признается подходящей для обработки, остальную отводят для прокорма четвероногих.

Скажи мне, могу ли я устроить (все) по своему желанию, раз по дару создавшего меня Господа я родился властелином?

«И наполните, и да владычествуйте над рыбами морскими, птицами небесными, зверями земными». Вот благословение, вот законодательство, вот достоинство, данное нам от Бога.

15. «И создал Бог человека; по образу Божию создал его». Не заметил ли ты, что это свидетельство неполное? [2] «Создадим человека по образу Нашему и по подобию». Это волеизъявление содержит два элемента: «по образу» и «по подобию». Но созидание содержит только один элемент. Решив, одно, не изменил ли Господь Свой замысел? Не возникло ли у Него в ходе творения раскаяние? Не проявляется ли в этом немощь Творца, раз Он замышляет одно, а делает другое? — Или это суесловие? Может быть, это то же самое, что и: «Создадим человека по образу и по подобию»; ведь здесь Он сказал «по образу», но не сказал «по подобию». Какое бы объяснение мы ни выбрали, наше толкование написанного было бы неверным. Если речь идет об одном и том же, то не стоило бы дважды повторять одно и то же.

Заявлять, что в Писании находятся пустые слова, — опасное богохульство. Да и на самом деле (Писание) никогда не говорит (ничего) пустого.

Итак, неоспоримо, Что человек создан по образу и по подобию.

Почему не сказано: «И создал Бог человека по образу Божию и по подобию». Что же, Создающий бессилен? — Нечестивая мысль! Что же, Устроитель раскаялся? Рассуждение еще более нечестивое! Или Он сначала сказал, а потом переменял мнение? — Нет! Писание не говорит этого; Творец не бессилен и решение не было пустым. Так какой же смысл в умолчании?

16. «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию». Одно мы имеем в результате творения, другое приобретаем по своей воле. При первоначальном творении нам даруется быть рожденными по образу Божию; своей же волею приобретаем мы бытие по подобию Божию. Тем, что зависит от нашей воли, мы распоряжаемся в полную силу; добываем же мы это себе благодаря своей энергии. Если бы Господь, создавая нас, не сказал предопределятельно: «Сотворим» и «по подобию», если бы нам не была дарована возможность стать «по подобию», то своими собственными силами мы бы не стяжали подобия Божиего. Но в том-то и дело, что Он сотворил нас способными уподобляться Богу. Одарив нас способностью уподобляться Богу, Он предоставил нам самим быть тружениками в уподоблении Богу, чтобы мы получили за (этот) труд вознаграждение, чтобы мы не были инертными вещами, подобно портретам, созданным рукой художника, чтобы плоды нашего уподобления не принесли похвалы кому-нибудь другому. В самом деле, когда видишь портрет, в точности передающий модель, то не

портрету воздаешь хвалу, а художником восхищаешься. Итак, чтобы восхищение относилось ко мне, а не к кому-то другому, Он предоставил мне самому позаботиться о достижении подобия Божиего. Ведь, «по образу» я обладаю бытием существа разумного, «по подобию» же я делаюсь, становясь христианином.

17. «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть». Понял теперь, в чем состоит дарование нам Господом (бытия) по подобию? «Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных». Если ты станешь врагом зла, забудешь прошлые обиды и вражду, если будешь любить своих братьев и сочувствовать им, то уподобишься Богу. Если от всего сердца простишь врагу своему, то уподобишься Богу. Если ты относишься к брату, погрешившему против тебя, так же, как Бог относится к тебе, грешнику, ты своим состраданием к ближнему уподобляешься Богу. Таким образом, ты обладаешь тем, что «по образу», будучи (существом) разумным, «по подобию» же становишься, стяжая благодать. «Облекись в милосердие и благодать, дабы облечься во Христа». Делами, которыми ты облакаешься в милосердие, ты облакаешься во Христа и благодаря близости к Нему становишься близким Богу. Таким образом, история (творения) есть воспитание жизни человеческой. «Сотворим человека по образу». Пусть он с момента создания владеет тем, что «по образу», и пусть (сам) становится тем, что «по подобию». Бог дал ему для этого силу. Если бы Он создал тебя и «по подобию», то в чем была бы твоя заслуга? Ради чего ты увенчан? Если бы Создатель все тебе даровал, то как бы открылось тебе Царство Небесное? И вот одно тебе дано, а другое оставлено незавершенным, дабы ты совершенствовался и стал достойным исходящего от Бога воздаяния.

— Каким же образом мы достигаем того, что «по подобию»?

— Через Евангелие.

— Что такое христианство?

— Это уподобление Богу в той мере, в какой это возможно для природы человеческой. Если ты по милости Божией решил быть христианином, торопись стать подобным Богу, облекись во Христа. Но как ты облечешься, не будучи отмечен печатью? Как ты облечешься, не восприняв крещение? Не надев одежду нетления? Или ты отказываешься от подобия Божиего? Если бы я сказал тебе: «Давай, стань подобным царю», не счел ли бы ты меня благодетелем? Теперь же, когда я предлагаю тебе стать подобным Богу, неужели ты побежишь от слова, которое тебя обожает, неужели ты заткнешь уши, чтобы не слышать спасительных слов?

18. «И сотворил Бог человека по образу Своему». «Человека, — говорит жена, — но какое это имеет отношение ко мне? Сотворен был муж, — продолжает она, — ведь не сказал Бог: «Та, которая есть человек», но определением «человек» Он показал, что речь идет о мужском существе. — Далеко не так! Чтобы никто по незнанию не подумал, что определением «человек» обозначается только мужской пол, (Писание) добавляет: «мужчину и женщину сотворил их». Жена наравне с мужем имеет честь быть сотворенной по образу Божию. Природа того и другого равночестна, равны их добродетели, равны награды, одинаково и возмездие. Пусть (женщина) не говорит: «Я бессильна». Бессилие ведь присуще плоти, а сила — в душе. Поскольку образ Божий, конечно, почитается в них одинаково, пусть будут равночестными и добродетели их обоих и проявление благих дел. Нет никакого оправдания тому, кто ссылается на телесную слабость. Но разве тело такое уж слабое? Напротив, при сострадании оно проявляет выносливость в лишениях, бодрость в бессоннице. Как может мужская природа состязаться с женской, проводящей жизнь в

лишениях? Как может мужчина подражать выносливости женщины во время поста, ее упорству в молитве, обилию ее слез, прилежанию в добрых делах?

Я сам видел, как женщина тайком совершала с благими целями воровство: без ведома мужа она оказывала благодеяния ради мужа, ради блага дома, ради счастья детей. Не ставя в известность мужа, она творила милостыню, расходуя средства ради его блага втайне от него. Но она творила это на глазах Того, Кто видит тайное, и не разглашала своего благодеяния.

Добродетельная женщина обладает тем, что «по образу». Не обращай внимания на внешнего человека: это только видимость. Душа находится как бы под покровом слабого тела. Все дело в душе, а душа равночестна; разница лишь в покрове.

И вот ты стал подобный Богу своей добротой, терпением, послушанием, любовью к брату и ближним; ты ненавидишь зло и подавляешь греховные страсти, дабы приобрести право властвовать.

19. «И да властвуют они над рыбами». Дано тебе властвовать над рыбами, лишенными разума; тем самым ты стал и владыкой слепой страсти.

«И да властвуют они над зверями дикими». Ты властвуешь над всяким диким зверем. Но почему же, скажешь ты, дикие звери сидят во мне самом? Да, и притом мириады, великое множество диких зверей, находится в тебе. И сказанное не сочти за обиду! Диким зверем является гнев, когда он кричит в твоём сердце. Не более ли он дик, чем любая собака?

А лукавство, затаившееся в коварной душе, не свирепее ли пещерного медведя? А лицемерие разве не дикий зверь? А жалящий оскорблениями не скорпион ли? А тайно готовящийся мстить не опаснее ли ядовитой змеи? А честолюбие — не хищный ли волк? Какого только дикого зверя в нас нет! А женолюбец — не похотливый ли конь? «Они, — говорит (Писание), — это кони похотливые, каждый из них ржет на жену ближнего своего». Не сказано «беседует с женой», но «ржет». Писание приравнивает его из-за страсти, которой он предан, к природе неразумных существ. Итак, много в нас зверей.

В самом деле, разве ты властитель диких зверей, если властвуешь над теми, что находятся вне, а тех, что внутри, обуздать не в состоянии? Ты можешь разумом подчинить льва, не обращая внимания на его рыканье, но в то же время сам скрежещишь зубами, издаешь нечленораздельные звуки, и весь твой внутренний гнев готов разом прорваться наружу. Что может быть ужаснее человека, который не может внутри себя оставаться самим собой, раз он подвластен страсти, раз гнев прогнал разум и овладел властью над душой?

Ты все же создан как властитель, властитель над страстями, властитель над дикими зверями, властитель над пресмыкающимися, властитель над пернатыми. Не заносись высоко своим разумом, не будь неустойчив и легкомыслен в суждениях. Тебе предназначено властвовать над птицами. Нелепо, если вне ты ловишь пернатых, а сам легкомыслен и неустойчив. Не гордись, не превозносись, не думай о том, что превышает человеческую природу; не раздувайся от похвалы, не кичись, не считай себя чем-то великим. Иначе ты уподобишься непоседливой птице, которая из-за своей подвижной натуры носится то туда, то сюда. Властвуй над своими мыслями, чтобы стать властителем над всеми существами. Таким образом, дарованная нам власть над живыми существами подготавливает нас к властвованию над самим собой. Недопустимо, чтобы тот, кем

командуют дома, командовал народами, или чтобы подчиняющийся в частной жизни гетере, в общественной жизни стоял во главе государства. Следует, чтобы тот, кто все прекрасно устраивает в личной жизни и водворяет порядок у себя дома, получал право властвовать над остальными (людьми). Если же у тебя в доме царят беспорядок и неразбериха, то подвластные тебе люди обратятся к тебе с изречением: «Врач, исцели сам себя». Поэтому прежде всего исцелим самих себя!

Того, кто не сумел поймать льва, никто не обвинит. Напротив, над тем, кто не умеет обуздать своего гнева, всякий будет смеяться. Поэтому не владеющий собственными страстями навлекает на себя осуждение, в то время как тот, кто не смог одолеть диких зверей, явно не совершил еще ничего, достойного осуждения.

20. Господь, позаботившийся о составлении Священного Писания, позволивший нашему тихому и слабому голосу до сих пор беседовать с вами, показавший вам при помощи нашего слабого рассуждения великие сокровища в этих немногих отсветах истины, Этот Господь да дарует всем вам великое в малом, совершенство познания — в немногих ростках; нам же да подаст полную награду за стремление потрудиться, а вам — совершенный плод наслаждения Словом Божиим, ибо у Него слава и сила во веки веков. Аминь.

[1] Это творение святого Василия Великого (329–379 гг.) сохранилось в древних греческих списках и представляет собой завершение его «Шестоднева». До сих пор оно приписывалось его брату — святому Григорию Нисскому. Данная Беседа 1 имеет в оригинальном тексте, опубликованном в «Sources chretiennes», t. 160. Paris, 1970, с. 166–220. такое надписание: Περὶ τῆς τοῦ ἀνθρώπου γενέσεως λόγος Α' εἰς τὸ κατ' εἰκόνα. Перевод сделан с этого издания. Там же помещено исagogическое исследование Алексиса Смитса (с. 13–157), который более склонен переводить заглавие этой Беседы — «Происхождение человека».

[2] Т. е. в этом свидетельстве о чем-то не сказано. — *Ред.*

Беседа 11

Вторая беседа о человеке святого Василия Великого, архиепископа Кесарийского [1]

1. Премудрый Соломон, умудренный «не убедительными речами человеческой мудрости», а научениями Святого Духа, прославляя человека в той (притче), которая нам только что была прочитана, восклицал: «Великое создание человек, и достоин чести муж сострадательный». Я же тщетно исследовал понятия о человеке, сложившиеся в моем уме, а также познанные из Писания. Я рассуждал примерно так: как может быть великим человек, существо смертное, подверженное тысячам страстей, претерпевающее от рождения до старости неисчислимое множество зол, тот, о котором сказано: «Господи, что есть человек, что Ты помнишь его?» Но если Псалмопевец с пренебрежением относится (к человеку), как к существу малоценному, то притча прославляет человека как нечто великое.

2. Из затруднительного положения меня вывела прочитанная история человеческого творения. Ведь мы только что слышали, что «Бог взял прах от земли» и «создал человека». Из этих слов я понял, что человек одновременно ничто и нечто великое. Если посмотришь только на его природу, то он — ничто и ничего не достоин; а

если обратишь внимание на честь, которой он удостоился, то человек — это нечто великое. Что же это за честь?

«Сказал Бог: да будет свет и стал свет».

Сравни происхождение человека и происхождение света. Тогда Он сказал: «Да будет твердь». И вот огромное небо, созданное по слову Божию, распростерлось над нами.

Звезды, солнце, луна, — все, что мы видим воочию и что воспринимаем в недостижимой высоте, — все это получило бытие по слову Божию. Море, и земля, и все, что их украшает, разнообразные породы животных, различные виды растений — все это родилось по слову.

А как обстоит дело с человеком? Не сказано: «Да будет человек», как было сказано: «Да будет твердь». Но в человеке ты видишь нечто большее. Сотворение человека возвышается над всем: над светом, над небом, над звездами, «Взял Господь Бог». Он соизволил вылепить наше тело собственной рукой. Он не дал об этом приказа ангелу, и не сама по себе земля извергла нас наподобие кузнечиков и не приказал Бог служащим ему силам сделать то или иное. Но собственной — искусной — рукой взял земли. Если посмотришь на то, что было взято, чем же окажется человек? Если поразмыслишь о Том. Кто творил, то каким же великим предстает человек! Итак, с одной стороны, он ничтожен как материя, с другой — велик по возданной ему чести.

3. «И взял Бог». Но как же так? Ведь раньше мы читали: «И сотворил Бог человека», а теперь снова идет речь о сотворении человека! История, словно мы ничего не знаем о человеке, говорит: «И взял Бог прах от земли и вылепил Бог человека». Некоторые говорили, что слово «вылепил» (ἐλάσεν) относится к телу, а слово «сотворил» (ἐποίησεν) — к душе. Пожалуй, такое толкование не лишено истины. В самом деле, когда говорится: «И сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его», то употребляется слово «сотворил». Когда же нам повествуется о телесной сущности (υποστάσεως), то употребляется слово «вылепил». На это различие между творением и лепкой указывает Псалмопевец, когда говорит: «Руки Твои сотворили меня и вылепили меня». Сотворил внутреннего человека, вылепил внешнего. Ведь лепка имеет дело с глиной, а творение — с тем, что по подобию. Поэтому плоть вылеплена, а душа сотворена.

4. И вот, по-иному выразившись о сущности (υποστάσεως) души, Писание повествует нам теперь о формировании тела. Восприми это как первый довод.

Какой же довод другой? Сначала об этом говорится вообще, а затем передается, каким образом это произошло. Выше было сказано, что сотворил Бог, здесь же говорится, как Он сотворил. Ведь если бы было просто сказано, что Бог сотворил, ты подумал бы, что Он сотворил человека так же, как скотов, как диких животных, как растения, как траву. И вот, чтобы ты не относил себя к разряду диких животных, Божественное слово сообщает о том особом искусстве, которое Бог проявил при создании тебя: «Взял Бог прах от земли». Там сказано, что Бог сотворил, здесь — как Он сотворил. Он взял прах от земли и вылепил собственными руками.

Вспомни, как ты создан. Поразмысли о мастерской этого естества. Рука, взявшая тебя, — рука Божия. А вылепленное Богом не должно быть осквернено пороком, не должно извращаться грехом; не выпадай из руки Бога! Ты — сосуд, созданный Богом, происшедший от Бога; прославь же Творца. Ведь ты появился не ради чего-то иного, но только ради того, чтобы стать орудием, достойным славы Божией. И весь этот мир для

тебя — словно некая написанная книга, повествующая о славе Божией, возвещающая собой тебе тайное и незримое величие Божие, тебе, имеющему ум к познанию истины. Итак, тщательно запомни сказанное.

5. «И благословил их Бог, и сказал: возрастайте и размножайтесь, и наполняйте землю». Есть два вида возрастания: одно — тела, другое — души. Возрастание души — это восхождение через знания к совершенству, а возрастание тела — это развитие от малого роста до нормального.

В самом деле, «возрастайте» сказано бессловесным животным в смысле телесного развития, в смысле совершенствования их природы. Когда же нам сказано «возрастайте», то подразумевался человек внутренний и его возрастание в Боге. Таков был Павел, устремленный вперед, предающий забвению (достигнутое) в прошлом. Это — совершенствование мировоззрения, укрепление благочестия, устремленность к лучшему, дабы мы всегда держались истинного бытия, к забвению достигнутого, чтобы стремиться к тому, чего недостает для благочестия. Так же поступал Исаак, о котором в Писании содержится такое свидетельство: «И возвеличивался человек сей и стал весьма великим» (Быт. 26, 13). Ибо он не отступал (от пути своего) и не останавливался, достигнув небольшого успеха, но большими шагами постоянно шел вперед, восходил делами добродетели: быстрой поступью прошел он через воздержание, достиг справедливости, а от нее поднялся к мужеству. Вот как, целеустремленно двигаясь, праведник достигает наивысшей точки добра. Итак, «возрастайте» возрастанием по Богу и совершенствованием по внутреннему человеку.

«Размножайтесь»: это (обращено) и к Церкви. Да не будет богословие для одного, но да будет проповедано Евангелие спасения по всей земле.

«Размножайтесь!» К кому это относится? К тем, кто родились согласно Евангелию.

«Наполняйте землю». Плоть, данную нам для служения, наполните добрыми делами. Да будет око исполнено созерцания того, что подобает. Да будет рука дополнена добрых дел, да будут ноги готовы посетить немощных, пусть они идут, куда следует [2]. Пусть будут все наши члены в их совокупности полностью заняты заповеданными нам делами. Вот что значит «наполняйте землю».

Таким образом, эти слова относятся и к бессловесным, но они приобретают особый смысл для нас, обладающих образом, которого удостоены. Ибо они растут телесно, мы же — духовно; и одни наполняют землю своим множеством, а мы добрыми делами наполняем сопряженную с нами землю, то есть (осуществляем) телесное служение.

6. «Вот Я дал вам всякое дерево, которое имеет в себе плод, это будет вам в пищу». Пусть Церковь ничего не оставляет в небрежении: все есть закон. Не сказал (Бог): «Я дал вам в пищу рыб, дал вам скот, пресмыкающихся, четвероногих». (Писание) гласит, что не ради этого Он создал их. Но первое законодательство допустило вкушение плодов: ведь мы еще считались достойными рая.

Что означает для тебя скрывающаяся здесь тайна?

Вам и диким зверям, и птицам — плоды, говорит (Писание), а также зелень и травы: «вам в пищу и птицам небесным и всем диким зверям на земле». Однако мы видим, что многие из животных не питаются плодами. В самом деле, какой плод себе для пропитания берет пантера? А каким плодом можно накормить льва?

Но все же эти (существа) питались какими-то плодами, предназначенными законом природы. Когда же человек отклонился (от закона) и вышел за предназначенные ему пределы, Бог после потопа, зная неумеренность людей, позволил им употреблять в пищу все: «Все это вкушайте, как зелень травную». Этим разрешением и остальные живые существа получили беспрепятственный выбор в еде.

Итак, с того времени лев пожирает мясо, коршуны выжидают падаль. А ведь в те времена, когда родились животные, коршуны еще не выискивали (этого) на земле. Ведь еще ничто из того, что получило от Бога свое назначение и существование, не умерло, и коршуны не могли этим насыщаться. И в природе не было раздора, ибо она пребывала в полном цветении; охотники еще не губили (животных), ибо такого занята (как охота) у людей еще не было. И звери никого не терзали, ибо не были плотоядны. У коршунов обычай кормиться трупами: тогда же не было еще ни трупов, ни трупного запаха и пища коршунов была иная. Но все жили, как лебеди, и кормились на лугах. Мы часто замечаем, как собаки едят траву в качестве лекарства, и это не потому, что такова их естественная пища; неразумные существа, движимые природным инстинктом, идут к тому, что им полезно. Из этого сделай заключение, что и в те времена плотоядные животные поступали таким же образом; они считали своей пищей траву и не нападали друг на друга.

7. Каким было первое творение, таким должно быть впоследствии восстановление. Человек возвращается к своему прежнему состоянию, отвергая порок, эту многосуетную жизнь, рабство души у житейских забот; отбросив все это, он снова обращается к райской жизни, избавленной от рабства плотским страстям, к жизни свободной в непосредственной близости к Богу, к жизни ангелоподобной.

Это мы сказали не потому, что желаем отказаться от пищи, которую дает нам Бог, а потому, чтобы восхвалить бывшее время, какой была жизнь, в какой степени она была свободна от (всякой) нужды, как мало требовалось людям для их жизни, и сколь прихотлив наш образ жизни, ведущий к греховности. Однажды лишённые подлинных райских наслаждений, мы стали выдумывать себе поддельную пищу. И так как мы уже не видим более древа жизни и с возвышенной душой не любим его красотой, то для услаждения нам даны повара и пекари, всевозможные печенья, ароматические вещества и другие подобного рода вещи, утешающие нас в нашем оттуда изгнании.

Так больные, изнуренные тяжелым недугом, не могут участвовать в обычных наслаждениях и получают от врачей подкрепление в виде ароматических и других подобных средств; поскольку они лишились наслаждения более твердой пищей, то потворствующие их чувствам врачи выдумывают больным средства, соответствующие их слабостям. А потому теперь, коль скоро мы стремимся подражать жизни райской, нам следует избегать чрезмерного наслаждения пищей и придерживаться, насколько это возможно, определенного образа жизни: использовать для поддержания жизни продукты земли, семена и твердые плоды, а все, что сверх того, отбросить как ненужное. И хотя Творец не сделал это неприемлемым, все же не стоит это предпочитать, даже если достигается удовольствие для тела.

8. «И почил Бог от всех дел своих в день седьмой». Пусть знатоки науки чисел и те, кто изучал подобного рода предметы и считает знания в этой области чем-то важным, скажут, что число «шесть» сродни сотворению мира по своей плодovitости, поскольку рождает из себя много числовых сочетаний и является совершенным в своих частях. Что же касается теорий о шестерке, излагаемых математиками в школьных рассуждениях, то пусть те, у кого есть досуг, говорят об этом особо. Пусть также говорят и о семерке, что в этом числе есть некая бесплодность, потому что число «семь» ничего из себя не рождает и

само от другого не рождается. Чтобы избежать чрезмерного увлечения этим пространным предметом, я скажу о нем немного и перейду к тому, что легче для понимания.

Сведущие в этих вопросах пусть знают, что сокровище этих знаний заложено в нас. Вот почему именно здесь семена математики, если математика есть нечто важное. Поскольку эта наука порождена мудростью мира или сама есть мудрость мира, мы не собираемся хвастаться тем, что сами заимствовали кое-что из значительных трудов. И чтобы показать этим людям, что исследуемое ими со столь великим усердием в наших глазах презренно, обойдем молчанием изучение этих вопросов, к тому же теоретизирование по этому поводу не всем будет понятно. Но Церковь существует не для того, чтобы слушать отвлеченные рассуждения, а чтобы искать решения проблем домостроительства.

9. Итак, седьмой день, то есть суббота, был особенно почитаемым днем. Седьмое число было в почете у иудеев, на него приходились праздники кушей, труб и умилоствления. У них почитался седьмой год, называвшийся годом отпущения долгов. В эпоху, когда они владели землей обетованной, им разрешалось шесть лет обрабатывать землю, на седьмой же год надлежало довольствоваться тем, что произрастет само собой. Шесть лет еврей был рабом, а на седьмой год освобождался от рабства. На семидесятый год у них прекратился плен. Однако вернемся к нашему предмету.

Семь раз, как говорит (Писание), праведник упадет и встанет. Так постепенно семерка входит в наш обиход. Енох, седьмой от сотворения, не увидел смерти: это — тайна Церкви. Будучи седьмым после Авраама, Моисей получил закон, который явился изменением жизни, падением беззакония [3], введением справедливости, схождением Бога, благочинием в мире, законодательством того, что должно делать. В семьдесят седьмом поколении от Адама появился Христос.

10. Петр знал потаенный смысл семерки. «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз?» Петр знал тайну недостаточно; он еще не познал ее, так как был только учеником. «До семи ли раз?» Не пренебрегал семеркой и Учитель; что же касается ученика, то он сказал то, что знал. Господь несравненно превосходил его. «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня?»

Почему он (Петр) не спросил: «Не до шести ли раз?», «Не до восьми ли раз?», а опросил: «До семи ли раз?» Почему Господь не ответил: «до ста сотен», но умножил число семь?

Ни Петр в своем вопросе не употребил другое число, ни Господь не вышел за пределы канона «семерки». Петр заметил, что эта традиция древняя, что семерка обозначает известное отпущение грехов, заключительный отдых, знаком коего является суббота, седьмой день после начала творения. Петр (дошел) до семи раз, Господь — до семижды семидесяти раз.

Грехи наказуются семь раз. Разве не сказано: «Всякому, убившему Каина, отомстится всемеро»? И здесь речь идет о семи, а, скажем, не о восьми. Почему?

Потерпи немного — и ты откроешь: тайну. Первое преступление наказывается семь раз. Вторым грехом было убийство, совершенное Ламехом. «Если за Каина отомстится всемеро, то за Ламеха — семьдесят раз всемеро». Если для Петра семикратное отпущение восходит к наказанию Каина, то снисхождение от Господа отпускать (грехи) до семижды семидесяти раз соответствует осуждению Ламеха семьдесят раз всемеро. Как ни велико

прегрешение, столь же велико и милосердие. Там, где прегрешение невелико, невелико и отпущение, ибо кому мало оставляется, тот и мало любит. «Где умножился грех, стала преизобиловать благодать». В чем же, однако, тайна? Восьмым днем называют то время суда, когда грешник будет наказан всемеро, а совершивший тяжелое преступление — семьдесят раз всемеро. Праведнику воздается всемеро, а сверхправеднику — семьдесят раз всемеро. Ныне по человеколюбию Божию мы постигаем грядущее гадательно, тогда же, во время пришествия, истина предстанет светлой и прозрачной: она покажет, кто чего достоин. Итак, Господь дарует нам, грешникам, семикратное отпущение грехов, сжалившись над нами ради нашей исповеди и раскаяния. Вот почему, зная этот страшный день и предоставленную грешникам возможность расплатиться со своими долгами, давайте путем раскаяния заранее предложим воздаяние, соответствующее долгу, совершенным проступкам, и уничтожим наши грехи, чтобы избежать тогда (в день суда) гнетущего обилия долгов. Итак, скажем, что теперь седьмой день перед тем восьмым днем расплаты (за грехи) века сего.

11. «И почил Бог от дел Своих». В этот день нет в мире больше ни работы, ни свадеб, ни торговых сделок; не производится сельских работ, но вся земля в оцепенении, тварь в смятении, все в поте лица. Даже праведники будут в тревоге о том, какой жребий им выпадет. Даже Авраам тогда будет испытывать страх, не потому, что и он может быть осужден в геенну, а в ожидании определения, и какой чин праведников он будет поставлен: в первый, второй или третий: Господь сходит с небес, а сами небеса разверзаются, все могущество обнаруживается, вся тварь содрогается. Кто свободен от страха? Даже ангелы (в трепете)! Хотя они присутствуют не для того, чтобы дать ответ Богу, однако славное явление всем внушает трепет. Не слышишь ли, что говорит Исаия: «Если бы Ты расторг небеса, перед лицом Твоим потряслись бы горы». В тот день замерзнут моря, прекратится творение, природа замрет. Всякое обращение к словам бессмысленно перед лицом Того, Кто грядет с неба. Тогда восхитят праведников, а колесницей праведникам послужат облака; тогда провожатыми праведников будут ангелы, тогда праведники вознесутся от земли на небо, подобно звездам. Грешники же, в оковах, под бременем своих грехов ниспадут в преисподнюю со своей нечистой совестью.***

Тот седьмой день прообразуется этим седьмым днем: «И почил Бог от всех дел Своих». В этот день уже не должно быть места чрезмерным житейским попечениям. Улеглись юношеские страсти, пет стремления к браку, нет желания родить детей, нет беспокойства о золоте, ты, сребролюбец, забыл о своей мошне; ты, землевладелец, забыл о земельных владениях; ты, честолюбец, забыл о славе. Все это вылетело из мыслей. Душа находится пред Тем, Кто внушает страх; она (объята) ожиданием грозящих ужасов. Страх изгоняет все страстные помыслы, поселившиеся в наших душах. Там, где присутствует страх Божий, исчезают все пятна страстей из наших мыслей. Таков этот седьмой день — отпечаток того седьмого дня.

12. «Взял Бог прах от земли и вылепил Бог человека». Сотворение мира не было закончено. Повествование не прерывается вставкой рассказа о том, что касается нас, но сказано: «Сотворил Бог человека и почил от всех дел Своих». И когда Он предался покою, (Писание) осведомляет нас о том, как именно сотворил Бог: «Взял Бог прах от земли».

Когда ты слышишь слово «прах», научайся бесстрашию. Не суди о человеке по его наружности. Что ты так гордишься? Когда посетят тебя помыслы, подобные червоточине и смущающие сердце, проникайся воспоминаниями о творении, о том, как ты сотворен: «Взял Бог прах от земли и вылепил Бог человека». Когда ты можешь забыть о себе самом? Ты тогда забываешь о себе, когда отрываешься от земли, а если ты никогда не

отделяешься от земли, но сросся с землей, то ты ходишь по земле, отдыхаешь на земле, судишься на земле. Чего бы ты на земле ни делал великого или малого, тебе всегда сопутствует напоминание о твоей незначительности.

Ты горделив и вспыльчив? Откуда у тебя гнев? От недостатка в уважении? Тебе невыносимо слышать о своем скромном происхождении? В тебе тотчас закипает гнев? Ты тщишься выразиться хуже того, что услышал? Опусти взор — и прекратится у тебя гнев. Посмотри на землю и подумай: он сказал, что я, происшедший из земли, низок по происхождению. Он сказал менее значительное по сравнению с тем, чем я являюсь; ведь он не сказал, что я от земли, но сказал, что — от человека. Насколько человек, обладающий душой, достоин большей чести, чем попираемая земля! Я же смотрю на землю, как на древнюю мать, поэтому родиться от раба не позор, а честь, поскольку родился имеющим душу. Тот, кто думал меня оскорбить, сам того не зная, скорее оказал мне честь, чем оскорбил. Я же, со своей стороны, имею понятие о своей природе, знаю, кто я и откуда явился.

Таким образом, память о том, что мы произошли из земли, никогда не позволяет нашему гневу пробуждаться. Да будет спутницей разуму земля, вечно сущая и напоминающая о себе!

13. Всякий раз, когда ты бежишь, гонимый страстью, ты бежишь по земле. Вспомни, как ты явился (в мир); если ты осознаешь, что обратишься в землю, то безумство твоей страсти прекратится. «Ты — земля и в землю возвратишься». Вспомни, что этих членов, в которых теперь пульсирует кровь, скоро не будет, как не станет и нынешней плотской страсти, ибо члены распадутся и обратятся в землю. Вспомни о (своей) природе — и прекратится всякое стремление к пороку. Да будет нам это воспоминание предостережением от всякого греха.

«Вылепил Бог человека, прах от земли». Прекрасное умаление, и воспоминание об этом сообразно природе. Если бы (Писание) сказало: «Бог вылепил человека, взяв (нечто) от неба», то когда бы мы взглянули на него (небо), чтобы вспомнить о (своей) природе? Напоминание о нашем ничтожестве находится под нашими руками и ногами. Наклонись к земле и пойми, что ты создан из того, что родственно земле и что в тебе низменно. Что есть на свете более жалкого, чем мы? Что способно унижить нас более чем мы сами?

Не видел ли ты какого-нибудь гордеца, облаченного в пестрые одежды, со сверкающим перстнем на руке, с драгоценным камнем — предметом его гордости, одетого в шелковые ткани, имеющего слуг, отрастившего длинные да к тому же рыжие волосы, шествующего важно и чинно, носящего золотые ожерелья, восседающего на серебряном троне, величественного в манерах, кичливого, высокомерно говорящего перед толпой слуг и льстецов, которых он всюду таскает за собой? Не видел ли ты его за роскошной трапезой, во время приветствий, которые расточают ему все в общественных местах: одни — поднимаясь со своих скамей, другие — идя навстречу, третьи — сопровождая его, а иные — беря на себя роль охранителей порядка? Когда ты видишь, как выступают эти властители, перед которыми идет с громким криком глашатай; когда ты видишь, как одного они запугивают, другого предают пытке, у одного конфискуют имущество, другого предают смерти, не страшись того, что видишь, при (подобных) событиях, не пугайся того, кто их вызвал; пусть воображение не лишает тебя разума. Вспомни, что Бог вылепил человека, прах от земли. Если это не так, страшись, если же этот человек — прах от земли, презирай его.

14. «И вылепил Бог человека». Выражение «вылепил» вовсе не раскрывает нам процесс действия Бога по отношению к человеку. «Вылепил Бог». Не вылепил ли Он так, как лепят из глины или как отливают из меди? Но лепка статуи и отливка гипса воспроизводят только внешнюю сторону. Ты, наверное, заметил, что всякая статуя выражает характерные черты. Статуя воина выражает храбрость; бронзовая фигура, которой придана форма женщины, передает женственность; или же статуя выражает что-то иное, насколько искусство способно через подражание воспроизводить характерные черты нрава.

Лепка, осуществляемая Богом, совсем иная. Он вылепил человека, и Его творческая сила, начиная изнутри, расположила в строгом порядке все внутренние органы. Если бы у меня было достаточно свободного времени, чтобы объяснить тебе строение человека, ты на своем собственном примере постиг бы Божественную мудрость, (проявленную) в тебе, ибо человек — это поистине микрокосм (малый мир), и правильно поступили те, кто назвал его этим именем. Сколько исследований посвящено этому вопросу! Труды медиков по физиологии, составленные учителями гимнастики руководства, где говорится о соотношении частей тела, об их симметричности и о распределении мышц, — все это свидетельствует о лепке человека. Где я найду такие слова, которыми с точностью мог бы передать, как много содержится в одном только выражении: «Он вылепил»? Что касается общедоступного, то это ты сам знаешь, даже если я об этом ничего не скажу.

15. Бог создал человека стоящим прямо. Прямое положение Он даровал тебе как преимущество над остальными живыми существами.

— Почему?

— Потому что Он был намерен даровать тебе и исключительную способность. Все остальные живые существа — это скоты, их телесное устройство соответствует тому, ради чего они произведены на свет. Скот родился, чтобы пастись, поэтому голова его наклонена вниз, а взор обращен к желудку и к тому, что под желудком, поскольку предел счастья для скота — наполнение желудка и наслаждение. Человек же не смотрит на свой желудок, его голова находится наверху и посажена прямо, дабы взирать на родственную человеку высоту. Глаза его не опущены к земле. Так не поступай же вопреки природе. Приковывай свой взор не к земному, а к небесному, где находится Христос. «Если вы воскресли с Христом, — гласит Писание, — то ищите горнего, где Христос». Вот как тебя вылепили. Сама эта лепка поучает тебя цели, ради которой ты рожден. Ты родился, чтобы взирать Бога, а не ползать по земле; не наслаждаться удовольствиями скотов, а готовить себя к Царству Небесному. Именно поэтому «у мудреца глаза на голове его», как говорит мудрый Екклесиаст. А у кого глаза не на голове? «На голове» — это для того, чтобы созерцать горнее. Напротив, кто созерцает не горнее, а земное, того взор устремлен к земле.

16. Глаза имеют округлую форму. Голова находится на плечах, но не скрывается в них, чтобы не была принижена, она покоится на достойном возвышении — на шее. Наверху — голова, наверху — и два смотрящих глаза.

Не достаточно ли было бы мне одного глаза?

Но два глаза могут заменять друг друга, чтобы при повреждении одного другой мог прийти на помощь. Кроме того, зрение одним глазом слабое; напротив, образующийся из двух источников (зрительный) отпечаток делается более отчетливым. Взгляды, направленные вперед, скользят вдоль стенок носа, а выйдя за их пределы, соединяются

воедино. Подобно водному потоку, два взгляда выходят из двух источников (зрения), — один — из одного, другой — из другого, — но вскоре, сливаясь, объединяются. Взгляд же, ставший единым, естественно, сильнее.

Что же служит доказательством того, что взгляд становится единым?

Не замечаешь ли, что старики не видят того, что находится вблизи? Поскольку раздвоенный взгляд слабый, то он не видит того, что близко. А там, где взгляды сливаются воедино, происходит как бы зрительное наводнение, при котором восприятие чувственных вещей становится более отчетливым.

А сколько защитников находится вокруг глаз?

Внутри оболочка (χῖτων), но ее недостаточно: ведь она не могла быть плотной. Если бы она была плотной, то служила бы помехой зрению. Она должна была быть прозрачной и легкой. Во всяком случае, одна оболочка прозрачная, другая — тонкая; одна — кристалловидная, другая — роговидная; наружная — более толстая, внутренняя — более тонкая, чтобы не мешать прохождению (взгляда). А третья — кристалловидная, чтобы и образ запечатлеть, и быть прозрачной. Защитой служит веко; это — покров и завеса, своего рода жилище и убежище. Загораживать (глаза) может и рука. Но в ожидании, пока она поднимется, глаз может потерять зрение. Веко же расположено совсем близко к глазу, находится над ним. Едва оно почувствует опасность, как сразу же защищает глаз как завеса. Вот почему, зрачок, находящийся под защитным покровом, всегда трудно задеть. Из всех наших органов только глаз, скрывшись под покровом века, хочет остаться недоступным. Его окружают ресницы. Для чего?

Чтобы смыкание верхнего и нижнего века совершалось точнее, ибо ресницы, как шнурки, перекрещиваются друг с другом. Кроме того, они отгоняют мелких насекомых и не позволяют пыли садиться на зрачок, который по разным причинам может потерять зрение. Это — своего рода охрана, расставленная вокруг нас ресницами. Охрана эта приятна на вид внешними очертаниями и приносит пользу.

Бровь, нависающая над глазом, представляет собой своеобразное возвышение для направления взгляда по прямой линии.

Каково доказательство этого? Когда ты хочешь посмотреть вдаль и, согнув руку, приставляешь ее к бровям, ради чего ты так делаешь? Ради того, чтобы направленный ввысь взгляд случайно не рассеивался, но при помощи приложенной руки получал нужное направление и устремлялся вперед и, чтобы скорректированное таким образом зрение было более точным и острым. Благодаря прикладыванию руки взгляд направляется по нужному пути. Брови же одновременно и направляют взгляд, и не позволяют выступившему при тяжелой работе поту капать (на глаза) и мешать зрению. Вот почему брови служат своего рода защитной стеной.

Какой виноградарь может так удачно расположить свой виноградник, оградив его валом, чтобы чужому нельзя было забраться, и чтобы это место было недоступно окружающим его водным потокам, как это сделал Господь, устроив ограду из бровей? Как заботливо начертал Он их контуры ради нашего блага, распределив по обе стороны носа, исходящими из единого сочленения, чтобы пот стекал по краям (лица) и не причинял неудобства земледельцу, и чтобы не нужно было отрывать руку от виноградника для вытирания пота; между тем как пот стекает по своим собственным путям, ибо Творец с

самого начала указал каналы для отекания вниз, глаз может беспрепятственно осуществлять свое назначение.

17. Если бы мы захотели сказать только о том, с каким искусством Бог все в нас устроил, нам бы не хватило полного дня. Но и по одному приведенному примеру вы можете составить представление о целом. Нас же отпустите с молитвами в необходимый путь, который мы поспешно предприняли, дабы возвратиться к вам здоровыми и невредимыми и отдать вам оставшийся долг благодатию все о нас устроившего Господа, сотворившего нас по милости Своей, ибо Ему слава во веки веков. Аминь.

[1] Вторая беседа имеет надписание: Του αὐτοῦ εἰς τὸν ἀνθρώπον.

[2] *Вариант:* будут скоры на исполнение долга

[3] *Вариант:* освобождением от греха